

U $\frac{169}{40}$

Проф. Эрнст Шульце
Ректор Лейпцигской Коммерческой Академии

U 169
40

№ 452.

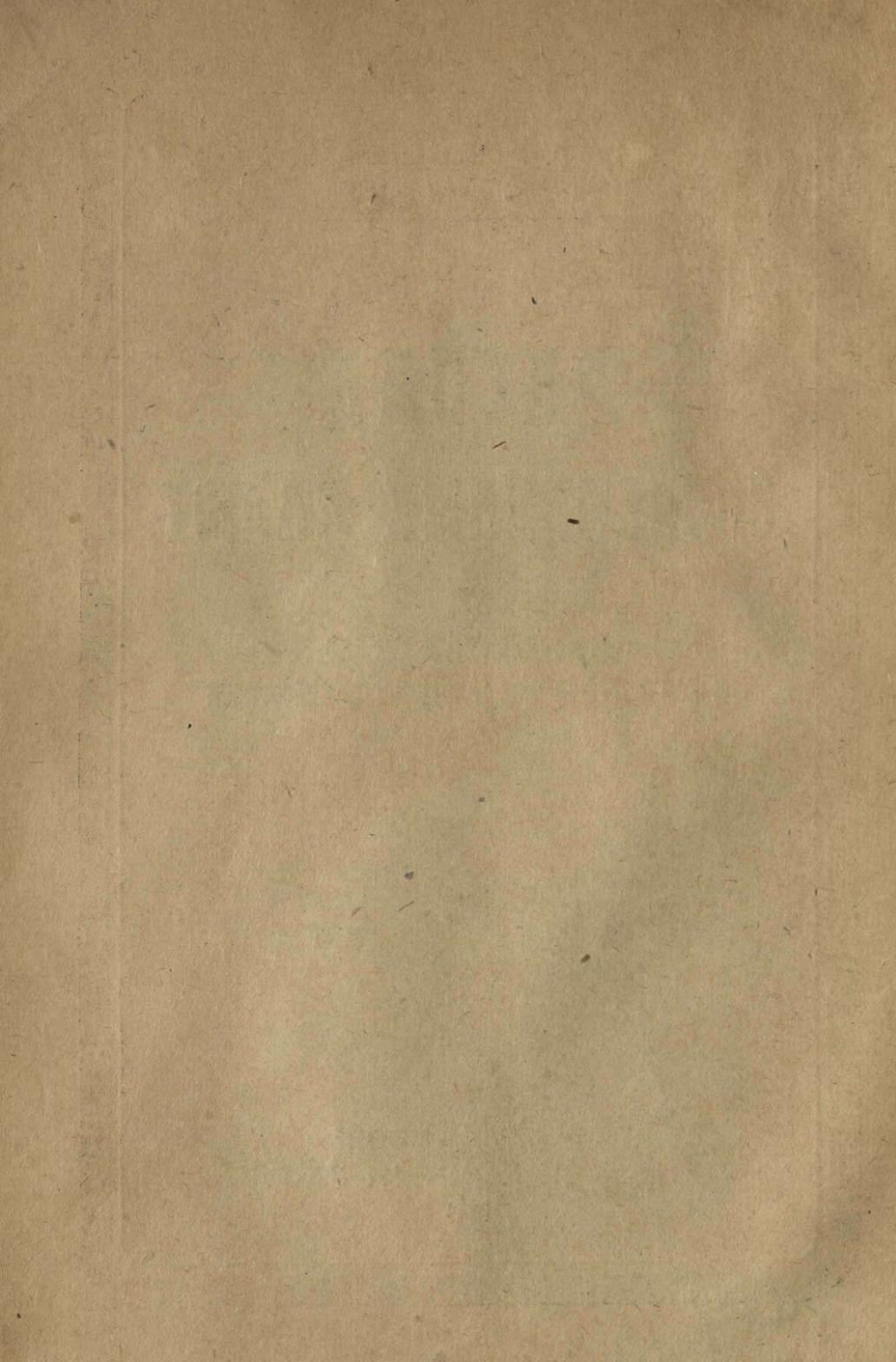
РАСПАД СОВРЕМЕННЫХ ВАЛЮТ

КРАХ ДЕВИЗНЫХ КУРСОВ
И ЕГО ТОРГОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
Изд-во „КНИЖНЫЙ УГОЛ“

1924

Ш-9 59

Проф. Эрнст Шульце

Ректор Лейпцигской Коммерческой Академии

U $\frac{169}{40}$

Шульце

РАСПАД СОВРЕМЕННЫХ ВАЛЮТ

Крах девизных курсов и его торгово-политические
последствия

Перевод с немецкого.

И. Д. Маркусона

ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИЖНЫЙ УГОЛ“
1924

Н₂
Усв

2020247116

..... ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ
«ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВПКС»
:: ТИПОГРАФИЯ ::
«КРАСНЫЙ АГИТАТОР»
:: ЛЕНИНГРАД ::
7 КРАСНОАРМЕЙСКАЯ, 26

25572-36
П. 13/6/2

Ленинградгублит № 817.
Тираж 2.000.

К В И Г А И М Е Т.

ОЧЯТЕ. Листов	Выпуск	В перепл. едия. соедин. №№ выд.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	Меня списки в порядковом
12	1					21	488 <hr/> 1813

л. 39 т 300 тс.

1948 г.

10/11

121

ПРЕДИСЛОВИЕ.

О деньгах говорят в настоящее время гораздо больше, чем раньше, особенно в странах с плохим денежным обращением, где все ориентируется на валюту. Хозяйка не может приготовить обед, не думая об этом, купец не может вести свое торговое дело, а фабрикант — производить. Даже куры начинают класть яйца в соответствии с курсом доллара, а многие коровы хлева как-будто знакомы с биржевыми бюллетенями. Расчеты в иностранных деньгах, накопление разных видов денежных знаков, спекуляция иностранной валютой, все это проникло в мельчайшие поры народного хозяйства.

Поэтому, валютный вопрос имеет гораздо большее народно- и всемирно-хозяйственное значение, чем это было 10-15 лет тому назад. Этот вопрос всколыхнул до основания не только внешнюю торговлю, но и все производственные и потребительные отношения. К тому же, как-будто мало надежды на то, что расстройство девизных курсов прекратится в ближайшие годы.

Отсюда вытекает серьезная задача выяснить, как образуется курс девиз, каковы причины его колебаний и какие последствия этим вызываются.

Следуя многочисленным просьбам читателей моей книги «Die Zerrüttung der Weltwirtschaft», я выпускаю, поэтому, особым изданием важнейшие главы, касающиеся валюты (11, 13, 14, 15 и 16) из второго издания этой книги ¹⁾.

¹⁾ „Die Zerrüttung der Weltwirtschaft“ имеется в русском переводе: Э. Шульце.—Развал мирового хозяйства, перев. с нем. Ш. Дволайцкого. Госуд. изд-во. Москва. 1923. Перевод сделан с первого издания, законченного автором к середине 1921 г. Второе издание, появившееся в конце 1922 г., заключает в себе существенные дополнения и изменения.

(Примеч. перев.).

Наша наука должна освещать и разъяснять социально-экономические явления. Несмотря на наличие превосходной литературы по валютному вопросу, нам кажется необходимым дать новое освещение торгово-политических и производственно-политических последствий колебаний валютных курсов. Моим стремлением было доказать, как глубоко влияет разрушение мировых гаритетов на торговлю, производство и участь народных масс.

Валютная теория, которую я предлагаю в этой книге, характеризуется уже одними заглавиями отдельных глав. Важнейшей из них является последняя о «двуликотом характере валют и обособлении национальных хозяйств».

Здесь выпущены многие подробности, касающиеся валютной проблемы, из «Развала мирового хозяйства»: напр., соображения об инфляции и дефляции (3 глава, раздел С, V—VI). Равным образом, в интересах экономии места, выброшена 12 глава (Доллар, стерлинг, марка и рубль), а также особая глава о валютно-политических методах лечения болезней мирового хозяйства, ибо тут «Развал мирового хозяйства» уже устарел. Я отсылаю поэтому к указанной книге тех, кто желает подробнее ознакомиться с возможностями возврата к золотому обращению или к вопросу о стабилизации денег, о международных займах, о валютных союзах или междугосударственных кредитах. Я уже потому не считал себя вправе перепечатать здесь эти главы, что они стоят в неразрывной связи с прочими методами, которые было бы необходимо применить для излечения мирового хозяйства. Нельзя устранить тяжкую болезнь мирового и национальных хозяйств, если копаться лишь в отдельных симптомах. Как бы ни была важна активная валютная политика — она одна не может помочь злу, если одновременно не будут удалены прочие вреднейшие яды, которые угрожают ныне хозяйству и культуре.

Эрист Шульце.

Лейпциг.

20 марта 1923 г.

I.

1. Крах валют.

Хозяйственное истощение распатанного мира отчетливо выявляется в крахе валют и в их непрерывных колебаниях. Это обстоятельство вынуждает строить все экономические отношения между отдельными хозяйствами двух стран на совершенно иных, неровных и крайне неудобных основаниях.

Необходимо оставить ошибочное мнение, будто в курсах валют только проявляется выравнивание платежных балансов отдельных хозяйств двух государств за пределами своих границ, или будто валюта определяется высотой цен в одной стране по сравнению с другой. То и другое верно лишь до некоторой степени. В настоящее время все валюты скорее обуславливаются частно-хозяйственными и политическими оценками чужих денег, — оценками, представляющими почти неподдающийся распутыванию клубок.

A. Государство и девизная политика во время мировой войны.

С того момента, как многие государства вступили с огромными финансовыми средствами в область производства и внешней торговли, государственная державная политика должна была заняться также и курсом девиз. Движение валют во время войны и после нее во многих отношениях определялось государственной экономической политикой.

Каждое государство стремилось к тому, чтобы держать свою валюту за-границей на возможно более высоком уровне — как по экономическим, так и по политическим соображениям. Если это удавалось государству, то его деньги в собственной

стране могли стоять выше, чем это соответствовало фактическому положению вещей, но стоило подпорке обломиться, как валюта катилась быстро вниз. С другой стороны, военные успехи, получая и за-границей политическую оценку, могли быстро поднимать вексельный курс. Таким образом, на цены девиз воюющих государств оказывали существенное влияние и политические моменты. В течение нескольких месяцев валюта могла переоцениваться, а затем снова недооцениваться. В диких конвульсиях она то вскакивала вверх, то стремительно падала вниз.

Если бы вновь наступило время, когда государственная потребность в чужих девизах существенно уменьшилась бы, если бы, далее, прекратились насильственные вторжения чужих государств в народное хозяйство других стран, т.-е., если бы человечество вернулось к политическому и экономическому разуму, то прекратились бы и валютные конвульсии. Но так как подобная надежда пока является иллюзией, то мы и видим дальнейший развал мирового хозяйства и связанный с ним упадок хозяйства в отдельных странах.

Только теперь мы можем понять, какое благодеяние представляло постоянство вексельных курсов до 1914 года. Они двигались в мирное время с совершенно незначительными колебаниями маятника около одной твердой точки, или, вернее, между двумя близко лежащими и твердыми параллельными линиями. Действенную роль играла тут учетная политика: если курс девиз ухудшался, Центральный банк повышал учетный процент, и этим большею частью, привлекались деньги из-за границы, в самой же стране сокращалось потребление и ввоз, и увеличивался вывоз, и, таким образом, улучшался платежный баланс. Золотая валюта во всех важнейших странах создавала единую основу международных платежных отношений, благодаря чему вексельные курсы регулировались путем арбитража почти сами собой: они могли отклоняться в одну или другую сторону между двумя, лишь незначительно отстоящими друг от друга золотыми точками, но как только достигалась высшая или низшая золотая точка, автоматически выступал на сцену вывоз золота за границу или ввоз золота в страну, и весы платежных балан-

сов тотчас возвращались к равновесию. Цифровое выравнивание платежного баланса, который составляется из товарного баланса, из движения денег и капиталов, из незаметных видов вывоза (а именно заработков пароходных обществ и комиссионной торговли) и других, большей частью незначительных, доходов и расходов, происходило при помощи весьма незначительных сумм наличных денег. Находившееся за границей наличное количество металлических и бумажных денег чужой страны было весьма ограничено. Эти деньги оборачивались, большей частью в пограничных областях, где они служили непосредственно хозяйственному обороту. Напротив, в настоящее время у границ каждой страны, валюта которой существенно отклоняется от паритета с валютой соседней страны, накапливаются весьма значительные массы средств денежного обращения (а именно, бумажных денег). К тому же во владении крупных и мелких банков (а не только Централных банков), а также в карманах и хранилищах частных лиц, находятся огромные денежные суммы в иностранной валюте. Но учетная политика тут не может помочь, ибо повышение процента в состоянии привлечь лишь деньги той же валютной высоты.

Виною всему является инфляция, которая с 1914 года беспримерно усилилась во всех государствах мира. Мы не будем здесь доказывать, что эта инфляция не ограничилась увеличением средств денежного обращения.

Мы бросим лишь взгляд на средства платежа, которыми в чужой стране можно всегда и непосредственно купить товары, или услуги, или покрыть свои долги.

Состояние равновесия между валютами различных стран бесповоротно разрушено. В то время, как до войны колебания цен иностранных денег заключались в границы благодаря золотому обращению, и эти границы нарушались лишь жестокими экономическими кризисами (как в Соединенных Штатах в 1907 году) или исключительным и внезапным разбуханием потребности государства в платежных средствах, превышающих силы собственного народного хозяйства (как это было в русско-японскую войну на обеих сторонах) — ныне подобной границы не существует.

Золото не могло устоять против бурного потока инфляции, золотое обращение большинства стран разрушено, вместо вывоза или ввоза денежного металла при переходе через золотые точки, ныне через все границы бурно переливается море бумажных денег — и в этом хаосе разбивается вдребезги мировое хозяйство.

Б. Как образуется курс девиз?

Девизы — это иностранные деньги или денежные переводы в иностранных деньгах. Как и всякие местные деньги, они имеют платежную силу лишь в пределах собственного государства, так что платежи не наличными деньгами возможны лишь в странах одной валютной системы. За границей девизы теряют свою силу, как принудительное орудие платежа, и становятся поэтому товаром, который подчиняется законам рынка.

Поэтому приобретает значение вопрос, покрывают ли друг друга понятия государства и народного хозяйства. Под народным хозяйством мы понимаем не столько сумму хозяйственных действий и отношений отдельных хозяйств одного (говорящего на одном языке или объединенного общей культурой) народа, сколько совокупность хозяйственных действий и отношений отдельных хозяйств одного государственного образования. Мы должны говорить о Данцигском народном хозяйстве с тех пор, как область этого города в 1919 г. была отрезана от Германии. Чехо-Словацкое народное хозяйство существует лишь с того времени, когда особое правительство и собственные границы, наряду с единой валютой, подчинили отдельные хозяйства этого государственного образования общим судьбам.

Государство, в пределах своей хозяйственной области, предписывает для всех платежей свою, им созданную и ему свойственную валюту. Поэтому его население образует одну платежную общность внутри границ страны. Напротив того, для суммы тех денежных требований, которые предъявляются отдельными хозяйствами одного государства к таковым же другого государства, деньги

данной страны не могут быть предписаны в качестве законного средства платежа. Платежи могут происходить в валюте первой или второй страны; но они могут пользоваться также валютой третьей страны. Для понимания этих междугосударственных хозяйственных отношений чрезвычайно важно, что дело идет о взаимоотношениях между отдельными хозяйствами различных государственных образований, но не об отношениях народных хозяйств.

1. Отношение к платежному балансу.

Если бросить взгляд на совокупность возмездных меновых актов между отдельными хозяйствами двух государственных образований, то можно будет получить платежный баланс этих двух последних по отношению друг к другу. Этот баланс получается не столько путем планомерного подсчета, сколько суммированием без всякого плана платежных балансов отдельных хозяйств. Платит ли покупатель местными или чужеземными деньгами, или пользуется девизой, т.-е. векселем, выписанным в иностранной валюте, это его дело; по общему правилу, государство в это не вмешивается. При нормальном положении вещей покупатель предпочитал не запасаться непосредственно необходимой суммой в иностранной валюте, но покупать переводы на границу, в особенности чеки и векселя. Именно эти переводы (девизы) приобрели право гражданства, будучи целесообразны, так как они легко пересылаются и сберегают обеим сторонам расходы по транспорту и страхованию.

Теперь на денежном рынке обращаются как иностранные деньги (валюта), так и подлежащие к платежу за границей векселя (девизы). Так образуется путем предложения и спроса — это, конечно, схема — курс иностранных денег и вексельный курс. Оба вместе составляют курс иностранной валюты. И тот и другой курс не точно обозначают либо вексельным (девизным) курсом, либо валютой. Я также пользуюсь этим сокращением, ибо оно вряд ли способно вызвать недоразумения.

Соотношение стоимости двух валют, или, иначе говоря,

цена определенной суммы денег одной страны в денежных знаках другой страны, не может быть определена механически по следующим двум основаниям:

Выравнивание платежного баланса, за который слишком легко принимают так называемый торговый баланс, обнимающий товарный оборот двух стран за определенный промежуток времени, сообразно его стоимости, — производится не сложением причитающихся к платежу и вычитанием следующих к получению общих сумм, но здесь имеет место большое число единичных оборотных сделок. Экспортер, требующий денежных платежей, рассчитывается в своих требованиях не непосредственно с импортером собственной страны или с экспортерами чужой страны. Поэтому общий платежный баланс между двумя странами не выводится в один какой-нибудь день года. Обычно, экспортер, получив уплату (допустим, что в иностранной валюте или в иностранной девизе), не заботится о том, нужна ли импортеру собственной страны случайно та же самая сумма иностранных платежных средств, разве, если он сможет получить за нее более высокую цену. Продажа товаров за иностранные деньги влечет поэтому за собой торговлю этими иностранными деньгами. В свою очередь, если импортер позаботится о том, чтобы, по возможности, до дня платежа обеспечить себя иностранной валютой, и он должен торговать деньгами. Разница между ними в том, что он покупает деньги, в то время, как экспортер продает полученные им заграничные деньги ¹⁾.

Равным образом, путешественник, желающий посетить чужую страну, должен заблаговременно на местные деньги купить иностранную валюту.

¹⁾ Вендиксен говорит даже: „Покупщик приобретает вексель не для того, чтобы купить что-либо на иностранные деньги, но для того, чтобы оплатить свой долг, и ему совершенно безразлично, много-ли или мало можно за эти деньги купить. Соотношение цен в его собственной и в чужой стране интересует его не вообще, но лишь в частности, касающейся его товара (Weltwirtschaftl. Archiv, Bd. 13, стр. 69).

Однако, для периода разрушения девиз (его статья появилась в середине 1918 г.) он пошел слишком далеко, говоря, „что векселя должны рассматриваться не как средства покупки, но как средства платежа“.

Рядом с этими тремя формами междугосударственных оборотных сделок, существует еще масса других, которые все так или иначе требуют денежного обмена, т.е. торговли деньгами. «Международное выравнивание», — метко замечает Кемени, — «которое автоматически происходит на валютных рынках, имеет место в виде сальдирования взаимных международных платежей через головы участников. Лишь развитый экспортный капитализм поставил на место этого автоматического рыночного процесса сознательное соглашение, когда могущественные финансовые группы предоставляют заем лишь при условии, чтобы заняты суммы были использованы непосредственно для заказов у местных промышленных предприятий». ¹⁾

Если торговля всеми иностранными денежными знаками, чеками и векселями, которая требуется и обуславливается междугосударственными хозяйственными отношениями, в своей совокупности кажется одной гигантской международной Расчетной Палатой (Clearing - House), то не следует забывать, что тут нет планомерно организованного и сознательно руководимого учреждения. Пусть широко разветвленный механизм международных денежных рынков действует фактически, как вычислительный аппарат, который взял на себя задачу подсчета взаимных обязательств и требований платежа, но было бы оптическим обманом смешивать общий результат этого рыночного механизма, в который центральные денежные учреждения вмешиваются лишь тогда, когда происходит переход через золотые точки, с планомерным действием одного общего предприятия, подчиненного единому руководству.

Между тем, эта развитая до автоматического совершенства динамика международного выравнивания платежей действовала с такой уверенностью, что во время войны в Германии лишь слишком поздно спохватились, что разрыв отно-

¹⁾ D-r Georg Kemény: Die fremden Wechselkurse und die Umwälzung der internationalen Wirtschaftsbeziehungen. Essen. Baedeker. 1921, стр. 35.

шений немецких отдельных хозяйств к таковым же во враждебных странах подкопал основы этого механизма ¹⁾.

Тогда государство, как таковое, предприняло длительное регулирование вексельных курсов. Искушение было слишком велико, ибо государство, как покупатель и заказчик, а равно как производитель, с начала войны ворочало миллиардами, и, таким образом, прямо или косвенно, вступало в отношения с отдельными иностранными хозяйствами.

С другой стороны, частные хозяйства (особенно крупные банки или мощные хозяйственные группы) при неблагоприятном платежном балансе стремятся получить кредиты за границей. Если это удастся, то валюта крепнет, но современный платежный баланс улучшается лишь за счет будущих; точно так же, как испытывающее длительные затруднения частное хозяйство не поднимает своего положения путем роста долгов; лишь на данный момент приобретает некоторая выгода.

Иностранный кредит действует поэтому на высоту вексельного курса лишь преходящим образом, точно так же, как платежный баланс улучшается повышением вывоза. Этими обоними путями, диаметрально противоположными друг другу, может быть достигнут одинаковый результат: равновесие баланса в данный момент.

Подобные кредиты в настоящее время, благодаря краху валют, играют огромную роль и будут еще иметь большое значение в дальнейшем ²⁾.

До тех пор, пока во взаимной задолженности народов господствует столь безнадежная путаница, до тех пор, пока не существует ни твердых валютных паритетов, ни сколько-нибудь устойчивых паритетов покупательной силы, — до этих

¹⁾ См. об этом правильные замечания у prof. D-r W. Prion „Inflation und Geldentwertung“. Berlin, 1919, стр. 46. Я не вполне согласен с глубоко продуманными соображениями Ледерера в его книге: „Deutschlands Wiederaufbau und weltwirtschaftliche Eingliederung durch Sozialisierung“ (Tübingen, I. C. B. Mohr, 1920).

²⁾ См. подробнее в моей книге: *Zerrüttung der Weltwirtschaft*, 2 Aufl. стр. 731 и сл.

пор мировое хозяйство должно будет пользоваться в значительных размерах междугосударственными кредитами, если только перегруженное кредитное здание не рухнет от собственной тяжести.

Нездоровая сторона современного положения характеризуется тем фактом, что слишком часто дело идет не о производительных кредитах, которые за последние сто лет щедро давались Европой заокеанским странам, но о потребительных кредитах, служащих для удовлетворения непосредственной нужды, или, что еще хуже, о кредитах для платежа процентов по долгам или контрибуциям, что грозит постоянному бюджету народного хозяйства самыми тяжелыми последствиями. Притязания кредитующей заграницы на имущества или на продукты данного народного хозяйства все увеличиваются, имеющийся в этом хозяйстве наличный или вновь производимый запас имущественных благ принадлежит все в падающей степени собственным гражданам. Так подрывается национальное благосостояние. Если не удастся свалить с себя тяжесть внешних долгов, которые хозяйственно полезны лишь в качестве производительных кредитов, тогда валюта должна попасть в пропасть.

Необходимо иметь в виду эти соображения, чтобы понять, что современной валютной проблеме уже нельзя помочь только тесрией платежного баланса. При всем моем глубоком уважении к проницательности и остроумию Густава Касселя, я не могу согласиться с его взглядом, основанным на количественном учении, что вексельный курс между двумя странами с оживленным товарообменом по существу составляет лишь частное от деления стоимости денег в той и другой стране, и, таким образом, соответствует также различию в общем уровне цен обеих стран. Незначительные отклонения от установленного таким образом вексельного курса могут происходить по разным основаниям, но их следует рассматривать лишь как преходящие нарушения ¹⁾.

¹⁾ Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1917, стр. 618 сл. В своей книге „Die wirtschaftl. Widerstandskraft Deutschlands“, 1916, Кассель попытался установить непосредственную связь между вексельным курсом и обращением наличных денег (металлических и бумажных).

Даже соединение теории инфляции с теорией платежного баланса мне кажется недостаточным, чтобы распутать тот сложный клубок финансовых, экономических, политических и психологических сил, игрушкой которых стали валюты со времени великой войны ¹⁾.

II. Момент настроения.

Поскольку приобретение и продажа девиз являются торговым делом, то, как и все меновые процессы, они зависят в значительной степени от настроений. Рассмотрим подробнее этот важный вопрос.

Расценка валюты (местных денег в иностранной валюте или иностранных денег в своей валюте), зависит не исключительно от того, как складывается платежный баланс, и не исключительно от спроса и предложения. Этот вопрос вообще нельзя решить, как механический арифметический пример, но его можно понять, лишь имея ввиду все моменты, действенные для торговли. Мало того. Торговля деньгами, несомненно, еще в большей степени зависит от необоснованных настроений, от преходящих аффектов, от темпераментных вспышек, чем торговля товарами. Скорее всего ее можно сравнить с торговлей ценными бумагами. Если акция на бирже внезапно повышается или падает на 10% при нормальных обстоятельствах, или на сотни процентов при обесценении денег, то это основано не столько на внутренней стоимости предприятия, сколько на каком-нибудь биржевом настроении, которое может увлечься оптимизмом или удариться в панику.

¹⁾ Что теория платежного баланса несостоятельна, убедительно доказывает Л и ф м а н („Die Bestimmungsgründe der intervalutarischen Kurse“. *Weltwirtsch. Archiv*, Bd. 13, стр. 429 и сл.) против Б е н д и к с е н а, который определял иностранный вексельный курс „единственно и исключительно“ как „результат платежного балааса и спекуляции предусматривающей развитие платежного баланса“. — Правильные соображения о причинах девизных курсов см. в статье под этим заглавием приват-доцента д-ра Елизаветы ван-Дорп (Утрехт) — *Weltwirtsch. Archiv*, Bd. 15, стр. 29 и сл.

Уже весной 1917 г. сообщалось, что на голландских вокзалах не принимаются германские разменные деньги ¹⁾.

Поводом к тому было недоверие, которое мало-по-малу стало распространяться в Голландии по отношению к политическому и экономическому будущему Германии. Далее, почему за-границей еще часто делают различие между германскими банкнотами в 1.000 или 100 марок с зеленым или с старым красным штемпелем? Предпочтение отдают банкнотам с красным штемпелем, зеленые же принимают очень осторожно и с надбавкой (ажно). А между тем, те и другие совершенно равноценны. Банкноты с зеленым штемпелем были выпущены Государственным Банком в определенный период лишь потому, что было принято во внимание предпочтение, которое оказывали германским банкнотам в Бельгии, где сумма их за время немецкой оккупации возросла до 6,1 миллиарда марок. Благодаря этому, во время волнений 1918 — 1919 годов, когда германские пограничные правила не строго соблюдались (а также долгое время через «дыру на западе» и отчасти кружным путем через Голландию), немецкие банкноты попадали из Германии в Бельгию, где обменивались по более высокому курсу. Чтобы поставить предел этому обманному спекулятивному приему, Государственный Банк прибег в 1919 году к средству ставить штемпель своего правления на банкнотах зеленого цвета вместо красного. Но, хотя возможность нажиться на этом контрабандном провозе давно прошла, тем не менее, за-границей еще сейчас отдают предпочтение, красно-штемпелеванным банкнотам.

Среди причин бедственного состояния валюты, которые указал директор Государственного Банка Гавенштейн в интервью 30 октября 1919 г. представителю бюро европейской печати, было упомянуто также и о недоверии за-границы к внутреннему положению в Германии.

Торговля девизами есть торговля деньгами и как всякая торговля, подвержена колебаниям, имеющим психологические причины, и, если эти колебания не встре-

¹⁾ Nieuwe Rotterd. Courant, 23. v, 17.

чают никакого сопротивления, то они могут пойти очень далеко. Если есть возможность покупать различные валюты, то наибольшим успехом будет пользоваться самая дешевая, если только она кажется заслуживающей доверия. С другой стороны, и в торговле девизами, как и во всякой другой отрасли торговли, государство может установить максимальные цены: конечно, с теми же сомнительными результатами ¹⁾.

Благодаря подобным мерам, государство перестает быть хозяином нежелательных ему настроений и оценок.

Насколько я вижу, каждое резкое падение и каждый внезапный подъем вексельного курса обусловлены валютным настроением.

Внезапный поворот валютной кривой, какой переживали, напр., Германия и Австрия весной 1920 г. в благоприятном для них смысле, напротив, летом и осенью 1921 г. и еще раз весной 1922 г. в неблагоприятную сторону, необъясним ни с точки зрения существовавшего в те периоды платежного баланса, ни предвидением ожидаемого дальнейшего его развития, ни, наконец, репарационными взносами, но прежде и раньше всего колебаниями доверия, которые распространяются внезапно, как заразная болезнь. Озабоченность в связи с растущим дефицитом в государственных финансах и разорением страны, благодаря новой волне дороговизны, легко распространяется, и с такой неустойчивостью, что этот определяющий настроение момент становится решающим для неожиданного в таком размере необоснованного падения заграничной цены на местную валюту.

Если удастся укрепить доверие к собственной валюте, как это сумел блестяще проделать в первой половине 1921 г. венгерский министр финансов Хегедюс, вексельный курс быстро поднимается вверх. Но как только доверие падает, для вложения капитала начинают искать иностранные девизы. Когда берлинский магистрат соглашается заключать договоры на использование мест для рекламы

¹⁾ Удачно критикует Ф. Шмидт „одностороннюю политику“ максимальных цен (F. Schmidt-Internationaler Zahlungsverkehr und Wechselkurse 1919, стр. 381 и сл.).

только в северо-американских долларах, то этим он показывает, что предвидит весьма печальную будущность германских государственных денег; он способствует этим тенденции к накоплению у нас иностранной валюты. В какой степени это может развиваться, показывают значительные часто различия в курсах, которые могут установиться при покупке иностранных денег и чеков. Обычно, первые дешевле, но бывает и обратное отношение.

Если валюту толкают в пропасть насильственными мерами, как это имело место благодаря лондонскому ультиматуму Германии весной 1921 г., ибо Германия не в состоянии выплатить те огромные суммы, которыми она должна обязаться, то не удивительно, что падение вексельного курса вызывает паническое настроение и поднимает вверх местный индекс цен. Еще сильнее товарных цен обычно вскакивают цены акций — если только их курсы не падают благодаря невыносимому гнету налогов, а иногда даже принудительному займу (как это было в Германии весной 1922 г.). Насколько лондонский договор поднял вверх цены на иностранные платежные средства, можно судить по следующей таблице:

Цены иностранных платежных средств на Берлинской бирже в 1921 г.

	27-го января	16-го апреля	11-го июля
Голландия	1855	2167,50	2510
Швейцария	877,50	1082,50	1300
Париж	400,50	446,25	609,50
Брюссель	418,50	461	599
Лондон	213	245,35	288,25
Италия	210	262	359
Нью-Йорк по кабелю . . .	55,25	62,65	78,60

Повышение достигло высшей точки в ноябре 1921 г. Впрочем, в следующем году эта точка поднялась еще гораздо выше. Для одновременного повышения курса акций бед-

ственное состояние валюты было не единственной причиной; здесь играли роль: внутреннее обесценение денег, недоверие к государственным бумагам, от которых капиталисты старались избавиться, и другие обстоятельства.

Кого может удивить, что существовало мало доверия к собственным государственным бумагам, а равно к своим деньгам, когда правительство оказалось вынуждено для взносов невероятных репарационных платежей обратиться к государственному комиссару по разрешениям на ввоз и вывоз с просьбой всеми средствами, в первую очередь, путем совершения сделок в высокоценной иностранной валюте, обеспечить Государственному Банку приток экспортных дивиз.

В. Валюта и потребность в ввозе.

Как в Германии, так и в других обедневших вследствие войны странах, равно как в некоторых «государствах-победителях» (например, в Италии), сильная потребность в ввозе способствовала тому, что спрос на иностранные платежные средства не уменьшился. Поэтому страны, которые могли производить или продавать необходимые товары, имели возможность повысить свои девизы. Вследствие этого, итальянская лира, например, в начале 1920 г. начала скачками падать вниз: в начале апреля 1920 г. швейцарский франк стоил приблизительно $4\frac{1}{2}$, фунт стерлингов — 100, доллар — 25 лир, т.е. почти втрое по сравнению с эпохой заключения перемирия осенью 1918 г. Италия тем тяжелее переносила дороговизну, что ее закупки на зарубежных рынках были связаны с долгосрочными обязательствами. Необходимость слишком быстрого покрытия чувствительно отразилось на ее собственной валюте. До войны эта бедная сырьем страна сохраняла равновесие своего платежного баланса лишь тем, что на долгое или короткое время вывозила рабочую силу значительной части своего мужского населения в самом лучшем возрасте и тем, что привлекала к себе сильный приток иностранцев, оставлявших много денег в стране. Эти оба средства к уравнению пассивности итальянского платежного баланса с на-

чала войны, а особенно после непосредственного участия в ней Италии, отошли в область преданий. Торговый баланс стал поэтому безнадежно пассивным. В 1919 г. ввоз остался почти без изменений в сумме 16½ миллиардов лир, в то время, как вывоз поднялся лишь с 3½ до 5½ миллиардов лир, хотя цены на хлопчато-бумажные и шелковые товары, составляющие значительную часть итальянского вывоза, поднялись. Запрещения ввоза вряд ли могли тут помочь, ибо иностранные предметы роскоши покупались в ничтожном количестве, но необходимо было покрывать потребность в продовольствии, сырье и полуфабрикатах для перерабатывающей промышленности.

Так, в 1919 г. Италия ввезла:

Хлеба	на 2104 мил. лир.	Шерсти	на 405 мил. лир
Муки	468 " "	Кожев. сырья . . .	590 " "
Мяса	1355 " "	Угля	1557 " "
Рыбы	415 " "	Желези. полу-	
Сахару	165 " "	фабрикатов. . . .	650 " "
Кофе	200 " "	Медных полу-	
Хлопка	1833 " "	фабрикатов. . . .	440 " "

Эти цифры характерны. Они показывают, как потребность в ввозе страны, богатой людьми, но бедной земельными пространствами и сырьем, в эпохи высоких конъюнктур, требует огромных сумм для ввоза из-за границы, который гонит вверх потребность в иностранных платежных средствах. Уже во время войны Италия страдала от этого; именно ее потребность в ввозе была самым действительным средством втянуть ее в войну. Италия испытывала величайшие затруднения в раздобывании средств для своего ввоза. Внутренние займы мало помогли делу; несмотря на все напряжения, они принесли всего лишь около 20 миллиардов номинальной, 17 миллиардов реальной стоимости, из коих, однако, наличных денег было всего 6 миллиардов, остальное — это были срочные обязательства государственного казначейства. Таким путем несколько раз покрывалась внутренняя потребность правительства в деньгах, в то время, как иностранные девизы стоили очень дорого, и вексельный курс лиры стоял весьма низко. Как глубоко он упал по отношению к швейцарской

валюте и как он после непрерывного падения, которое стало особенно ощутительно с 1917 г., временно оправился, чтобы затем еще быстрее упасть, показывает следующая таблица:

Вексельный курс лиры в Швейцарии.

	Высший курс	Низший курс	Средний курс
1913 г.	—	—	98,47
1914 „	—	—	98,79
1915 „	98,75	79,30	88,14
1916 „	84	70,50	79,68
1917 „	80	48	63,89
1918 „	78,50	40,75	56,52
1919 „	77	38,10	62,13
1920 „	42,55	21,15	29,23
1921 „	22,30	—	24,75

(Конец декабря)

Мы видим: уклонение кривой с 1917 года очень резкое. Высший и низший курсы колебались в 1916 году лишь между 84 и 70,50 швейц. франков; в следующем году между 80 и 48, в 1918 году даже между 78,50 и 40,75, т.-е. почти на 100%, в 1920 году приблизительно так же сильно. Одновременно, и лира падала все глубже. Лишь в 1921 году, после обесценения лиры до четвертой части ее стоимости мирного времени, наступило некоторое успокоение.

Г. Отношение внутренних цен к стоимости валюты.

Среди многих загадок валюты, пожалуй, самой трудной является ее отношение к ценам на внутреннем рынке. Широко распространен взгляд, что обесценение покупательной способности государственной валюты внутри страны и за границей приблизительно одинаково. Но действительность показывает удивительные расхождения между покупательной

способностью денег данной страны по сю и по ту сторону ее границ. Валютные курсы нигде не являются отражениями индекса цен, кривая девиз никогда не соответствует кривой внутренних цен. Последняя иногда перегоняет первую, иногда отстает от нее.

Внутренние цены и вексельный курс часто расходятся: то те, то другой впереди. Но они похожи на пару еще не обвезженных лошадей, которые не одинаково выполняют свое дело, но из которых, однако, ни одна не может долгое время быть значительно впереди другой. Между внутренними ценами и вексельным курсом, несомненно, существует связь и тенденция к приспособлению друг к другу. Что тут является причиной и что следствием, или, правильнее поставив вопрос, как образуется эта функция, на это можно ответить, лишь основательно изучив каждый отдельный случай. Чтобы вынести суждение о ценах мирового рынка и их отношении к образованию цен определенной страны, необходимо ответить на предварительный вопрос: имеет ли народное хозяйство данного государства сколько-нибудь заметное влияние на цены мирового рынка, или последние несколько от него не зависят. Ответ на этот вопрос дается, прежде всего, если не исключительно, размером данной страны и цифрой ее населения ¹⁾. Совершенно ясно, что Лихтенштейн и Кандорра не оказывают ни малейшего влияния на образование цен мировых рынков, и даже при величайшем напряжении не могли бы иметь на них какое-либо влияние. По отношению к государствам с несколькими миллионами жителей уже не так просто дать ответ: тут выступает в качестве второго фактора специфический вес национального богатства. Уже поэтому Дания с ее населением менее трех миллионов человек имеет больше влияния на мировые цены, чем Мадагаскар с таким же приблизи-

¹⁾ Влияние размера страны и количества ее населения на валюту и ее колебания отмечено еще Адамом Смитом по отношению к небольшим торговым республикам с устойчивой валютой. См. „Богатство народов“. Книга 4-я.

тельно населением. Швейцария имеет больше влияния, чем Цейлон, хотя и там и здесь население составляет около 4 миллионов.

Эти примеры показывают, что надо считаться еще с третьим фактором: степенью связанности с мировым хозяйством. Дания обменивается с прочим миром большим количеством товаров, чем Мадагаскар. Итак, и размер внешней торговли имеет значение для влияния на цены мирового рынка. Это влияние зависит, далее, от структуры хозяйственной жизни. Если она многообразна, если в ней не господствует одно определенное производство или одна какая-нибудь специальная отрасль, то ее воздействие менее значительно, чем когда налицо имеется специализация в области определенных классов товаров. Страны, которые так развили одну отрасль производства, что стали в сильнейшую от нее зависимость, сильно влияют на цены мирового рынка по отношению к этому именно товару. Цейлон, конечно, мало значит для образования цен на сталь, но не безразличен по отношению к ценам на чай. Греция решающим образом определяет своим урожаем мировую цену на коринку. Урожай кофе в Бразилии имеет очень большое значение для мировой цены кофе.

Однако, подобная специализация народного хозяйства в одной отрасли, почти не представленной в других странах, является исключением. Если она не основана на природном богатстве почвы в отношении какого-нибудь сырья (например, слюда в Индии), то подобные моно-культуры, как их окрестил Шильдер, могут потерять свой перевес путем пересадки той же отрасли производства в другие области. В подобных случаях решающими факторами, прежде всего, остаются: размер территории и национального богатства. Чем значительнее внешняя торговля связанной единством монетной системы области (по общему правилу это всегда совпадает с заключенной в государственные границы территорией), тем внушительнее падают его гео-политические факторы на весы совокупного оборота всех народов. Поэтому страны с самой большой территорией достигают решительного перевеса на мировом рынке, если они вместе с тем мо-

гут обнаружить соответствующий вес числом своего населения или своим богатством.

Так как мы будем говорить в дальнейшем о ценах мирового рынка на ходовые товары, то мы будем принимать во внимание лишь массовые блага: в особенности, сырье и продовольствие. «Способное к обмену» благо легче может найти где-либо сбыт, чем специальный продукт. Если последнему будет закрыт рынок сбыта, который он завоевал в определенном месте, то трудно найти ему замену, чего нельзя сказать про ходовой товар. Индийские божки имеют сбыт только в Индии, коньки и лыжи — лишь в странах с холодной зимой, напротив того: пшеница, уголь, каучук, могут продаваться почти повсеместно. Первые собственно и не являются «товарами мирового рынка». Большая часть товаров мирового рынка добывается в «сырьевых странах». Уже поэтому Соединенные Штаты задают тон для многих цен мирового рынка. Значительное население этой страны, ее огромное богатство, наконец, изобилие полезных ископаемых, которые покоятся в ее недрах и которые добываются оттуда энергичными, высоко-капиталистическими и организованными методами труда, — все это обеспечивает Соединенным Штатам позицию первенствующей державы на мировых рынках. Уже поэтому ее валюта признается повсеместно мировыми деньгами, и если она и не является уже передовой валютой, но превзойдена чужими государственными деньгами (как во время войны и еще раз в 1922 году швейцарским франком), то все же весь мир рассчитывает потери прочих европейских девизных курсов, а также цены мирового рынка на сырье и продовольствие, в долларах. Менее значительным было влияние России, несмотря на значительность ее территории и количества населения: ее национальное богатство оставалось небольшим, оборот ее внешней торговли сравнительно скромным. Все же она почти так же решалоше определяла мировую цену на рожь, как ранее (до усиления конкуренции Аргентины, Канады, Австралии и Индии), Соединенные Штаты — на пшеницу. Напротив, чем меньше территория и цифра населения государства, чем меньший обмен производит оно с за-

границей, имеющей другую монетную систему, тем меньше ее влияние на цены мирового рынка.

Так объясняется значительная часть различий между «национальными ценами» — мы можем их также назвать «внутренними ценами» и ценами мирового рынка.

Там, где внутренние цены подвергаются сильным потрясениям, ибо силы валюты подорваны инфляцией, там должно произойти расхождение с ценами мирового рынка. Последние в подобных случаях обычно спешат вверх по сравнению с движением внутренних цен, ибо обесценение денег скорее всего совершается там, где происходит самая чувствительная реакция. Опыт показывает нам (это можно обосновать и теоретически) следующую по степеням последовательность первозности: раньше и сильнее всего отражается инфляция на торговле иностранными деньгами (как самым подвижным и ходовым мировым товаром), за нею следует оптовая торговля, в то время, как цены розничной торговли стоят в третьем ряду, заработная плата в четвертом, жалованье служащим — в пятом, доходы умственных и вообще не «ходовых» и потому не имеющих массовой организации членов хозяйства обычно в шестом ряду — и лишь тогда происходит (если только происходит) приспособление доходов той части населения, которая живет не повседневным заработком, но прежними сбережениями или за счет благотворительности.

Заслуживает внимания еще и другое различие в темпе приспособления, что с необходимостью вытекает из только что сказанного: по общему правилу цены на предметы первой необходимости и издержки производства далеко не так быстро приспособляются к изменениям меновой способности платежных средств, как обращающиеся в мировой торговле товары. Производитель обычно производит еще некоторое время по тем же или приблизительно тем же ценам, что и раньше, в то время, как импортер на заграничном рынке за ту же номинальную сумму своей валюты получает меньше благ, чем прежде. Его способность к ввозу, таким образом, ослабляется, если только повышенная потребность в ввозе не обеспечивает ему больше возможностей сбыта и дает ему, та-

ким образом, и большую сумму денег. Все эти конвульсии продолжаются до тех пор, пока внутренние цены мало-помалу не приблизятся к положению цен мирового рынка. Наконец, акционерный рынок может месяцами следовать собственному движению, в резком противоречии с повышением девиз и ростом внутренних цен. Но, в конце-концов, он нагоняет упущенное, и при этом весьма бурно. При непрерывном обесценении денег (благодаря инфляции, и окончательно под свинцовою тяжестью репараций), на внутреннем рынке происходят перевороты в соотношении цен, которые путем постепенного или порывистого повышения пытаются приспособиться к ценам мирового рынка, а это препятствует притоку иностранных капиталов и удорожает народное хозяйство (в особенности его междугосударственные отношения) теми премиями на страхование, которых требует иностранный капитал. Вместе с тем, взгляд на фактические цены мирового рынка обычно искажается. Кто привык к тому, что внутренние цены непрерывно поднимаются, не желает вовсе верить, что, вычисленные в иностранной валюте, они могут перегнать цены мирового рынка. Поэтому, фабриканты и экспортеры страны с бедственной валютой впадают в заблуждение, полагая, что без вреда для своих иностранных клиентов они могут насчитывать дополнительные прибавки к ценам в соответствии с ростом внутренней дороговизны.

В конце-концов, становится невозможной какая-либо здоровая калькуляция, и предполагается воображаемая цена мирового рынка, которая существовала когда-то за последние годы, но уже давно сменилась совершенно иными ценами. Неоднократно случалось за последнее время, что немецкие экспортеры весьма недостаточно бывали осведомлены о конкурентных ценах на мировом рынке с тех пор, как падающая немецкая валюта давала кажущуюся вывозную премию. Хуже того: даже экономическая политика Германии построена на допущении, что приближение к ценам мирового рынка не должно быть убыточным. Еще в отчете постоянной валютной комиссии от января 1920 г. было высказано совершенно правильное мнение: «Комиссия отклоняет неоднократно высказываемые требования приспособления внутрен-

них дел к ценам мирового рынка, ибо проведение в жизнь этих требований означало бы бесконечный виент и должно было бы повести к катастрофе». Однако, правительство, по-видимому, не разделяет этого мнения, ибо оно (конечно, следуя властному слову суверенной в Германии репарационной комиссии, требующей цен мирового рынка), подняло цены на уголь до такого уровня, что сперва были достигнуты, а потом превзойдены мировые цены на этот необходимейший для всякой производительной деятельности товар, а это вызвало чувствительное вздорожание повседневной жизни и издержек производства всех товаров. Далее, правительство в 1922 г. быстро и резко подняло почтовые и железнодорожные тарифы в несколько раз. Уже это одно должно было вызвать революцию цен. Фактически уже в начале 1922 года в Германии цены на большинство массовых товаров достигли уровня мировых цен, а отчасти даже превысили этот уровень.

Кроме того, для соотношения между внутренними и внешними ценами имеет огромное значение своеобразное препятствие, которое почти всегда выпадает на долю торгового баланса благодаря инфляции: последняя влечет за собой, на что редко обращают внимания,—я склонен допустить, что тут действует закон мирового хозяйства — увеличение ввоза, и по общему правилу также падение вывоза. Конец этому наступает тогда, когда бедственная валюта приближается к нулю.

Не имеет значения при этом, основана ли инфляция на слишком сильном увеличении находящихся в обращении металлических или бумажных денег. Так, уже в 1874 и 1875 годах молодая Германская империя была свидетельницей того, как часть ее золотых денег стала уплывать через границу, ибо правительство, перешедшее в 1873 году к золотой валюте, пустило в обращение золотые монеты, не озаботившись одновременно, или даже предварительно, о сокращении находящихся в обращении серебряных денег и банкнот: напротив, масса этих и других видов денег еще увеличилась. Тем самым в обращении оказалось внезапно больше денег, чем это соответствовало потребности, так что цены поднялись. Но это способствовало вместе с тем уменьшению вывоза и увели-

чению ввоза. Разница в балансе покрывалась отчасти наличными деньгами ¹⁾).

Равным образом, при всякой бумажно-денежной инфляции обычно растет ввоз и падает вывоз. Это происходит уже потому, что вследствие представлений о стоимости, которое у всех связано с определенной номинальной суммой государственных денег, создается видимость увеличения богатства или дохода, что ведет к слишком широким закупкам, так что товарные склады очищаются быстрее, чем раньше, и отчасти вновь пополняются увеличенным ввозом. Позднее, когда уже перестают поддаваться этому обману и на опыте узнают, что это благосостояние — призрачное, возникшее благодаря бумажно-денежной инфляции, другая психологическая причина ведет к тому же результату, т.е. к усиленному потреблению и к повышению ввоза: теперь уже знают, что стоимость денег падает и опасаются поэтому, что через некоторый промежуток времени она упадет еще больше, и потому стараются приобрести возможно больше вещей, только бы не иметь на руках ежедневно обесценивающихся, призрачных денег.

Вопрос, как складывается внешняя стоимость денег данной страны к внутренней стоимости, вызывает все больше интереса. На этот вопрос делаются попытки ответить путем индексных цифр для оптовых цен и стоимости жизни, кривую которых сравнивают с валютной кривой. Начертить последнюю не представляет никаких трудностей, но, к сожалению, индексные цифры до сих пор не внушают к себе полного доверия. Насколько трудно их объективно установить, показывают те различия, которые обычно имеются между цифрами.

В Германии протестовали как против цифр оптовых индексов «Франкфуртской Газеты», так и против других; против первых, прежде всего, потому, что в основе их лежат цены одного определенного дня, которые могут зависеть от разных случайностей. Все же, подобные цифры цен лучше, чем ни-

¹⁾ Для платежей за границу пользовались золотом, а не серебром ибо германский монетный закон таксировал золото ниже. См. Theodor Hertzka: *Währung und Handel*. Wien: Manz 1876, стр. 345.

чего; надо лишь настоятельно пожелать их систематического улучшения.

Недавно один французский экономист ¹⁾ предпринял сравнение индексов различных народных хозяйств.

Он делит индексные цифры оптовых цен в Соединенных Штатах, Японии, Англии, Франции, Италии и Германии (этот порядок установлен соответственно падению валюты) на коэффициент обесценения валюты данной страны по отношению к северо-американскому доллару, на основе его стоимости в июле 1914 года:

Отношение внутренних цен к внешней стоимости денег:

	Соедин. Штаты	Япония	Англия	Фран- ция	Италия	Герма- ния
1914 г. Июль	100	100	100	100	100	100
1920 г. Январь	248	313	226	222	205	79
„ Февраль	249	340	218	193	169	68
„ Март	253	363	243	207	177	86
„ Апрель	266	322	260	194	170	110
„ Май	272	275	251	202	190	157
„ Июнь	269	253	252	208	212	159
„ Июль	262	240	247	216	198	162
„ Август	250	239	228	195	176	135
„ Сентябрь	242	235	217	185	160	114
„ Октябрь	225	232	209	174	145	100
„ Ноябрь	207	230	193	149	139	97
„ Декабрь	189	220	180	135	126	94
1921 г. Январь	177	217	182	136	128	102
„ Февраль	167	211	177	144	127	103
„ Март	162	208	172	133	129	96

Индекс цен по этой таблице имеет высшую точку, которую я для каждой страны отличаю квадратными рамками: для Франции она наступила в январе 1920 г., для Японии в

¹⁾ René Théry: „Les prix et les Cours du change“ (L'Economiste Européen 1921 г., стр. 1529.

марте 1920 г., для Англии в апреле, для Соединенных Штатов в мае, в то время, как для Италии лишь в июне, а для Германии в июле. Падение цен сильнее всего происходило во Франции, Италии, Японии и в Соединенных Штатах, слабее в Англии и менее всего в Германии. Однако, так обстоит дело, если рассматривать вопрос через призму средней стоимости доллара. На внутреннем рынке падение цен, как раньше повышение цен, проявлялось совершенно иначе, потому что именно внутренние цены товаров изменяются не параллельно с заграничной ценой денег, обе линии скорее пересекают друг друга и к тому же различаются быстротою своего движения ¹⁾.

Из всех подобных цифр вытекает, на ряду с само собой разумеющимся обстоятельством связи падающей валюты с растущими внутренними ценами, что не существует непосредственного, постоянного и поддающегося механическому исчислению отношения между обоими направлениями движения, но что они только идут в одинаковом направлении.

Германское Статистическое Бюро вычислило высоту иностранных цен, выраженных в бумажных марках по сравнению с довоенным временем (принимая цены 1913 г. за 100 ²⁾).

	Февраль 1920 г.	Апрель 1921 г.
Голландия	6354	2380
Соедин. Штаты	5334	1740
Англия	4966	2236
Франция	4400	1969
Италия	3703	2096
Германия	1413	1216

¹⁾ К тому же выводу приводит нас рассмотрение цифр, которые опубликовывает Международное Бюро труда в первом томе своих „Erhebungen über die Production“ относительно неравномерного движения цен и валют. См. в 1-м изд. моей кн. „Zerrüttung der Weltwirtschaft“ стр. 236.

²⁾ Wirtschaft und Statistik, Juni 1921, стр. 285. Я даю лишь цифры за 2 месяца, извлеченные из подробной таблицы.

В отдельных случаях разница между внутренними ценами и иностранными, выраженными в бумажных марках, очень различна, в зависимости от того, идет ли дело о самых необходимых, пользующихся наибольшим спросом, или о менее ходких товарах. Кроме того, правильное суждение тем труднее вынести, чем обширнее область принудительного хозяйства, которое устанавливает путем правительственных распоряжений твердые цены на те или иные предметы; цены контрабандной торговли (их можно назвать почти официальными, ибо расчеты производятся совершенно открыто) не учитываются статистикой. Хотя у нас нет точных данных для сравнения, ибо принудительное хозяйство еще не вполне упразднено, все же оказывается, что разница между внутренней и внешней стоимостью марки бывает иногда весьма значительна (между 1920—1921 годами для Англии более, чем вдвое, для Голландии почти втрое, для Соединен. Штатов еще больше) и что она в гораздо меньшей степени зависит от движения цен в иностранных государствах, чем от колебаний собственной валюты.

В общем, повышение внутренних цен было сперва большим для готовых фабрикатов, чем для капиталов.

Лишь позднее оно отразилось на курсах акций. Как ни способствуют их судорожные повышения спекулятивным ухищрениям и как ни зависят от них, но они неизбежны с народно-хозяйственной точки зрения. Если бы это повышение не имело места, то наступило бы роковое расхождение между индексом цен легко обращающихся товаров и более или менее неподвижных производительных капиталов, благодаря чему последние тотчас перешли бы во владение заграницы¹⁾.

¹⁾ См. соображения Кемени, (стр. 91 и сл. об отношениях валюты и высоты цен), который приходит к тому же выводу, что отношение стоимости двух денежных систем „ни при каких обстоятельствах не может быть понято по приближительному состоянию цен обеих стран“.

Д. Международный характер валютных колебаний.

Сперва сделаем обзор того, как курсы девиз после войны прыгали вверх и вниз, применительно к подорванной, но тогда еще не осужденной окончательно на смерть валюте— германской.

О колебаниях девизных курсов в 1920 г. и о средних курсах дает представление следующая таблица ¹⁾.

Вексельные курсы в Берлине в 1920 г.

	Валютная единица	Паритет в марках	Средний курс в марк. в 1920 г.	ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ		НИЗШИЙ УРОВЕНЬ	
				Векс. курс	День	Векс. курс	День
Швейцария	100 фр.	81. —	1034,36	1800.—	27. I	620.—	25. V
Нью-Йорк	1 дол.	4,1979	62,14	103,75	9. II	34,75	26. V
Лондон	1 ф. ст.	20,43	224,10	351.—	5. III	135.—	26. V
Париж	100 фр.	81. —	421,45	714,30	20. II	270.—	25. V
Бельгия	100 „	81. —	443,67	740.—	14. II	287,50	25. V
Италия	100 лир.	81. —	288,20	585.—	3. II	195.—	26. V
Испания	100 пез.	81. —	966,72	1850.—	27. I	545.—	25. V
Старая Австрия	100 крон.	85,06	55,88	42.—	16. II	17.—	25. V
Нем. Австрия	100 „	85,06	25,96	39,50	1. III	14,88	17. XII
Будапешт	100 „	85,06	22,88	38.—	30. III	11,38	31. XII
Прага	100 „	85,06	86,57	104.—	16. II	76,75	13. I
Голландия	100 фл.	168,74	2130,14	4200.—	27. I	1200.—	26. V
Копенгаген	100 крон.	112,50	954,80	1700.—	27. I	545.—	26. V
Стокгольм	100 „	112,50	1251,21	2000.—	27. I	720.—	26. V
Христиания	100 „	112,50	1003,48	1850.—	27. I	605.—	26. V
Гельсингфорс	100 ф. м.	81. —	224,88	465.—	5. III	136.—	23. XII

Так дико бушевали расценки иностранных платежных средств, то взлетая вверх, то низвергаясь вниз. Но самое серьезное в этих, самих по себе невыносимых колебаниях, заключается в их международном характере.

¹⁾ По данным Швейцарского Союза банков апрель 1921 г.

В результате мировой войны не только одна валюта сорвалась с своего якоря, но все вексельные курсы kloпочут, как на шабаше ведьм. Нет ни одной биржи на земном шаре, где бы это явление не отражалось самым губительным образом на ходе народно-хозяйственных и международно-экономических отношений. Даже вдали от европейского театра военных действий с его израненными странами и изголодавшимся населением, валюты испытывали сильные потрясения. Так, исключительно высокая цена серебра (к концу войны) препятствовала товарообмену восточно-азиатских стран серебряной валюты с остальным миром. Но когда курс серебра упал с своей высоты, в Восточной Азии наступили банкротства и экономические кризисы. Когда же прекратилось падение цен на серебро, сменившись колебаниями то в одну, то в другую сторону, то это опять-таки послужило препятствием хозяйственной деятельности. Сильные колебания девизных курсов обнаружались и в Южной Америке. В качестве примера приведу вексельный курс Уругвая. Применительно к доллару, он колебался в 1920—21 г. примерно в пределах 50%, применительно и фунтам стерлингов почти в 100%.

Девизные курсы Уругвая (для телеграфных переводов) между 1 марта 1920 г. и 31 марта 1921 г. ¹⁾:

ВАЛЮТА	Низший курс	Высший курс	Паритет
Марка	98,—	33,—	4,35
Фунт стерлингов . . .	70 ³ / ₄	43,—	51 ¹ / ₁₆
Доллар	141,—	97 ¹ / ₂	96,60
Франц. франк	16,20	9,95	5,36
Бельг. „	15,20	9,50	5,36
Швейц. „	6,05	4,—	5,36
Пезета	6,35	5,—	5,36
Лира	24,40	14,50	5,36
Голландск. гульден . .	2,75	2,07	2,57 ¹ / ₄
Милльрейс	25,800	17,125	8,900

¹⁾ Deutsche Handelskammer in Uruguay, kurze wirtschaftliche Mitteilungen aus Uruguay 1920/21, Montevideo, Март 1921 г., стр. 20.

Е. Головокружительный танец валют в годы войны. Спрос на второстепенные дивизы.

Каким образом произошел этот полный крах девизных курсов?

Валюты воюющих стран относились к паритету швейцарского франка в конце июля 1914 года (в дни нервного беспокойства ввиду опасности войны) и в следующие три года в процентах таким образом:

Конец июля	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Париж	+ 0,03	— 5,40	— 10,25	— 21,—
Лондон	— 0,20	+ 1,50	+ 0,05	— 14,15
Италия	— 0,55	— 13,75	— 18,25	— 37,10
Петербург	— 6,05	— 30,60	— 39,25	— 62,85
Берлин	— 0,55	— 11,85	— 23,40	— 48,55
Вена	— 1,05	— 23,35	— 37,50	— 61,20
Нью-Йорк	— 0,80	+ 3,50	+ 2,20	— 11,60

Таким образом, больше всего держался курс стерлингов и долларов: при этом не следует забывать, что Соединенные Штаты официально вступили в войну лишь в 1917 году, после чего тотчас же последовало обесценение их девизного курса. Северо-Американский доллар стоял тогда ниже паритета даже по отношению к скандинавским и большинству южно-американских валют. Слишком поспешно было тогда делать заключение, что экономическая или финансовая мощь Соединенных Штатов поколеблена. Дело обстояло в действительности иначе. До 1916 года и северо-американский доллар принадлежал к числу нейтральных валют, в которых потому мог происходить платежный оборот отдельных хозяйств воюющих стран. В начале 1917 года Соединенные Штаты вышли из круга нейтральных стран, и потому платежный оборот срединных держав, которые испытывали большую потребность в иностранных платежных средствах, не мог более пользоваться долларом и должен был, таким образом,

броситься на оставшиеся нейтральными девизы: он должен был привлекать к себе или покупать векселя на Швейцарию, Голландию, на скандинавские или южно-американские страны. В качестве нейтральных валют оставались тогда лишь такие, которые прежде играли весьма незначительную роль на международном денежном рынке; лишь швейцарский франк имел до того некоторое значение в качестве международной валюты. Спрос на второстепенные девизы ¹⁾ был, поэтому, несоответственно высок и должен был гнать вверх их цену.

Это повышение второстепенных девиз в 1917 году лучше, чем что-либо другое, доказывает, что валюта не выравнивает платежных балансов различных государств, но что она есть не что иное, как торговля иностранными деньгами, благодаря которой может происходить выравнивание платежных балансов также и остальных народов. Тут можно говорить о естественно-научном понятии осмоса. Международная торговля деньгами несет с собой все явления торгового оборота, и, прежде всего, повышение цены вследствие увеличения спроса. Когда рынок сузился, как это и случилось тут с международным денежным рынком, из которого стали исчезать одна за другой крупные валюты, тогда повышенный спрос на второстепенные девизы должен был, конечно, отразиться на повышении их цены. С другой стороны, каждое небольшое предложение этих векселей должно было сильно давить на их курс, в то время, как кривая цен уже при самом незначительном спросе быстро поднималась вверх. Спекуляции девизами были, таким образом, широко открыты двери.

Но и среди нейтральных девиз обнаружались сильные отклонения. Рассмотрим процентное обесценение девиз в германских марках по отношению к трем важнейшим нейтральным европейским валютам ²⁾.

¹⁾ Удивительно, что во всей валютной литературе почти не отмечено значения второстепенных девиз.

²⁾ Economist от 10. VII, 18.

Д Е Н Ь	Швейцария	Голландия	Дания
31 декабря 1914 г.	8,8	8,4	1,6
31 марта 1915 „	10,8	12,3	7,5
30 июня 1915 „	11,4	14,4	13,3
30 сентября 1915 „	11,0	14,5	10,6
31 декабря 1915 „	19,6	28,5	22,4
31 марта 1916 „	24,9	29,6	30,2
30 июня 1916 „	22,6	26,1	29,1
30 сентября 1916 „	25,0	28,2	28,0
31 декабря 1916 „	31,3	30,5	30,8
31 марта 1917 „	40,4	34,3	38,1
30 июня 1917 „	44,0	41,4	43,7
30 сентября 1917 „	47,4	44,5	49,6
31 декабря 1917 „	30,5	23,6	28,0
31 января 1918 „	32,9	28,9	32,2
28 февраля 1918 „	29,9	26,7	26,3
31 марта 1918 „	30,7	28,1	27,4
30 апреля 1918 „	33,3	31,2	29,3
31 мая 1918 „	36,8	34,2	28,7
30 июня 1918 „	43,8	42,2	37,0
31 июля 1918 „	46,8	?	?
7 августа 1918 „	46,4	45,3	39,5

Эта таблица показывает вместе с тем, что положение валют никоим образом не определяется только экономическими или финансовыми причинами, но что оно в сильнейшей степени обуславливается политическими, а во время войны, следовательно, преимущественно военными соображениями.

Ж. После перемирия.

Когда начались переговоры о перемирии, германская марка держалась еще мужественно. Но затем она безнадежно упала, ибо непримиримая позиция госу-

дарств-победителей подорвали как военную, так и политическую мощь Германии. За - границей полагали, что Германия, будучи объектом эксплуатации для Антанты, представляет мало надежды на скорое возрождение. Стоимость марки в иностранных валютах исчислялась 25 ноября 1918 г. и 19 апреля 1919 г. следующим образом:

	Стоимость мирного времени	25 ноября 1918 г.	По сравн. с парит.	19 апреля 1919 г.	По сравн. с парит.
Англия ¹⁾	11,76 пенса.	6,53	- 44 ⁰ / ₀	3,80	- 68 ⁰ / ₀
Америка ¹⁾	23,82 цента	13,01	- 44 ⁰ / ₀	7,30	- 70 ⁰ / ₀
Франция ¹⁾	123,45 сант.	70,95	- 43 ⁰ / ₀	44,40	- 64 ⁰ / ₀
Италия	134,45 сант.	84,80	- 32 ⁰ / ₀	56,20	- 55 ⁰ / ₀
Швейцария	123,45 сант.	63,50	- 49 ⁰ / ₀	36,—	- 71 ⁰ / ₀
Голландия	59,26 цент.	30,—	- 49 ⁰ / ₀	17,65	- 70 ⁰ / ₀
Швеция	88,89 эре	46,75	- 48 ⁰ / ₀	28,—	- 68 ⁰ / ₀
Дания	88,89 эре	49,—	- 45 ⁰ / ₀	30,50	- 65 ⁰ / ₀
Австрия ¹⁾	117,55 гел.	205,—	+ 74 ⁰ / ₀	200,—	+ 70 ⁰ / ₀
Прага ¹⁾	117,55 гел.	—	—	128,—	+ 10 ⁰ / ₀
Россия ¹⁾	46,29 коп.	90,70	+ 95 ⁰ / ₀	112,50	+ 143 ⁰ / ₀

Но и прочие вексельные курсы не пришли к равновесию. Ни девизы нейтральных государств, ни девизы государств-победителей, никак не могли установиться на одной определенной высоте, как бы таковая ни отличалась от довоенного уровня. Здесь можно было лишь уловить некоторые тенденции. С тех пор, как спрос на второстепенные девизы упал, ибо для сделок мирового рынка можно было вновь пользоваться главными валютами, последние поднялись, но опять-таки в совершенно различной степени. И ни одна даже из самых ценных валют, не обошлась без судорожных скачков вверх и вниз. Северо-американский доллар, освобожденный ныне от свинцовой тяжести общих

1) Расчет произведен при посредстве швейцарск. курса.

Иностран. вексель- ные курсы в Швейцарии	Монетный паритет		1922 середина июня	1921 конец декабря	1920 конец декабря	1919		Пределыные коле- бания с 11. XII. 18 до 31. XI. 20		
	за	швейц. фр.				конец декабря	конец июня		высш.	нижш.
Соед. Штаты	1 дол.	5,1826	5,24 ³ / ₄	5,12 ¹ / ₂	6,56	5,58	5,45	6,58	4,78	
Англия	1 ф. ст.	25,2215	23,51 ¹ / ₂	21,58	23,20	21,25	25,08	25,18	19,12	
Франция	100 фр. фр.	100,—	46,39	41,40	38,90	51,92	84,50	92,30	33,—	
Германия	100 мар.	123,457	1,69 ¹ / ₄	2,85	9,—	11,40	42,50	68,40	5,02	
Австрия (Вена)	100 крон	105,01	0,029	0,20	1,55	3,15	18,—	37,75	1,40	
Италия	100 лир	100,—	26,53 ³ / ₄	22,30	22,90	42,25	67,75	77,75	21,15	
Россия	100 руб.	266,67	—	—	—	15,—	40,—	90,—	5,—	
Голландия	100 фл.	208,319	204,70	188,—	206,—	210,—	211,50	233,—	191,50	
Испания	100 пез.	100,—	82,60	76,25	88,—	106,90	106,50	112,75	79,50	
Швеция	100 крон	138,89	135,75	128,—	130,—	119,50	138,50	141,75	104,50	
Норвегия	100 крон	138,89	—	81,50	103,—	117,—	134,—	137,50	84,50	
Дания	100 крон	138,89	114,75	102,—	103,—	109,25	128,—	134,—	84,40	
Бельгия	100 б. фр.	100,—	43,37 ¹ / ₂	39,30	40,80	53,35	80,75	86,50	35,—	
Београд	100 динар	100,—	7,25	7,80	17,—	8,50	—	39,—	8,—	
Бухарест	100 лей	100,—	—	4,00	8,20	16,25	—	23,—	7,50	
Венгрия	100 крон	105,01	0,52	0,85	1,10	4,50	—	6,—	1,10	
Варшава	100 мар.	123,46	0,125	—	1,05	4,50	—	12,20	1,—	
Прага	100 крон	105,01	10,12 ¹ / ₂	7,60	7,25	9,20	—	14,50	5,30	

платежей с Англией и Францией, вновь поднялся вверх; тем порывистее были движения фунта стерлингов и франка. На швейцарском денежном рынке колебание иностранных девиз между 11-го ноября 1918 г. и серединой 1922 г. можно проследить по таблице на стр. 37.

Колебания серебряных валют были также огромны. Япония, Китай, Индия, вся Восточная и Южная часть Средней Азии чрезвычайно нажились на войне, и, по тысячелетней привычке, привлекли к себе благородные металлы. Товарный поток Азии оплачивался Европой и Северной Америкой сказочными массами серебра: Соединенные Штаты, например, мобилизовали для этого значительную часть своих серебряных резервов (упавших в цене к 1914 году). Важнейшая монета Востока — Шанхайский таэль, стоивший до 1914 года в среднем 25,4 пенса, дошел к концу 1919 г. до 85,1 пенса. Затем его курс начал колебаться, и вместе с японским хозяйственным кризисом резко упал вниз.

В Китае, кроме того, существует большое различие в курсе доллара (одного из важнейших иностранных платежных средств) в городах, зачастую расположенных лишь в нескольких милях друг от друга. Чтобы выравнивать эти препятствующие хозяйственной жизни различия, шанхайские банки выразили готовность дать средства для установления единой правительственной монеты, которая будет находиться под их наблюдением и контролем и руководство которой должно быть поручено американцу. Таким путем надеются положить в основу китайской валюты, по крайней мере, на севере, серебряный доллар.

В марте 1920 г. в Европе начался новый период колебаний: бедственные девизы (а именно, германские и австрийские) стали понемногу расти, пока не достигли 22 июля относительно лучшего положения. Но кривая опять отклонилась и снова пошла назад до 18 сентября. За небольшим улучшением последовало дальнейшее обратное движение. Тогда девизы установились на одной приблизительно высоте, на которой оставались месяца два, пока не наступил новый период колебаний.

В 1921 году, благодаря лондонскому ультиматуму, а летом 1922 года благодаря упорству Пуанкаре, последовали новые сильные толчки. В то время, как многие девизы успокоились, Германия и Австрия были осуждены на пребывание в самых бурных валютных областях.

2. Спекуляция валютой.

Место старых паритетов золотой валюты заняли (по удачному выражению Густава Касселя), товарные паритеты.

Но и они не стоят твердо, напротив, подвержены таким невероятным колебаниям, что всякая калькуляция покупных и продажных цен сырья или готового фабриката, которым приходится проделывать свой торговый путь через границы государства, стала более, чем проблематичной.

Где колеблются цены, там процветает спекуляция. С тех пор, как цены иностранных платежных средств стали меняться в весьма широких пределах, с этого времени спекуляция валютой приняла невероятные размеры. Мы не ошибемся, если скажем, что число людей, которые за последние годы занялись этой азартной игрой, выражается в миллионах. И на бирже и вне биржи торгуют иностранными платежными средствами. Кто входит по своей профессии в соприкосновение с торговлей иностранными видами денег, т.-е. весьма значительная часть деловых людей вообще, а с ними и их служащие — легко поддаются искушению валютной спекуляции. Общеизвестные примеры валютных барышей являются приманкой. Печальнее всего то, что даже те, кто далеко стоит от всякой спекуляции дивизами, однако, неумышленно легко в нее втягиваются. Желают они или нет, но, если у них есть какие-либо хозяйственные сношения с заграницей, они будут вовлечены в валютный танец. Даже тот, кто, повидимому, не имеет ничего общего с за границей, все же впутывается в конвульсивные движения междугосударственных валютных оценок, ибо цены на сырье или товары, которые он должен покупать, сегодня взвинчены этим ураганом вверх, завтра стремительно падают вниз.

Я постараюсь отделить умышленную спекуляцию деви-
зами от неумышленной и рассмотрю сперва первую.

А. Умышленная спекуляция валютой.

Есть бесконечно много форм спекуляции валютой. Можно купить иностранные, сильно упавшие в цене, деньги в надежде, что они снова поднимутся. Или можно дешево выписать иностранные товары в выше стоящей валюте, чтобы перепродать их с прибылью в страну с еще выше стоящей валютой; можно даже таким путем повести настоящую торговлю звеньями через страны с слабыми валютами. Или можно заключить страхование жизни в стране с слабой валютой, каковое страхование впоследствии, с подъемом вексельного курса, будет подлежать выплате в более ценных деньгах. Можно спекулировать валютой на повышение и на понижение. Конечно, ко всему нужно еще счастье; если его нет, то можно потерять свои деньги. Но какой спекулянт не надеется на счастье?

1. Торговля деньгами.

В ноябре 1919 г. на рабочем собрании в Лондоне один депутат сообщил, что многие лица в Сити на свои сбережения приобрели большое множество германских бумажных денег в надежде, что их стоимость поднимется. Очень много их прошло через Лондон. В то же время сообщалось о положении Парижского девизного и вексельного рынка; кажется сном, когда видишь, как девизные арбитражеры, вместо прежнего спокойствия, со страстью и возбуждением занялись азартной игрой. В несколько минут происходят самые дикие колебания, и совершенно непонятно, отчего они вдруг произошли и лежат ли в основе этих итогов расчеты по товарным сделкам или безумная игра. Не только рынок ценных бумаг, но и товарный рынок стоит всецело под влиянием цен на девизы: кофе, хлопок, резина испытывали самые жестокие колебания. Импортер и фабрикант занимались меньше калькуляцией своих товаров, чем

вопросом, по какому вексельному курсу будут производиться платежи. Но хуже всего те многочисленные сделки на пари и на разницу в широких кругах, связанные с подъемом и падением валюты.

Та же самая картина во всем мире. Официальных бирж почти нигде не бывает достаточно, чтобы удовлетворить спекуляцию валютой. Поэтому торговля девизами в Голландии, например, на ряду с двумя большими биржами в Амстердаме и Роттердаме, где биржевики ежедневно собираются для установления курсов, создала себе еще одно место в Гааге. Так как в Гааге нет официальной биржи, то таковую с'imпровизировали на Спуйстраат. Перед несколькими меняльными лавками, которые об'являют в своих витринах мелом на черных аспидных досках сведения о курсах, сообщаемые им по телефону из Амстердама и Роттердама, находится место встречи неофициальных маклеров, которые ежедневно собираются на биржу и продолжают ее еще в отеле Шевенинген. Наглядно рисует эту картину статья в «Deutsche Allgemeine Zeitung». (От 20 апреля 1920 г.).

«У этих маклеров покупает и продает мелкота, все те, которые стесняются являться в агентуры, ибо желают попытать валютного счастья с очень маленькими суммами: в 10 или 20 гульденов; кроме того, надбавки вольных маклеров на пару центов меньше, чем надбавки меняльных контор, имеющих большие торговые расходы.

Спекуляция на франках, лирах или австрийских кронах менее распространена; предпочитают марку, ибо полагают, что вернее всего можно будет проследить за судьбой денег Германии — этой ближайшей к границе страны. Если падает франк, то это, быть может, озабочивает крупные денежные учреждения страны; но голландского рабочего, почтальона, жену учителя и приказчицу магазина падение франка мало беспокоит. Они не поставили на франк, но всецело связались с судьбой марки.

Итак, достаточно причин для большого скопления людей на Спуйстраат. Утренняя заря марки! Сколько человек думали, что поступили умно, купив марки, когда

только началось их решительное падение после заключения перемирия. Это те, которые покупали 100 марок за 17, 16, 15 гульденов и у которых вытягивались лица, когда стомарковый билет спускался до 10, 8, 6, 4 гульденов. Они приходят теперь на Спуйстраат только для того, чтобы удостовериться собственными глазами по записям мелом на аспидной доске, что марка опускается. Их прибыль чисто идеальная, она разыгрывается в их головах, в их расчетах на будущее. На деле, если марка доползла до 6, то повышается надежда, что она скорее, чем ожидали, достигнет вновь 15, 16, 17. Они только хотят теперь, чтобы марка поднялась до той цены, за которую они поторопились ее купить, они уже не желают заработать, они и так уже слишком много потеряли из-за того, что их деньги лежали в бездействии, они желают лишь выручить затраченные деньги. Рядом с этими ожидающими стоят торгующие. Они покупают теперь марки. Сколько могут. На собственные деньги, на занятые, на полученные от поспешного заклада платья в ломбарде гульденy. Ибо повышение неоспоримо. Его основания? Никаких: Напротив, все объединяется для давления на марку: известия о сепаратистских устремлениях Баварии, направленных против государства, о разразившемся восстании в Рурской области. Но на это не обращают внимания, мудрствование вытесняется верой, которая только крепнет и оправдывается при взгляде на черную аспидную доску, где рука приказчика записывает продолжающееся улучшение. Эти торгующие зарабатывают не в идее, но тут же на месте — в бумажнике. Пропшую пятницу они рискнули на биржевую игру 40 гульденами, и уже в понедельник у них 60 гульденов».

Точно так же, как на Спуйстраат в Гааге, дело происходит в Женеве на углу Корратери и улицы Дюстанд возле выставленного щита одного крупного швейцарского банка, где сообщаются систематически девизные курсы важнейших европейских стран. Подобным образом во многих других странах Европы германские бумажные деньги стали игральными марками, на которых спекулирует служанка, мелкий ремесленник, учитель, банковский чиновник, крупный промышленник. Все они — случайно или постоянно —

создали для себя игру на германских марках или австрийских кронах.

В странах с слабой валютой происходит спекуляция с девизами обратного порядка. Здесь спекулируют главным образом, выше стоящими иностранными деньгами.

Так например, спекуляция девизами в Гамбурге приняла столь неслыханные размеры, что осенью 1920 года депутат рейхстага д-р Блюнк (бывший некоторое время министром юстиции), на съезде банкиров выразил свое глубокое негодование по поводу этого развращающего народ занятия. На девизах, сказал он, спекулирует теперь каждый мальчишка с почты, каждая девица, которые таким образом могут себе позволить посещать шикарные, до безобразия дорогие танцевальные залы. Даже на солидной продуктовой бирже только и слышишь: «как стоит Голландия, как Швейцария? и т. д.». Предпринимаются самые отчаянные, совершенно бесполезные спекуляции, а в результате — дальнейшее обесценение денег.

В американских газетах нередко попадались большие объявления, в которых банковые фирмы призывали покупать германские марки, как скорейший путь к тому, чтобы «быстро разбогатеть» (*to become rich quickly*)

В разных местах организовали спекуляцию валютой во всех отраслях деловой жизни. Так в Норвегии, осенью 1919 г. появился новый род валютной спекуляции: заключались в большом размере страхования в германских обществах страхования жизни, выплачивались премии за несколько лет вперед, для того, чтобы при низком курсе марки получить крайне дешевое страхование. В Испании из Испано-Американского и шести других банков образовался в некотором роде валютный трест, который, вместо дальнейшего накопления массы иностранных банкнот и прочих платежных средств (говорят, что одних только германских девиз имеется в Испании на 1 миллиард пезет), желает за них приобрести промышленные ценности в соответствующих странах. Новые, финансируемые названной группой валютные общества, приобретают на ино-

странную валюту акции предприятий данной страны и таким образом превращают иностранные платежные средства в участие в иностранной промышленности. При этом предпочтение дается таким отраслям, которые не представлены в Испании. В 1922 г. в различных странах были основаны подобные общества с весьма значительным капиталом в марках.

В конце 1921 года румынское правительство приняло меры против развившейся спекуляции леями. Оно не испугалось радикальной меры запрещения иностранцам держать леи в румынских банках. Были разрешены лишь обороты леями при действительных товарных сделках. Этот шаг повел к ответным мерам со стороны иностранных бирж, которые постановили не котировать более лей. Это сделала сперва Цюрихская биржа, а вскоре ее примеру последовали и другие крупные биржи, так что лей перестала котироваться также и в Берлине, Вене, Праге и т. д. Лишь после отмены этого предписания Цюрихская биржа возобновила 17 мая 1922 г. котировку лей.

В начале 1922 г. Испанский министр финансов выпустил официальное предостережение: спекуляция иностранными валютами на испанские деньги незаконна, употребленные на это деньги подлежат конфискации. Причиной этого предписания была спекулятивная горячка, которая бросилась именно на ухудшившиеся европейские валюты. Не один банк погиб при этом ¹⁾.

В то время, как раньше можно было спекулировать

¹⁾ Manchester Guardian Weekly. — В конце лета 1922 г. пресса сообщила следующее известие: В Гаагском обществе вызывает сильный интерес самоубийство голландского банкира, который во время войны составил себе миллионное состояние. Банкир Янсен явился однажды вечером на устроенный одним из его друзей маскарад в костюме, сделанном из тысячи-марковых билетов. Эта забава стоила ему полмиллиона. В качестве маски для лица он использовал новый австрийский билет в сто тысяч крон. На следующий день узнали, что по возвращении с бала банкир застрелился. Первое же дознание установило, что Янсен, вследствие тяжелых потерь на валюте, не в состоянии был выполнить свои обязательства. Он оставил записку, которая гласит: „Марка меня погубила, раньше или позже она погубит вас всех“.

только на бирже и только на твердопроцентных бумагах, курс которых лишь мало колебался, либо на акциях, минимальная сумма которых было поэтому установлена законодательством большинства стран довольно высоко, — ныне упрочилась спекуляция иностранной и собственной валютой, которая может происходить даже в самых маленьких суммах. Поэтому во всех странах невероятно расширился круг спекулянтов. Прежде на валютных рынках огромнейшие ценности вкладывались в иностранные векселя. Теперь предпочитают наличные деньги — уже потому, что их удобно запрятать. Огромные суммы в местной и иностранных валютах прятались с тройкой целью: избежать обложения денег налогами, переправить их при благоприятном случае за-границу и наконец, спекулировать ими.

Кейнс оценивал общую сумму германских бумажных денег, циркулировавших за границей в начале 1921 г., в 50 миллиардов марок. С другой стороны, большая масса иностранной валюты, запрятанной в Австрии на основании заслуживающей доверия статистики ¹⁾, оценивается приблизительно в 20 миллиардов крон. Таким образом, 40% всех циркулирующих платежных средств беспроцентно связаны и не участвуют в оплодотворении народного хозяйства.

Во всех странах с падающей валютой или с чрезмерным налоговым давлением наблюдается то же явление на девизном рынке: значительная часть местных денег изымается из внутреннего оборота для обмена на иностранные валюты. В странах с бедственной валютой спрос на иностранные девизы особенно значителен, и вследствие низкой расценки собственных денег, у народного хозяйства этим отнимаются огромные средства. К высокой и без того потребности подобных стран в иностранных платежных средствах для оплаты ввозимого продовольствия и сырья, а равно для расчетов по внутренним и внешним (согласно условий мира) долгам, присоединяется еще то обстоятельство, что ненормально высокая

¹⁾ „Die Börse“ (Вена) от 31-ию-21, откуда я заимствую эти данные, к сожалению, не называет источников этой статистики. Но этот пресходно-издаваемый еженедельник очень хорошо осведомлен.

сумма внутренних платежных средств вкладывается в иностранные девизы, и выходит, таким образом, из оборота. Эти закупки публикой иностранных платежных средств, вызванные страхом, несообразно взвинтили цены на иностранные виды денег, доверие к которым поддерживается правительствами стран с слабой валютой. Едва ли можно себе представить, какой существует в Германии и Австрии боязливый спрос (Angstnachfrage) на доллары, швейцарские франки, английские фунты, румынские леи, и какие огромные массы (особенно в первые недели революции) местных бумажных денег потребовались для этого после переворота и сопровождавших его явлений. Каждое выступление рабочих, каждая железнодорожная стачка, каждое давление безжалостных врагов при помощи орудий пытки, данных им в руки версальским инструментом мира, гнали вверх цену иностранных валют и топили германскую марку. Точно такой же результат давал и каждый новый поворот винта того орудия пыток, на котором вздыблена Германия: например, перед принятием лондонского ультиматума в мае 1921 г. и после короткой передышки благодаря подписанию этого нового невыполнимого требования, вследствие колоссальной потребности германского правительства в иностранных платежных средствах. Набрать до 31 августа 1921 г. 800 миллионов золотых марок за акцепты индоссированных четырьмя германскими банками для правительства векселей, было такой невероятно трудной задачей, что многие владельцы германских бумажных денег в испуге бросились превращать их в иностранные деньги. Еще раз спекуляция деньгами и девизами пережила хорошие дни, а владельцы германских бумажных денег внутри страны и за границей, вместе с германским народом и государством, потерпели убытки. — То же самое, в еще худших формах, повторилось летом 1922 года.

Со времени перемирия в кругу стран с сильной валютой торговля и спекуляция деньгами разыгрывались преимущественно с наиболее обесцененными валютами, в то время, как страны с слабой валютой предпочитали первоклассные девизы. Первые обычно расценивались не

только по степени их обесценения, но одновременно и по степени возможности их восстановления. Поэтому, польской марке, которая с чрезвычайной быстротой стремится в пропасть, не доверяли даже союзники Польши вплоть до противозаконного раздела Верхней Силезии. Немного большим доверием пользовалась австрийская крона, которой, между тем, грозит теперь опасность исчезнуть в пропасти, а еще большим — германская марка, пока и она не ринулась вниз с той же быстротой. До весны 1922 г. германская марка принадлежала к числу излюбленных международных спекулятивных бумаг. В нее вложены огромные суммы, и в кругу спекулянтов стараются использовать каждое колебание ее стоимости. Каждое падение марки вызывало огромные закупки ее во всех странах мира, ибо надеялись, что она будет вновь подниматься. Одновременно, на другой стороне происходили продажи, только чтобы освободиться от слишком ненадежного богатства. Но когда марка подымается, покупщики реализуют свою прибыль, в то время, как многие продавцы вновь приобретают свои прежние марки, раскаянно качая головами, как они могли поддаться панике. Спекулируют на повышение и на понижение. Что выигрывает один, теряет другой.

Спекуляция посвящает себя отоцавшим, но подающим надежды бумажным валютам еще и по другому основанию: каждое колебание курса на 1%, вследствие глубокого падения этих валют, действует точно так же, как если бы стоящая в 5 или 10 раз выше валюта колебалась на 5 или 10%. Даже ничтожнейший поворот кривой в желаемом направлении может поэтому принести значительную прибыль. И так как в странах с высокоценной валютой можно за мелочь купить разные сорта обесцененных бумажных денег, то спекуляция идет очень широко. Недаром в Северной Америке германскую марку прозвали «бумагой бедняков» (the paper of the poor). В Италии нет ни одного человека, у которого не было бы марок. В Дании многие крестьяне закупили во время войны германские марки и бумажные ценности в надежде, что после заключения мира курс марки вновь подни-

мется. В Швеции многие крупные и мелкие спекулянты использовали низкий курс марки,—чтобы запасти ее ¹⁾).

Когда позднее марка упала ниже, то все же продолжались новые покупки, ибо каждый спекулянт надеялся, что теперь она уже не может дальше упасть. Если же несмотря на это, она продолжала падать, то настоящий спекулянт все же продолжал ее покупать: должна же, наконец, марка остановиться. Действительно, многие правильно рассчитали, когда, например, весной 1920 г. германский вексельный курс стал внезапно значительно подниматься. Но многие другие, которые слишком много ждали, ничего от этого не выиграли. Кто приобрел марку при курсе в 70% ее нормальной стоимости и не хотел продавать ее с убытком, тот и теперь напрасно ждет.

Еще удачнее, чем на повышение, можно спекулировать на понижение. С тех пор, как Германия была вынуждена подписать Версальский договор, нельзя ожидать другой длительной тенденции, кроме падения германской валюты со ступеньки на ступеньку. Временно она может еще оправляться путем сильных напряжений (например, путем закрытия «дыры» на Западе, после продолжительного сопротивления Антанты, или сильным нажимом налогового прессы); но такая поправка не может никогда долго продолжаться, она быстро сменяется новым движением назад, ибо достаточно одних только версальских постановлений, чтобы непрерывно ослаблять германскую валюту. Поэтому, спекуляция на понижение может еще лучше орудовать, чем на повышение, при посредстве «фиксирования», т.е. продаж на срок. Чем значительнее проданные суммы денег — действительные или фиктивные, — тем внушительнее они будут давить на цену, так что она очень легко падает ниже продажного курса, благодаря чему продавец на срок может купить еще дешевле запрожденные им марки, чтобы выполнить свои обязательства.

Особенно легко спекулировать на понижение крупным банкам и стоящим за ними правитель-

1) D-r Oscar Hartmann в „Tag“ от 2. vi, 20.

ствам. Насколько широко пользовались этим средством против Германии, объективно трудно сказать, ибо участники сами заинтересованы в молчании. Страна с слабой валютой вряд ли может воспрепятствовать спекуляции на понижение. Германия сделала попытку официальным распоряжением от 8-го февраля 1917 г. о платежных расчетах с за границей поставить девизный оборот в возможно более узкие рамки. Но сравнительно высокий курс германской марки до перемирия объясняется скорее политическими настроениями в стране и за границей, чем правительственными мерами против валютных спекуляций, и это доказывает, по моему мнению, развал германской валюты после перемирия, несмотря на продолжавшееся действие вышеупомянутого указа. — И позднейшие попытки связать или контролировать обороты с дивизами, повсюду, где они предпринимались, почти всегда проваливались. Спекулятивные ухищрения, несмотря на все, продолжают, и большею частью, недостаток дивиз становится еще ощутительнее.

Замечательную валютную спекуляцию предприняла новая Австрия, использовав свое право, при увеличении капитала акционерных обществ, требовать себе новые акции. Таким путем государство приобрело для себя все 50.000 новых акций, выпущенных Альпийским Горнопромышленным Обществом, по курсу 1.100 крон, «чтобы воспрепятствовать переходу общества в иностранные руки». Так, по крайней мере, объяснил этот шаг Национальному Собранию министр финансов д-р Рейш. Правительство надеялось, что новые акции дадут ему решающее влияние на управление делами этого общества. Но это ожидание не оправдалось, ибо большинство акций перешло в иностранные (прежде всего, в итальянские) руки. Поэтому легко понятно, что из этого положения была извлечена выгода тем путем, что из числа этих акций, за это время сильно поднявшихся в цене, 20.000 штук были проданы с курсовой прибылью в 28 миллионов крон. — Продолжало ли государство спекулировать с оставшимися 30.000 акций, я не могу сказать. Но надо ожидать, что его влияние на управление обществом, благодаря этой продаже, еще более упадет.

Первое повышение чешской кроны и ее дальнейший подъем были обусловлены государственными девизными операциями. Согласно докладу чехо-словацкого министра финансов Новака в феврале 1922 г., повышение чешской кроны при одновременном падении курса марки сделало весьма выгодной операцией возврат предоставленного Германией Чехо-Словакии кредита. Чехо-Словакия сделала заем в Германии в сумме 725 миллионов марок из 11½%. Возвратив эту сумму, она заработала, благодаря изменившемуся курсу, 125 миллионов чешских крон.

Многие правительства подвергаются упрекам за то, что они вызывают иностранную спекуляцию их валютой и повышают таким образом ее курс. В этом, например, упрекнул венгерского министра Хегедюса Иосиф Ваго, редактор экономического отдела «Pester Lloyd'a»:

«Вместо того, чтобы стремиться к стабилизации курса кроны на том уровне, на котором застал ее министр финансов, он дал увлечь себя миражу успеха и с необычайным вдохновением и талантом стал возбуждать иностранную спекуляцию венгерской кроной, чтобы таким образом поднять ее курс ¹⁾».

Благодаря этой более высокой иностранной оценке ее вексельного курса Венгрия может была втянута в кризис мирового хозяйства. — Уверен ли критик, что Венгрия не была бы втянута в кризис, если бы ее вексельный курс оставался на том же низком уровне? Далее мы покажем, до каких пределов повышение вексельного курса может воспрепятствовать торговому обороту.

Не очень трудно поднять валюту, упавшую до одной сотой своего паритета, на 1 или 2%. Когда австрийская крона в январе 1920 г. упала в Цюрихе до 1,50 сантимов, в это вмешался венский финансовый мир, которому удалось через несколько месяцев поднять крону до 2,50 сантимов. В Вене были довольны, что в Цюрихе венские девизы, по крайней мере не падают больше. Заслуживает внимания, что вен-

¹⁾ „Börse“ (Вена) от 28. iv, 21.

ское правительство в сообщении, присланном в одну из венских газет, отрицало свое участие в поднятии курса кроны в Цюрихе. И все же австрийский министр финансов неоднократно жаловался, что махинации валютной спекуляции в Цюрихе являются главной причиной бедственного состояния австрийской валюты. Там, где обесценение зашло так далеко, там правительство пытается другими средствами воспрепятствовать валютному банкротству, а именно оно пользуется средствами централизации девизной торговли. Несмотря на это, рост девизной спекуляции не прекращается. Удивительные вещи произошли, наприм., в Загребе (Аграм), хозяйственном средоточии Юго-Славии. Торговля девизами в этой стране монополизирована несколькими крупными банками. В связи с переговорами об иностранном займе, которые велись из Белграда, в Загребе в мае 1922 г., попытались понизить курс иностранных девиз. Юго-Славский Банк выбрасывал ежедневно на рынок до 100.000 франков и до 1.000 фунтов стерлингов и отдавал девизы дешевле, чем то соответствовало спросу. Так, однажды парижские девизы дошли до 620, но Юго-Славский Банк упорствовал, предлагая свои франки за 610. Дело дошло до серьезного столкновения, ибо биржевой комитет не разрешал внести этот курс в биржевой бюллетень. Даже конфиденциальные указания на интервенционные закупки министерства для улучшения собственной валюты не подействовали на неумолимый биржевой комитет. После оживленного заседания биржевого совета членам Биржи были прочитаны и твердо внушены те пункты биржевого устава, согласно которым запрещаются искусственные воздействия на биржевой курс. Тем временем франки дошли до 650. Как ни объяснима дешевая продажа иностранных девиз Юго-Славским Банком на Загребской Бирже, но во всяком случае эта игра, в конце концов, кончилась крахом. Следствием было такое сокращение девизного дела, что малейшие спекулятивные покупки могли влиять на курс. Если министр финансов, действительно, намеревался дешевой продажей иностранных девиз напугать валютную спекуляцию, то он достиг лишь обратного. Большинство специалистов держатся того мнения, что государ-

ственные меры против спекуляции девизами не достигают своей цели. Государство может и должно сделать лишь одно: воспрепятствовать дикой нелегальной торговле девизами на улицах и площадях, в трактирах и спекулянтских притонах. В Берлине существовала в районе Гренадир-Штрассе черная биржа, которая конкурировала с официальной Биржей в торговле девизами и валютной спекуляции. Ежедневно тут переходили миллионы из рук в руки без того, чтобы государству перепадал хоть малейший налог. Когда в ноябре 1921 г., полицейский патруль обыскал один меблированный дом на Гренадир-Штрассе, он нашел там около 80 лиц, торговавших девизами. Целые пачки ценных бумаг, для сокрытия их от полиции, были разбросаны по шкафам, ящикам, кадкам, так что сперва при личном обыске у спекулянтов нашли немного денег. Но более тщательный обыск обнаружил более 3 миллионов марок в германской, польской и русской валютах. Вся эта сумма перешла к государству, ибо ни один из задержанных, по понятным причинам, не признавал этих денег своею собственностью.

Но и на официальных биржах происходят иногда гадости. Так, с начала 1921 г. в Вене стали происходить раздоры между банковскими комиссионерами и клиентами по поводу запоздалой сдачи долларов, которые пускались в вольный оборот. События приняли, в конце-концов, такие размеры, что Биржевая Палата должна была вмешаться в это дело. Она обратилась к только что основанному Союзу валютных и девизных торговцев и поручила ему выяснить и урегулировать это дело. На двух заседаниях правления союза, в которых приняли участие все заинтересованные в обороте долларов фирмы, выяснилось, прежде всего, размер еще не оконченных расчетов дел. При этом ко всеобщему удивлению, выяснилось, что на рынке не хватает не меньше 400.000 долларов.

По тогдашнему курсу это означало почти 270 миллионов крон, т.-е. весьма порядочный капитал, при помощи которого «подкопщики» могли орудовать долларowymi билетами. О происхождении этих «подкопных позиций» мнения разошлись. В большинстве случаев банкиры могли быть за-

стигнуты врасплох своими клиентами, ибо, к сожалению, во многих банковских предприятиях укоренилось злоупотребление проводить покупки и продажи валют путем одних только задатков. Таким образом, могло случиться, что многие клиенты вносили вклады кронами в виде обеспечения и одновременно давали поручения на продажу долларовых билетов с тем, что соответствующие пакеты девиз будут ими в ближайшие дни доставлены. Если ожидаемая перемена курса доллара не наступала, то клиент продолжал оставаться должником, а банкир не решался положить конец этому неопределенному положению путем исполнения требования обязательства.

Сумма недостающей наличности долларовых билетов была тогда уменьшена до 200.000 долларов, частью благодаря самостоятельной сдаче таковых, частью путем истребования от клиентов.

Подобным злоупотреблениям можно было бы положить конец путем введения обязательных заключительных записок и сдач. Ибо совершенно устранить свободное обращение девиз было бы очень затруднительно. Именно в Вене обнаруживается, что валютная спекуляция стоит в самой тесной связи с двумя проблемами, созданными новым политическим порядком вещей на основе Сен-Жерменского мирного договора. С одной стороны, обнищание немецкой Австрии, на которую было возложено гораздо больше долгов старого государства, чем она может вынести, или чем это соответствует долговому бремени других государств-наследников, с другой стороны, распадение старого государства на полдюжины самостоятельных государственных образований с собственной валютой, собственной таможенной политикой и собственными финансами, — взвинтили спекуляцию девизами в Вене на нездоровую высоту. В этом можно убедиться по балансам крупных венских банков уже за 1920 г. Если в этих балансах фигурировали суммы свыше 10 миллиардов, то это нельзя объяснить только обесценением австрийской кроны: причина этого огромного увеличения сумм и оборотов лежала скорее в том, что главным источником для крупных венских банков является в настоящее время девизное дело. Вследствие раз-

дробления Австрии, Вена стала одним из величайших пунктов торговли иностранными платежными средствами, ибо один только сильно развитый транзитный оборот для ввозной и вывозной торговли прочих государств-наследников между собой и с прочим миром, большею частью, происходит через немецкую Австрию.

Немалое значение для увеличения девизного оборота и валютной спекуляции имеют изменения государственных границ. Так, при народном голосовании в Северном Шлезвиге большую роль играл вопрос, будут-ли рассчитываться марковые билеты и другие деньги после присоединения к Дании, по курсу дня или выше. В определенной надежде на более высокий курс, в Северный Шлезвиг, как и в Южную Ютландию, хлынула масса германских наличных денег. Шлезвигские банки даже отказывались принимать некоторые вклады, ибо огромное увеличение их имело явно незаконные причины. После спекуляция прекратилась сама собой, ибо датское государство, как подчеркнул министр финансов Брандес на запрос в фолькетинге, не могло установить более высокий расчетный курс.

Существуют бесчисленные формы валютных спекуляций. Они угнездились даже в деле страхования жизни. Если многие из немецких владельцев капиталов за последнее время заключали страхование жизни в высоких суммах, нередко выплачивая вперед премии за целый ряд лет или даже за весь страховой период, то это, во всяком случае, не подходит под понятие валютной спекуляции, но вызывается либо бесконечным обесценением денег, либо надеждой застраховать ту часть своего состояния, которая должна перейти к пережившим членам семьи. Поэтому, общества страхования жизни в Германии не должны теперь прибегать к специальной вербовке клиентов — и без того приток новых страховых жизни увеличился почти в три раза по сравнению с мирным временем ¹⁾.

Но, конечно, валютной спекуляцией являются много-

¹⁾ Катастрофическое падение марки летом 1922 г. положило конец этому делу.

численные предложения страхования, поступающие из-за границы. Страховые договоры в иностранной валюте, каковые часто заключались германскими обществами до 1914 года, в настоящее время по числу и по размеру весьма незначительны. Напротив, иностранцы теперь охотно заключают страхование в германской валюте, они надеются извлечь из этого выгоду в случае, если марка поднимется. Страховые общества, хотя и оказывают этим услугу народному хозяйству, возвращая Германии сосредоточенные за границей марковские билеты, но, с другой стороны, они должны покрывать свои текущие расходы (по найму помещений, жалованьям служащим, врачебным осмотрам и т. д.), в иностранной валюте.

Если тут перед нами совершенно легальная валютная спекуляция, которая руководится надеждой на возрождение германской марки, то непосредственное извлечение валютной прибыли иностранными спекулянтами приносит величайший вред народному хозяйству стран с слабой валютой. Это связано с теми мошенническими способами, с помощью которых местные деньги переходят через границу.

Ярким примером является процесс иностранных валютных курьеров в Вене в мае 1921 г. В пакетах курьеров, запечатанных печатями английского посольства, было обнаружено на 8.000.000 немецко-австрийских крон, а также 15 килограммов золота. Но как часто подобные спекуляции удаются, не поддается никакому подсчету.

На девизную спекуляцию во всех странах разжигающе действуют золотые миллиарды, которые должна Германия платить согласно лондонскому договору, состоявшемуся весной 1921 г. Всякий раз, как подлежит платежу золотой миллиард или полмиллиарда, уже задолго до того девизный рынок всех стран, благодаря напряжениям обедневшего германского народного хозяйства для уплаты этой дани, получает сильный толчок. Неделями и месяцами после этого девизные курсы кружатся в бешеном танце. Само собой разумеется, что именно крупные спекулянты пользуются этой благоприятной возможностью половить рыбку в мутной воде. Так, в конце июля 1921 г. союзное

правительство Северо-Американских Штатов выразило свое неудовольствие некоторым крупным финансистам в Нью-Йорке по поводу их валютных спекуляций и попыталось воздействовать на них в смысле прекращения ими известных спекулятивных операций. Все эти финансисты имели отношение к германским репарационным суммам ¹⁾.

Полная бессмысленность отношений денежного рынка, вызванного крахом валют и его разлагающим влиянием на народное хозяйство, быть может, явственнее всего обнаруживается в том, что рядом с иностранцами, спекулируют на понижение даже патриотически настроенные круги собственной страны. Они опасаются, что улучшение собственной валюты должно будет более или менее катастрофически подействовать на экспорт и торговлю.

Приблизительно так и происходит: под'ем германской валюты выгоднее многочисленным иностранцам, которые дешево купили бумажные марки, чем немцам: первые получают прибыль, которую они реализуют на любой бирже или могут использовать в самой Германии, а последние встречают препятствие для своего сбыта за границей. Почти все важнейшие товары, в особенности продовольствие и сырье, ввозимые в страну, при неизменной цене мирового рынка, оплачиваются в стране с большой валютой более высокими суммами. Поэтому экспортная индустрия должна выручить эти более высокие суммы при сбыте своих продуктов. Поскольку собственный вексельный курс стоит низко, полагают (насколько правильно, мы рассмотрим ниже), что этот низкий уровень валюты должен действовать в качестве экспортной премии. Когда же собственный курс девиз поднимается, для иностранного покупателя отпадает привлекательность покупки заказанного товара в обесцененных деньгах, или делается оговорка, что цена должна стоять в известном соотношении с улучшением валюты. Поэтому экспортная индустрия испытывает обычно серьезные затруднения при каждом улучшении валюты, и нередко всеми силами ему препятствует.

¹⁾ Согласно сообщения „Daily Telegraph“, приведенного в „Neue Freie Presse“ (Вена) от 27. VII, 21.

II. Торговля деньгами путем почтовых переводов и почтовых марок.

Каким образом торговля деньгами благодаря низкому уровню иностранной валюты может принести отдельным лицам барыши без применения малейшего производительного труда, доказывает, например, письмо солдата английской оккупационной армии на Рейне в 1919 г., приведенное на страницах газеты «Daily Mail»:

«Я разменял в Кельне, — пишет он, — чек в 5 фунтов стерлингов, в отделении известного банка Кокса, и так как марка упала, получил за свой чек 460 марок. Это была первая часть моего средства быстро и без труда заработать деньги. Теперь идет вторая часть. В тот же день я хотел послать деньги в Англию и для этого купил на военном почтамте почтовый перевод в 5 фунтов стерлингов. За это я должен был заплатить 387 марок. Сперва я был очень удивлен: только что я получил в банке за 5 ф. стерл. 460 марок, а на почте за те же 5 фунтов мне пришлось заплатить только 387 марок. Таким образом, я легчайшим и честнейшим способом заработал 73 марки. Вначале это показалось мне черезчур заманчивым, чтобы быть фактом.

«Могу ли я купить еще один перевод?» — спросил я у чиновника, уцепив себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон. — «Конечно», — сказал он, — другие делают то же самое; эта история, кажется, уже широко распространена». И в самом деле. Казалось, все в гарнизоне самостоятельно открыли для себя этот новый путь заработка. Когда я вернулся к банку Кокса, то, казалось, вся рейнская армия сконцентрировалась перед дверями, и половина Гогенграссе была полна солдатами, желавшими произвести столь выгодный обмен. Медленно двигалась очередь к конторке, где служащие с возможной быстротой меняли деньги. В чем же объяснение этой замечательной истории? Оно весьма просто. Как мне объяснил один кассир, существует два принципа обмена денег: один технически-биржевой, соотносящийся с ежедневным курсом и применяемый Банком, и другой, военный, устанавливающий стоимость марки на месяц вперед. По-

следняя цифра, применяемая военной почтой, в настоящий момент значительно ниже банковской. В Банке в тот день платили 92 марки за фунт, в то время, как на почте стоимость фунта установлена была в 77,40 марок. Таким образом, можно было при размене 5 фунтов заработать 73 марки, а при больших суммах еще больше. Неудивительно, что кельнские солдаты использовали эту благоприятную возможность».

Находчивые люди придумали новые формы спекуляции деньгами путем телеграфных сношений.

Так, в Германии, в 1919 году, неоднократно наблюдалось, что телеграммы в Швецию с оплаченным ответом отправлялись с непомерно большим количеством слов, напр., до 800. За подобную телеграмму надлежало уплатить 320 марок. Но получатель не посылал ответа, но требовал уплаты данной суммы в шведской валюте, чтобы использовать разницу в курсе. Чтобы положить предел этому злоупотреблению, германское министерство почт ограничило временно число слов для ответа тридцатью. Почтовым учреждениям было предписано сообщать о подобных же комбинациях по отношению к другим странам.

Валютный крах вызвал необходимость уничтожить систему международных свидетельств для телеграфных ответов, какие практиковались всемирным почтовым союзом и оплачивались во всех странах по одинаковому курсу, сообразно отношениям в оплате простых заграничных писем. Теперь во всех странах продажная и покупная цена этих свидетельств устанавливается различно.

С другой стороны, низкий уровень валюты побудил многие государства к усиленному производству новых почтовых марок, что, быть может, приятно коллекционерам, но для всех прочих смертных ничего хорошего в себе не заключает. Немалую трудность представляет знать, какие из бесчисленных почтовых марок действительны, а какие нет. На одной только германской территории циркулирует ныне (при любезном содействии Антанты) такое

огромное количество разных видов почтовых марок, что они могли бы наполнить почти целый альбом почтовых марок, который одним поколением раньше был бы достаточен для почтовых марок всего мира.

III. Спекуляция валютой и торговля товарами.

Никакие налоги на вывозимые товары и никакие запрещения не в состоянии помешать обилию посредников в торговле товарами, вывозимыми из страны с низкой валютой. Это происходит окольным путем как через государства с более высокой валютой, так и через государства с более низкой валютой. В обоих случаях задача заключается лишь в том, чтобы сбыть данный товар в страну с более высоким девизным курсом.

Например, австрийские фирмы предлагают Южной Америке германские товары по значительно более дешевым ценам, чем их продает сама Германия, даже делая надбавки на предположительный упадок валюты. Согласно отчетов государственного комиссара по выдаче разрешений на ввоз и вывоз, это злоупотребление скидками с цен, которые делает Германия странам с слабой валютой, отнюдь не ограничивается Австрией, но имеет место и в других странах, которые, благодаря более или менее низкому уровню своей валюты, получают более выгодные цены, чем страны с крепкой валютой.

Равным образом, многие германские товары попадают окольным путем через Францию, где приходится платить меньший налог на вывоз, в Швейцарию, где, благодаря высокому курсу франка, импортеры принуждены уплачивать значительно большую сумму вывозных пошлин. Товар, который до войны стоил 50 марок, продавался в середине 1920 года, скажем, за 500 марок, к чему надо прибавить еще и вывозную пошлину, исчисляемую в иностранной валюте. Так как в то время французский франк стоил немногим больше половины швейцарского франка, то многие германские товары вывозились во Францию, для перепродажи их оттуда в Швейцарию — по значительно более дешевым ценам, чем любая

швейцарская фирма должна была бы заплатить за тот же товар в Германии.

Один практик пишет¹⁾: «Факт тот, что ныне вся торговля спекулирует на валютных разницех... Ни одному мало-мальски соображающему швейцарскому импортеру не придет в голову выписать необходимый ему товар непосредственно из Германии. Он запасается им во Франции, если только не может раздобыть этот товар в Австрии, что для него много выгоднее, — и легко получает его дешевле на 60 и более процентов, чем если бы непосредственно приобрел его в Германии».

В руках купцов тех стран, через которые проходит подобная посредническая торговля, остается значительная прибыль. Этому злу нельзя помочь ни системой градации государственных вывозных пошлин, ни дифференцированием продажных цен производителями для стран с сильной и со слабой валютой. Дело в том, что, вследствие развала девизных курсов во всем мире, всегда можно найти страны, где валюта стоит ниже, чем в стране, желающей купить товар; таким образом, возникает побуждение перепродавать товары стран с слабой валютой, дешево расценивающиеся на мировом рынке, с посреднической прибылью, в страны с сильной валютой.

В Германии сделали попытку различать три класса стран: с крепкой валютой, с ослабленной и с слабой. В то время, как продажные цены для первых—примерно—утраивали, их для второй категории только удваивали. Таким образом, Франция, Бельгия, Италия и Румыния, которые в 1920 году относились к этой средней группе, выручали значительные барыши путем перепродажи закупленных по двойной цене товаров в страны с высокой валютой, уплачивавшие им 250 — 280% основной германской цены. Если же американской, английской или швейцарской фирме удавалось закупить нужные ей германские товары через австрийскую или польскую фирму, которая получала эти товары из Германии

¹⁾ D-r Wilhelm Vershofen: Bereicherung fremder Länder (Vossische Zeitung vom 28. II, 20).

по номинальной цене, то посредническая валютная прибыль значительно увеличивалась.

Нет возможности точно определить, в каких размерах практиковалась подобная междугосударственная посредническая торговля. Во всяком случае, она весьма значительна. Поэтому данные торговой статистики, в эпоху сильных валютных колебаний, дают очень неточную картину направления вывоза и ввоза.

Ко всем этим видам спекуляции присоединяется еще особый вид: спекуляции неумышленной.

К промежуточным формам можно отнести такие мероприятия, которые исключают собственную валюту, и для платежей с дальними сроками устанавливают иностранную валюту, чтобы иметь более устойчивый базис для цен. В Польше недвижимость продается, большею частью, на доллары. Город Берлин предполагает заключить договоры на аренду мест для рекламы, сроком на 10-15 лет, не в марках, а в американских долларах ¹⁾.

Б. Неумышленная спекуляция валютой.

Вследствие непрерывных колебаний девизных курсов, каждое отдельное хозяйство, поддерживающее сношения с заграницей, поневоле занимается валютной спекуляцией. Заключает ли оно свои сделки (по покупке или продаже) в местной или иностранной валюте, — валютные скачки всегда будут значительны и принесут с собой или непредвиденную прибыль или такой же убыток. Ныне во всем мире наблюдается, что даже в области производства господствует спекулятивное хозяйство, какого никогда прежде не бывало. Зачастую вся сделка превращается в сплошную валютную спекуляцию, исключаящую планомерное калькулирование.

Торговле угрожает опасность утонуть в валютном водовороте. Ни один купец не знает, что будет стоить через неделю

¹⁾ „Vorwärts“ от 28. vi, 21 г. не усмотрел ничего предосудительного в подобных действиях городского самоуправления.

товар, который он сейчас купил. Пусть доставка заказанных или обещанных товаров продолжается всего лишь несколько дней — но пока что валюта, в которой состоялась сделка, может ухудшиться или улучшиться на 20, 50 и более процентов. Возможно, что он при этом зарабатывает гораздо больше, чем могло ему дать чисто торговое дело: но так же возможно, что он потерпит убытки, в которых совершенно неповинен.

Постоянная смена настроений на валютном рынке представляет для междугосударственной торговли меньшую угрозу, чем для производства. Последнее, в конечном счете, терпит убытки, в то время, как торговля, испытав потери, может надеяться и на большую прибыль. Количество промышленных предприятий, страховых обществ и общин в Германии, занявших во время войны деньги за границей, бесконечно велико. Они предпочитали Швейцарию — а теперь несут на себе огромное бремя долгов, за которые в свое время не получили даже приблизительного эквивалента, но которые теперь обязаны уплатить в иностранной валюте. Гораздо менее значительно число тех случаев, когда Швейцария давала деньги с требованием уплаты в германских марках. В этом, гораздо более редком, случае, кредиторы терпят убытки, без того, чтобы должники извлекли из этого какие-либо выгоды.

Попытка выровнять колебания девиз при покупке сырья или при продаже готового продукта путем уплаты половины цены (при заказе) в иностранной валюте, а другой половины (при доставке) в местной валюте — не увенчалась успехом. Равным образом, не удалось бы и объединение каждой отрасли промышленности, с разрешения правительства, в самоуправляющуюся единицу, обязанную уплачивать налог с валютной прибыли. Этим была бы разрешена лишь одна половина задачи. Осталась бы другая: кто должен нести валютные убытки?

Например, отдельные венгерские экспортеры вина, продавшие свои вина в немецко-австрийских кронах, потерпели значительные убытки, когда венгерская крона поднялась в начале 1921 года. Напротив, многие иностранные виноторговцы купили про запас венгерские кроны, чтобы использовать их при закупках вина в Венгрии. Когда венгерская ва-

люта стала скакать вверх, то многие из этих счастливицев не могли устоять против искушения продать венгерские кроны на бирже без закупок вина, и таким образом, нажить миллионы ¹⁾).

Поэтому, даже там, где налицо было определенное намерение совершить товарную сделку, внезапное повышение курса расстраивало это намерение. Так, на место хозяйственного оборота, необходимого обеим сторонам, выступает биржевая спекуляция, которая не создает материальных ценностей, но дает возможность сорвать барыш, используемый, как показывает опыт, на мотовство и роскошь.

Спекуляция втянула в себя весь мир, и ее злое влияние чувствуется в народном хозяйстве всех стран. Прежде всего, она гонит вверх прибыли на одной стороне и тем самым неизбежно — стоимость жизни на другой стороне. Определенное ожидание дальнейших курсовых колебаний не дает осуществиться многим сделкам, которые явились бы полезными с народно-хозяйственной точки зрения, — из боязни падения одной валюты или в надежде на повышение другой. Течение хозяйственной жизни, которое прежде, благодаря постоянству местной валюты, было совершенно ровным, теперь предоставлено случайностям. Вместо прежних длительных хозяйственных отношений, которые прерывались лишь временно преходящими кризисами, мы имеем теперь случайные отдельные заказы и закупки, при которых, в конце концов, ни одна сторона не знает, выгадает ли она или проиграет. А надежда оздоровить народное хозяйство, пораженное в самую сердцевину разрушениями войны, путем увеличения производства, как это бывало после всех почти других войн, — не может теперь осуществиться, благодаря краху валют и бесконечным колебаниям. Мировое хозяйство совершенно расстроилось. Оно потеряло всякую устойчивость. Глубочайшей проблемой нынешней политики мирового хозяйства является устранение этого губительного положения вещей.

¹⁾ „Die Börse“ (Вена) vom 7. IV, 21.

В. К вопросу о составлении счетов.

На ряду с спекуляцией иностранными денежными знаками большие размеры приняла косвенная спекуляция валютой путем продажи товаров. И здесь можно различить последовательный ряд видов, начиная с безупречных в правовом отношении форм и кончая самыми отчаянными плутнями. Рядом с умышленной валютной спекуляцией стоит здесь и неумышленная.

Промышленное предприятие, нуждающееся в заграничном сырье и ищущее сбыта своих продуктов частично или полностью за пределами своей страны, может быть поставлено, благодаря колебаниям валютных курсов, в чрезвычайно затруднительное положение. Чем больше времени требуется для того, чтобы превратить прибывающее из-за границы сырье в полуфабрикат или готовый фабрикат и найти для него сбыт в этой форме, тем чувствительнее для предприятия падение иностранной и подъем собственной валюты. Электро-техническое предприятие, которое должно приобрести для себя медь в Америке и делает это при курсе в 600 марок за доллар, перерабатывает эту медь в кабели, которые оно желает, или быть может, обязано на основании договора, продать вновь в Сев. Америку. Это предприятие потерпит огромные убытки, если за это время доллар упадет до 300 марок. Но так как подобные колебания денежных курсов могут наступить в любой момент, то многие фирмы сделали попытку составлять свои счета в иностранной валюте. Но большинство иностранных клиентов отказывалось от этого, не желая, с своей стороны, подвергаться риску потерь на курсе. Тогда у поставяющей фирмы оставался лишь один выход: стоимость экспортируемого товара в марках перечислять на валюту иностранной страны по курсу дня, и требовать внесения соответственной суммы в иностранной же валюте на текущий счет в тамошнем Банке. Таким путем предприятие в состоянии оплачивать дальнейшие свои закупки сырья за границей в тамошней валюте.

Но если в зарубежных банках лежат суммы в иностранных девизах, то этот денежный запас ведет к валютной спекуляции. Как только наступает внезапный поворот валютной кривой, который делает выгодной обратную покупку своей валюты или закупку других девиз, то немногие фирмы в состоянии противостоять этому соблазну. Этим замыкается круг: неумышленная спекуляция превращается в умышленную.

Отсюда один лишь шаг к предпочтению иностранных девиз на собственном рынке ¹⁾.

В марте 1920 г. германская крупная индустрия перешла к продаже железа и стали предприятиям перерабатывающей промышленности на основах так называемого «косвенного вывоза» по ценам, значительно превышавшим установленные министерством народного хозяйства цены для страны. В виде правила сталелитейные заводы требовали уплаты по своим счетам в размере 50% в германской валюте по внутренней цене и 50% в иностранной валюте по вывозной цене. Это требование основывалось на том, что валютные убытки, которые терпели металлургические заводы, благодаря покупке шведской и испанской руды, должны частично выравниваться валютными прибылями, которые достигаются путем вывоза железных полуфабрикатов и готовых продуктов. Но где ручательство, что это обременение падет на товары, действительно предназначенные к вывозу и что льготы коснутся лишь тех предприятий крупной промышленности, которые перерабатывают иностранное сырье или на этом основании имеют непокрытые долги за границей? Поэтому министерство народного хозяйства получило массу заявлений от предприятий железообрабатывающей промышленности с протестами против требований сталелитейных заводов, указывающими, что это новое требование повлечет за собой весьма значительное повышение цены для внутреннего потребителя. Министерство народного хозяйства поспе-

¹⁾ См., напр., спор Тиссенского Торгового Общества с ограниченной ответственностью в Эрфурте с калийным синдикатом (весною 1920 года).

шило, поэтому, с разработкой проекта постановления о регулировании железнорудной промышленности, соответственно требованиям комиссии Национального Собрания по народному хозяйству от 15 декабря 1919 г. 1 апреля 1920 г. вступило в силу распоряжение, согласно которого сделки, противоречащие условиям продажи, которые имеют быть установлены будущими самоуправляющимися организациями, недействительны; сюда входит также и требование иностранных девиз, которое рассматривается, как превышение предельных цен, и потому наказуемо.

Если валюта обречена на смерть, как это имеет место с германской маркой, благодаря Версальскому договору и 12 состоявшимся за последние годы конференциям, отклонявшим всякую мольбу о пощаде, — то валютная спекуляция должна дойти до точки кипения. Правительство страны, вынуждаемой к такой огромной дани, может обеспечить себя необходимыми иностранными девизами лишь путем энергичного давления на свою экспортную индустрию, которая облагается вывозными пошлинами и обязательствами сдачи значительной части получаемых девиз. Это автоматически ведет к предписанию поставлять известные товары за границу лишь при условии составления счетов в иностранной валюте. Ближайший неизбежный шаг состоит в том, что и внутри страны начинают составлять счета в лучшей валюте. Таким образом, доллар внедрился в качестве платежного средства во многих европейских странах. Доверие к собственной валюте падает. От нее стараются избавиться, чтобы приобрести более ценные вещи (имущество или ценные бумаги или иностранные девизы). Каждый дальнейший упадок вексельного курса подхлестывает вверх валютную спекуляцию.

Когда бедственная валюта приближается к нулю, то за границей, где раньше делали еще большие закупки в надежде использовать спекулятивное повышение, начинается паника; и там стараются избавиться от неимеющих цены иностранных денег и покупают на них другие иностранные девизы. Таким путем удалось, например, Пуанкаре, который летом 1922 года снова предпринял яростное нападение

на мировое хозяйство, настолько обесценить германскую марку, что и за границей все пустились реализовывать немецкую валюту. Для освобождающихся средств стали искать новых спекулятивных возможностей, напр., в виде чешской кроны.

3. Слабость валюты, как вывозная премия.

Частные хозяйства, заинтересованные в экспорте, постоянно повторяют, что обесценение валюты действует, как вывозная премия. Этот взгляд проник и в теорию. В такой общей форме эта точка зрения неправильна — ибо она не считается с ущербом для всего народного хозяйства, проистекающим как от ухудшения девизного курса, так и от его длительного низкого уровня.

Насколько я знаю, во всей истории мировой торговли есть лишь один пример, когда низкий уровень валюты оказал благоприятное влияние не только на частные хозяйства, но, быть может, и на народное хозяйство в целом, хотя это утверждение в такой общей форме при ближайшем исследовании, вероятно, не оправдалось бы. Обесценение денег во время северо-американской гражданской войны сопровождалось значительным лажем на золотые монеты. Кровавая борьба Северных Штатов с Южными вызвала отлив золота в Европу для оплаты военных расходов и закупки продовольствия. В марте 1863 года, вследствие выпуска большой массы бумажных денег союзным правительством, средний курс золотых денег стоял на 146, а в июле следующего года он достиг 285; лишь по окончании войны курс стал медленно поправляться, но еще в 1870 году он составлял 115%.

Именно этот высокий уровень курса золота послужил премией для вывоза пшеницы. До 1861 г. вывоз хлеба из Соединенных Штатов был незначителен и, в частности, для европейских стран не имел никакого значения. При плохих урожаях Америка даже бывала вынуждена ввозить русский хлеб из портов Черного моря. Лишь гражданская война дала

сильный толчок культуре пшеницы в Северной Америке. Закрытие внутренних водных путей, по которым прежде пшеница доставлялась в Южные штаты, побудило вывозить весь производимый излишек за границу. Лишь европейские рынки нуждались в хлебе и обладали достаточной покупательной способностью. В эти годы 1860 — 1863 г.г. во Франции и в Англии были хорошие урожаи, понизившие цены на пшеницу. Тем не менее, вследствие падения валюты, северо-американские фермеры выручили огромные барыши, так что вывоз пшеницы между 1860 и 1863 годами мог увеличиться в 9 раз. В следующем году айовский фермер выручал за шеффель пшеницы в Лондоне 1,25 золот. долларов, т.-е. 3,12 бумажных долларов. За вычетом транспортных расходов, которые составляли тогда около 1 доллара, ему оставалась за шеффель сумма в 2,12 долларов в гринбегах (зеленые бумажные деньги союзного правительства). Вследствие этого, фермер имел возможность существенно улучшить свое хозяйственное положение, ибо он покупал плуги, сеялки и жатвенные машины внутри страны, и свои долги имел право платить в бумажных деньгах. Фермер Востока, напр., сольский хозяин штата Нью-Йорк, которому фрахт до Лондона обходился всего лишь в 25 центов, при той же цене в переводе на бумажные деньги 3,12 доллара, выручал 2,87 доллара за шеффель. Но фермер Запада получал еще большие доходы, ибо внутренние транспортные издержки с Запада до Нью-Йорка исчислялись по старым тарифам, но в бумажных деньгах. Таким образом, экспортная премия для сельского хозяйства Западных штатов была особенно высока.

Оборотной стороной этой экспортной премии было уменьшение доходности, когда стоимость денег вернулась к своему нормальному уровню. Вскоре после войны западные фермеры стали жаловаться: слишком большая площадь земли засеяна пшеницей, и это не приносит никакого дохода, транспортные издержки (ныне возросшие) едва окупают сельскому хозяину себестоимость продукта. В результате, правительство рекомендовало фермерам перейти на культуру корнеплодов и овощей и меньше засевать пшеницы.

Между 1863 и 1867 годами вывоз пшеницы упал до одной шестой ¹⁾.— Конечно, заключение мира вновь открыло рынки сбыта в Южных штатах; но, благодаря войне, они сильно оскудели, и сельское хозяйство Запада пережило несколько тяжелых лет. Вывоз пшеницы, который в 1864 году составлял еще 23,7 миллионов шэффелей (соответствует американскому «бушелю»), в следующем году дошел до 9,9, а спустя еще год, даже до 5,6 милл. Лишь потом он начал вновь подниматься. Но даже в 1869 году (17,6 милл.) он стоял ниже вывоза военного времени. Достигнутый в 1862 г. максимум (37,3 милл.) был превзойден только в 1873 году (39,2 милл.). Для дальнейших гигантских шагов вперед, в качестве экспортной премии выступил уже не низкий уровень валюты, но избыток производства пшеницы вследствие значительного роста переселенцев на Западе, вызванного законом об иммиграции 1863 г. Рядом с этим действовало и удешевление транзитных издержек, открывшее северо-американской пшенице дорогу во все западно-европейские государства.

Как мы видим, в годы, последовавшие за войной, не осталось и следа того положительного влияния, которое низкий уровень валюты во время войны оказал на вывоз пшеницы. Еще печальнее будет картина, если мы рассмотрим экономическое и финансовое положение сельских хозяев в послевоенные годы, при постепенно поднимающейся валюте. В период войны и бумажно-денежной инфляции они выручали высокие цены и расширяли свои хозяйства при помощи ипотечных займов из 10 и более процентов. Но когда доллар вновь поднялся, для производителя исчезла премия, в то время, как тяжелый ипотечный долг остался; его общая сумма составила около 3 миллиардов долларов ²⁾.

Итак, утверждение, что низкий уровень валюты долгое время служил экспортной премией для вывоза северо-амери-

1) Max Sering: Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft. Leipzig: Duncker u. Humblot, 1887. Стр. 529 сл.; Eduard Süß: Die Zukunft des Silbers. Wien-Leipzig: Wilh. Braumüller, 1892. Стр. 182 и сл.

2) Süß, стр. 169.

канской пшеницы, является близоруким. На мой взгляд, тут не может быть и речи о преимуществах для всего народного хозяйства. При ближайшем рассмотрении, эта «экспортная премия» складывается из двух элементов: из вынужденного вывоза пшеницы, которую нельзя уже было сбывать в южные штаты, и из усиления культуры пшеницы на Западе, где вредное влияние войны сперва было особенно ощутительно. Но уже несколько лет спустя наступило возмездие, и Америке пришлось пережить целый ряд тяжелых годов, когда, вероятно, пошли прахом частно-хозяйственные прибыли военных лет.

В какой форме низкий уровень валюты действует в качестве вывозной премии в настоящее время? Расчленивая эти явления, мы придем к следующим выводам.

А. Торговля нищеты.

Еще никогда в мировой истории не наблюдалось ограбления целых стран мирным путем, посредством закупок ценных или необходимых предметов при помощи иностранной валюты, как это наблюдается теперь. После длительных войн или революций, неоднократно давали себя знать вредные последствия обесценения бумажных денег. Американский офицер в последний год революционной войны (1783), желая пообедать в большом городе, должен был расплачиваться целыми пачками обесцененных бумажных денег, выпущенных революционным правительством. Равным образом, хоть и не так плохо, обстояло дело с бумажными деньгами Северо-Американских Штатов во время гражданской войны. Самым ужасным в мировой истории до 1918 года было обесценение ассигнатов в последние годы французской революции. Они, в конце концов, потеряли всякую стоимость. Немногим лучше обстояло дело с испанскими бумажными деньгами во время наполеоновских войн, когда можно было позволить себе развлечение пользоваться этими бумажками для закуривания трубок.

Однако, тогда за граница была не в состоянии использовать такое обесценение бумажных денег для закупок в рас-

продаваемой оптом и в розницу стране. Кредитное и мировое хозяйство были еще недостаточно развиты. Конечно, Соединенные Штаты после 1865 года стали в большей степени экспортной страной, чем раньше, как и Австрия после 1866 года, а Россия после 1905 года. Но в одном отношении нынешнее положение вещей коренным образом отличается от тогдашнего: в тех случаях уменьшение стоимости бумажных денег действовало лишь в том направлении, что в большем количестве вывозились потребительные блага, в то время, как теперь этой участи подвергаются и средства производства и все виды капитала, включая и производственный капитал.

Все стадии этой вивисекции можно наблюдать на плачевном положении Немецкой Австрии. Оттуда все вывозится, даже самые необходимые вещи. Обесценение австрийских денег действует, как всасывательный насос, работающий под таким высоким давлением, что в диком вихре подхватывает все, буквально все, вырывает из почвы, и выбрасывает за-границу. Час за часом идут через границу миллионные ценности: ковры и мебель, старая и новая, домашняя утварь, движимость и инвентарь, произведения искусства и машины, а сверх того, еще и право собственности на фабрики и дома, земельные участки и железные дороги.

Особенно мучительной стала жизнь населения в Вене. Страдая от голода и стужи, под бременем невыносимой дороговизны, жители Вены не знали, где раздобыть денег для покупки продовольствия и дров — не говоря уже об угле. И это в то время, когда Вена в иностранном торговом мире считалась самым дешевым городом Европы! Купцы из всех стран мира наводняли Вену. Обнищавшее население было вынуждено отдавать им самое ценное свое имущество, чтобы получить необходимые суммы для поддержания своего убогого существования.

Особенно бойко шла некоторое время торговля золотыми изделиями и драгоценными камнями. «Семьи, считавшиеся до недавнего времени состоятельными — сообщала «Kölnische Zeitung» от 10 ноября 1919 г. —

под давлением обстоятельств ликвидировали свои старые фамильные ценности, кольца, золотые вещи, серебряные сервизы, и все это уплывало за-границу. Также расцвела торговля старой мебелью, картинами, изделиями художественной промышленности и коврами. Известно, что именно в Вене всегда имели вкус к уютной и комфортабельной жизни. В каждом зажиточном доме находилась масса лучшей дедовской утвари, и каждое новое поколение стремилось увеличить и обогатить унаследованное имущество новыми приобретениями. Восхитительная мебель от эпохи рококо до Бидермейера, прекрасные картины Вальдмюллера, Крафта, Фенди, Амерлинга, Альта и других, стильный фарфор бывшего императорского завода, ценные изделия из металла, слоновой кости, дерева и стекла, имелись в каждом добропорядочном доме, не говоря уже о произведениях искусства, принадлежащих дворянству, которые еще сейчас нагромождены в замках, ныне покинутых или проданных с молотка. Все это теперь превращается в деньги, в жалкие кроны, вырывается из своей, когда-то гармоничной обстановки, ибо после жесточайшего краха многие собственники просто не в состоянии больше выдержать непомерную дороговизну. Владелец одного крупного венского предприятия по торговле антикварными и художественными предметами оценил стоимость проданных за последние 6 недель за-границу произведений искусства, принадлежавших частным лицам, в 15-20 миллионов крон. В сентябре через границу ушло драгоценностей на 5-8 миллионов. И каждый день заключаются новые продажи, каждый день венский обыватель выносит на международный рынок свое имущество, которое он долго собирал с любовью и со вкусом, ибо у него нет денег на хлеб и на защиту от приближающейся зимы».

Нечто вроде баланса нищеты представляет собой меморандум австрийских профессиональных союзов в 1921 году лондонскому конгрессу международного объединения профессиональных союзов. Согласно этого меморандума, стоимость минимальной потребности в ввозе, достаточной лишь для предотвращения голодной смерти, но не для предупрежде-

ния медленного вымирания, выражается на 1921 год в сумме не менее 85 миллионов долларов, при курсе в 500 крон за доллар; в июле 1921 года доллар стоил, однако, более 800 крон, так что получается фантастическая цифра в $42\frac{1}{2}$ —68 миллиардов крон. Эту сумасшедшую сумму должно было уплатить население в 6 миллионов изголодавшихся людей, чтобы иметь возможность купить на мировом рынке хлеба и муки на один год, исходя из недельного пайка в $2\frac{1}{2}$ фунта хлеба и 1 ф. муки. Недоедание стало нормальным состоянием для большинства населения. Данные о весе детей ужасны. В 1919 году (по сравнению с мирным временем) девятилетние мальчики весили только 21,2 килогр. вместо 27,5, двенадцатилетние—26,5 вместо 35,0, пятнадцатилетние—только 29,8 вместо 45,0 кгр. Подумать только: 15-летний ученик весит меньше 60 фунтов вместо нормальных 90 фунтов! Едва ли надо упоминать, что эти бедные малыши неизбежно поражаются туберкулезом. По данным «Wiener Arbeiterzeitung» туберкулезные заболевания молодых людей от 15 до 20 лет увеличились на 160%.

Лучше ли обстоит дело в Германии? Да, немного лучше, потому что германская валюта все еще держится выше курса кроны ¹⁾. Но разница тут в степени, а не в существе дела. Характерны наблюдения оккупационных войск. Они не могут опомниться от изумления, видя, на сколько времени им хватает в Германии своих денег.

Многие купцы и частные лица из стран с более высокой валютой пользуются создавшимся положением, чтобы закупать большие количества товаров в Германии с целью перепродажи их с значительной прибылью за-границей.

Еще осенью 1919 г. немец не мог купить в Германии многих самых необходимых товаров или доставал их благодаря какому-нибудь счастливому случаю, несмотря на то, что эти товары производились в самой Германии; ибо все движимое имущество уплывало за-границу «для поднятия

¹⁾ Это было написано до оккупации Рура и до предоставления Австрии займа. В настоящий момент (ноябрь 1923 г.) германская марка стоит в 100 раз меньше советского рубля, в то время, как австрийская крона значительно окрепла.

(Прим. перев.).

валюты». Торговцы аптекарскими товарами уверяли, что длительное повышение цен на лекарственные средства не скоро прекратится, так что надо радоваться, что еще можно вообще что-нибудь получить, ибо в настоящий момент почти все имеющиеся в Германии аптекарские и химические товары закуплены за границей, и в ближайшем будущем мы принуждены будем обратно выкупать их из-за границы по колоссальным ценам. Вместе с тем за границу отправлялись большие партии предметов потребления всякого рода.

Тогда некоторые союзные государства приняли свои меры. Баден запретил вывоз предметов первой необходимости. Примеру Бадена последовало баварское правительство, которое издало 16 декабря 1919 г. распоряжение, немедленно вступившее в силу, о запрещении вывоза предметов домашнего обихода из стекла, фарфора и фаянса, швейных машин, мебели и т. д. Правда, эти запрещения противоречили конституции, но никто не сомневался в их необходимости. Баварское правительство объявило, что оно немедленно отменит запрещение, если центральное правительство, с своей стороны, проведет те же мероприятия. Тогда последнее попыталось урегулировать вопрос путем запрещений вывоза и вывозных пошлин. — Осенью 1921 г. вследствие падения марки, германский народ испытал ту же страшную распродажу, а весной и летом 1922 года — в третий раз. И тут запрещения вывоза пришли слишком поздно.

Самое худшее — это была продажа местного хлеба за границу; выгодная с частно-хозяйственной точки зрения, она граничила с государственной изменой в народно-хозяйственном отношении. На это жаловались как в Германии, так и в Австрии. Цены на германский хлеб стояли значительно ниже соответственных заграничных цен, поскольку система принудительного хозяйства искусственно держала их на низком уровне: государство тратило миллиарды на обеспечение населения хлебом. Что вывоз хлеба из полуголодной страны с низкой валютой никоим образом недопустим, настолько само собой понятно, что надо лишь удивляться, что так поздно издано было соответствующее запрещение. Распоряжением министра продовольствия от 28 августа 1919 г. вывоз

хлеба, овощей и т. д. был запрещен под угрозой тюрьмы от одного месяца до одного года, а также денежного штрафа в размере не менее тройной стоимости вывозимых товаров. Но максимальная сумма штрафа была установлена всего в 10.000 марок, при чем предметы, являющиеся объектом наказуемого деяния, подлежат конфискации, «поскольку они принадлежат совершившему деяние или участнику». Таким образом, максимальная сумма штрафа была до того смехотворно низка, что, конечно, не могла утратить хлебных спекулянтов.

Очень высокие и притом ненаказуемые барыши могли привлечь иностранцы, ввозя вагон пшеницы или других видов продовольствия, в полуголодные страны с обесцененной валютой. Вырученная сумма давала им не только нормальную прибыль, но и возможность дешево приобрести массу товаров, которые они увозили в свою страну. Американец получал свою солонину в Вене дешевле, чем в Чикаго ¹⁾.

Нередко случается, что отправленные товары, предназначенные для немецких рынков колониальных товаров, претерпевают существенные изменения в ценах между моментом отправки и получением на месте, а именно, вследствие нового падения марки, наличный товар при выгрузке стоит ниже цены мирового рынка. Следствием этого является то, что другие европейские страны закупают нужные им товары в Гамбурге или Бремене, а немецкие потребители остаются с пустыми руками.

Б. Распродажа произведений искусства.

Когда вывоз предметов первой необходимости и домашнего обихода был в теории воспрещен законами, предписаниями и запретительными мероприятиями, скупщики бросились закупать при помощи иностранной валюты произве-

¹⁾ Венская „Arbeiter-Zeitung“ от 30. XII, 20 писала: „Австрия ввозит из Испании сардины. Один испанец, бывший на-днях в Вене, совершенно серьезно уверял, что, если бы он здесь закупил ввезенные из Испании сардины и вывез их в Испанию, то мог бы заработать большие деньги“.

дения искусства. В сентябре 1919 г. телеграф равнодушно сообщил о решении земского кабинета министров: чтобы добыть 2 миллиарда крон, которые нужны Немецкой Австрии для обеспечения ее на ближайшую четверть года важнейшими предметами питания, правительство решило продать за границу принадлежащие государству произведения искусства. Всемирно-известные музеи Вены должны были лишиться некоторых самых превосходных своих произведений, чтобы голодающее население получило хлеб. Я не знаю списка этих грабительских покупок. Но дело не в подробностях. Факт тот, что, вследствие колоссального падения австрийской валюты, заграничные предметы питания поднялись значительно выше своей цены, а австрийские произведения искусства упали много ниже своей цены. Веласкец за три вагона пшеничной муки, Брейгель за 5.000 кило американского свиного сала! Кто больше? Раз, два, и... три!

Продажа частными лицами произведений искусства и художественной промышленности за-границу приняла огромные размеры. Так, сокровища Ноннбергского монастыря были проданы за 1 миллион. На часть этих сокровищ был затем наложен арест, и они были сданы в Австрийский Музей, но оттуда отчуждены за 3 миллиона крон, хотя было предложение в 10 милл. крон. Некто Кола купил из дворца Пальфи произведений искусства на 36 миллионов крон, после того как государство, которому были завещаны эти сокровища, отказалось от процесса с наследниками завещателя. Кола предложил купленные им вещи Доротеуму за 50 милл. крон, но когда последний отклонил предложение, то он продал все эти ценности совместно с фирмой Глюкзелиг и Верндорфер: вырученная сумма превысила 100 милл. крон. Прекраснейшая картина Вальдмюллера с портретами многих лиц, стоимостью от 10 до 15 миллионов крон (любительская цена, пожалуй, 30 милл.) была продана в Доротеуме с аукциона за 1 миллион крон. Ее откупил один испанец за 1.600.000 крон. За-границей он получит за нее, по крайней мере, в 10 раз больше.—Из дворца Клесстейма были про-

даны: Рубенс, Альбрехт Дюрер, много картин гольбейновской школы и три ценные картины голландской школы.

Столь же опасными, как продажи за-границу или по ничтожным ценам внутри страны, рассматривают в Австрии так называемые меновые сделки. Напр., ценные картины Веласкеца обмениваются на менее ценные вещи других художников, а единственная большая картина Беклина, имеющаяся в Австрии: «В игре волн» обменивается на малоценную картину Фейербаха. Подобные же сделки происходят и в незаконной торговле благородными металлами и изготовленными из благородных металлов предметами искусства или художественной промышленности.

Еще летом 1921 года почти в каждом номере больших венских газет можно было видеть большие объявления под заголовком «Дворец изящных искусств» с текстом на двух языках:

Palais	Palace
des beaux arts	of Fine Arts
Grande	Great
Exposition	Exhibition
de	of
Tableaux	Pictures
Entrée libre	Admittance free
Prix fixes du catalogue	Fixed catalogue-prices
Ouverte 9—1 et 2—6	Open
Les Dimanches et Jours	9—1 and 2—6
de Fête 9—2	Sundays and Holidays 9—2
Exportation pour tous les pays	Export to all parts
Monde	of the World.

Переводить объявление на немецкий язык не было надобности, ибо покупателями были почти исключительно иностранцы.

Зло приняло такие размеры, что в июне 1921 г. представители великогерманской партии депутат д-р Ванек и другие внесли в Национальный Совет предложение о своевременности издания закона об охране находящихся в стране художественных ценностей. Они предложили правительству в спешном порядке разрабо-

тать проект закона о точном учете и наблюдении за всеми, находящимися в Австрии во владении государства или частных лиц произведениями искусства или художественной промышленности, а в особенности теми ценными произведениями искусства, которые имеются лишь в единственном числе и не могут быть заменены ничем равноценным, или особенно важны для культурной жизни Австрии; последние категории произведений искусства ни при каких условиях не должны быть вывозимы за пределы страны. Всякая частная продажа или безвозмездный отпуск за границу австрийских сокровищ искусства и художественной промышленности, возникших до 1900 г., должны быть совершенно воспрещены; всякая продажа или передача за границу произведений искусства государством должна быть санкционирована Национальным Советом.

Однако, чаша страданий еще не была выпита до дна. Распродажа австрийских художественных сокровищ продолжается, как ни в чем ни бывало. Перед Рождеством 1921 г. пошли за границу великолепные гобелены из государственных музеев, для закупок продовольствия и сырья. Правда, депутация ректоров высших учебных заведений и других представителей культуры протестовала перед правительством; дело кончилось тем, что гобелены были даны в залог и отправлены в Америку, где их выставили для обозрения. Имеет ли право нищая страна держать у себя такие прекрасные вещи?

Происходящая в Австрии распродажа произведений искусства оптом и в розницу за границу является предупреждением и для Германии, которой через несколько месяцев угрожает та же участь. Смертельное дыхание валюты поражает и германские произведения искусства. Но в Германии нет такого большого количества картин и других произведений искусства, на которые с такой же жадностью могут наброситься соответственные страны-покупательницы. Американский вкус предпочитает больше старые картины, которых много в Вене, тем, которые имеются в Берлине. Кроме того, государственные и частные сокровища искусств в Австрии гораздо выше и по количеству и по качеству со-

ответственных хранилищ в Германии. Тем не менее, характерно, что в 1919 году некоторые члены Бременской хлопчатобумажной биржи предложили отправить в Нью-Йорк несколько картин в качестве обеспечения платежей за хлопок.

Консорциум иностранных предпринимателей (во главе с амстердамским банкиром Штернбергом и нью-йоркским торговцем готовым платьем Э. Шпицем) систематически скупает германские театры. Так, ему удалось приобрести театр Тиволи в Ганновере и театр Шумана во Франкфурте. Та же участь постигла Kristall Palast в Лейпциге. Четвертым звеном в этой цепи предполагается Центральный Театр в Дрездене ¹⁾.

В начале 1920 года город Кольмар вел переговоры с американскими торговцами о продаже знаменитого Изенгеймского алтаря, чтобы вырученными 40 милл. франков уплатить городские долги. Этот шедевр великого немецкого художника Грюневальда, принадлежавший Кольмару еще до наполеоновских войн, тщательно охранялся во время войны; а теперь ему придется, вероятно, переправиться через Атлантический океан.

Даже Англии пришлось превратить в доллары часть своих художественных сокровищ. В конце 1921 г. одно из знаменитейших в истории искусства произведений, превосходный «Синий мальчик» Генсборо, принадлежавший герцогу Вестминстерскому, был продан одному американцу за колоссальную сумму в 180.000 фунтов стерлингов. «Синий мальчик» был еще раз выставлен в Национальной Галерее, и тысячи людей приходили полюбоваться им в последний раз; затем, с особыми предосторожностями, оберегаемая, как живой миллиардер, эта картина была отправлена в Америку — инкогнитто, предусмотрительности ради.

За последние три года американцы закупили в Лондоне произведений искусства на огромные суммы: в 1920 году более чем на 10 миллионов долларов, в 1921 году, несмотря на кризис, все же на 6,4 милл. долларов. В 1922 году цифра должна быть значительно выше.

¹⁾ Vorwärts, 12. VII, 22.

В. „Экспорт“ недвижимости.

Вынужденный низким уровнем валюты вывоз, вслед за движимостью, обратился и на недвижимость. В Германии в этом смысле хуже всего обстоит дело в оккупированной области. В Кельне, Висбадене, Кобленце, Аахене, словом—во всех важнейших городах оккупационной зоны, большая часть самой ценной недвижимости перешла в английские или французские руки. Для примера я назову в Кельне всемирно-известный дом «Вечной Лампы», в Висбадене — подавляющее большинство крупных гостиниц. — Немногим лучше часто обстоит дело в неоккупированной области. Нигде в Европе нельзя купить дешевле недвижимость на иностранную валюту, чем в Австрии и в Германии. Иностранные коммерческие предприятия, желавшие после войны здесь осесть или основать отделения, считали для себя выгоднее купить дом, чем нанять помещение. Тут не думали о валютных надбавках, как это делается при вывозе вещей через границу или в гостиницах при расчетах с иностранцами, которых легко узнать по выговору или по бумагам. Нужда многих домовладельцев, обостренная принудительным нормированием квартирного вопроса, способствовала усиленной продаже домов. А если иностранцу удавалось заключить сделку через подставное лицо, то он мог приобрести ценное земельное владение за чечевичную похлебку. Для полной же безопасности учреждали земельные акционерные общества, во главе которых стояли, правда, немцы, но в которые вкладывался, главным образом, иностранный капитал; таким образом, продавец не знал вовсе, что его владение переходит к иностранцам.

Во Франкфурте на Майне в 1919 году девять десятых всех земельных участков, переживших своих владельцев, перешли в руки иностранцев. В Лейпциге, на заседании городского совета 21 января 1920 г. член совета банкир Мейер обратил внимание, что за последние месяцы переменяли своих владельцев больше земельных участков, чем за несколько лет. Крупнейшие владения перешли в руки иностранцев; в том числе земельные участки в центре города,

считающиеся «лакомыми кусками». Так, один участок стоимостью в миллион марок был продан одному американцу, который уплатил за него смехотворную сумму в 15.000 долларов. Предпочтение отдается, главным образом, дачным участкам, домам для конторских предприятий и промышленным строениям. В качестве покупателей выступают акционерные общества для приобретения недвижимостей, которые прикрываются чужим, часто весьма невинным, флагом, вводящим в заблуждение. При ближайшем рассмотрении выясняется, что за спиной этих обществ стоят иностранцы, вложившие в них свои деньги. Лишь изредка сделки заключаются в иностранной валюте. Так, в конце 1921 г., один норвежский консорциум приобрел за 20.000 норвежских крон замечательный Патрицианский Дом в Лейпциге, который стоил около 250.000 герм. марок. Естественно, иностранцы при помощи своей более крепкой валюты, приобретают самые лучшие и самые доходные недвижимости. Так, в Лейпциге этой участи подпало великолепное здание бывшей Комендатуры у Томасринга (близ Центрального Театра), Левенбрей на Катариненштрассе 17 и Экерлейнгоф у Рынка. Иностранцы приобрели также большие дома с торговыми помещениями в центре города.

В Шарлоттенбурге к одному голландскому акционерному обществу покупки недвижимости перешла целая улица частного владения (так называемый Goethepark) с 26 участками, за 60 миллионов бумажных марок. При низком уровне валюты это составило едва 1,65 милл. гульденов.

Французский министр финансов похвалялся в Бурбонском Дворце; что по поручению своего правительства он купил в Берлине на Бендлерштрассе—в непосредственном соседстве с «Носке»—для расширения французского посольства, участок земли, оцененный в 15 милл. франков—за 1 миллион. Новое помещение понадобилось для небольшой части французских контрольных комиссий, которыми кишит германская столица.

В предместье Берлина Шенеберге с 1 октября 1918 по 31 марта 1921 г. имело место 535 продаж недвижимости, из них 446 — физическим лицам, а 89 — юридическим. Среди

первых было 134 иностранца, среди вторых — 38 обществ, где участие иностранцев могло быть установлено. Приобретенные иностранцами земельные участки были в среднем на 19% дороже, чем купленные германскими гражданами, а приобретенные иностранцами дома стоили приблизительно на 37% больше, чем дома, купленные немцами. Иностранцы, в общем, были более склонны, чем немцы, платить несколько выше обычной цены. Период большинства продаж совпадает с периодом значительного по тому времени обесценения марки ¹⁾.

Согласно отчетов статистического бюро города Штутгарта, участие иностранного капитала в покупках застроенных участков в Gross-Stuttgart составило: в первую четверть 1921 г. — 7,8%, во вторую четверть — 6,7%, в третью — 4,2% и в четвертую — 17,2% общей стоимости проданных домов. Таким образом, катастрофическое обесценение марки за последний период времени немедленно отразилось на значительном увеличении иностранных покупок недвижимостей.

С повышением чешской кроны, чешские покупки недвижимости в Дрездене приняли угрожающие размеры. Начиная с 1 января 1920 г., в течение одного года в четверть, в чехо-словацкое владение перешло 400 дрезденских земельных участка, т.-е. около 2½% всей дрезденской территории, и к тому же самые ценные и лучшие владения, так что городское управление стало думать о средствах и путях прекращения этого «об'иностранивания» города.

Для Саксонии имеются на 1920 год точные цифры ипотечного залога и перехода недвижимостей к иностранцам. Согласно месту жительства приобретателей оказалось:

Местожительство иностранцев	Залог недвижимости		Переход права собств. на недви.	
	Слу- чаев	Сумма в марках	Слу- чаев	Сумма в марках
Соедин. Штаты Сев. Америки	343	13.951.592	66	5.849.653

¹⁾ Wirtschaft und Statistik. Jahrgang 1. Heft 9. 1921. См. там более подробные данные.

Местожительство иностранцев	Залог недвижимости		Переход права собств. на недв.	
	Случаев	Сумма в марках	Случаев	Сумма в марках
Другие бывш. вражд. страны	41	6.424.100	57	10.877.302
Бывшие союзники	38	871.380	127	13.256.520
Нейтральные страны	154	16.140.967	98	20.519.862
Заграница, без точн. указ.	13	456.000	25	9.316.412
ВСЕГО	589	37,8 миллионов	373	59,8 миллионов

Однако, в приобретении недвижимости принимают участие не только подданные стран с высокой валютой. В Лейпциге, например, иностранными покупателями недвижимости, кроме американцев, шведов, норвежцев и французов, выступают также румыны и уроженцы Галиции. В Берлине сильно увеличились покупки недвижимостей, австрийцами, когда (в начале 1922 года) австрийская крона вновь начала падать с исключительной быстротой. Таким образом, или более ценные деньги охотно вкладываются в имущества страны с плохой валютой, подающей надежды на свое хозяйственное возрождение, в расчете, что когда-нибудь эти имущества поднимутся в своей стоимости,—или туда же вкладываются обесцененные деньги, в которые перестают верить свои же граждане.

Недавно за-границей были основаны акционерные общества для покупки недвижимостей в Германии при помощи высокой валюты.

Так, в начале 1920 г. стало функционировать в Штеттине предприятие под именем «Центральное Общество для закупки недвижимостей с огр. отв.» с целью перекачать за границу право собственности на германскую недвижимость. При посредстве этого Общества большое число берлинских земельных владений уже перешло в иностранные, главным образом, норвежские, руки. — Вскоре после этого в Гронингене (Голландия) был учрежден банк для торговли ино-

странной валютой. Этот банк создал в Берлине особое акционерное общество с предварительным капиталом в 300.000 марок, находящееся в полной зависимости от него. Из предоставленной этому обществу в прошлом году суммы в 10 миллионов марок 8 миллионов были израсходованы на приобретение 13 находящихся в Германии домов, общей стоимостью в 7.980.000 марок. Для расширения своей хозяйственной деятельности голландский банк присоединил к себе ипотечный банк, также имеющий пребывание в Гронингене, и таким образом расширил размеры своих владений в Германии до 11.269.000 марок, вложенных в 17 домов.

Этот более чем опасный «экспорт» недвижимости является либо одним из видов валютной спекуляции, поскольку существуют надежды на под'ем германской марки, либо выгодным вложением капитала, так как при ожидаемом повышении наемной платы за помещения и стоимости недвижимости можно рассчитывать на хорошую прибыль. Для предотвращения дальнейшего перехода земельных владений в руки иностранцев, некоторые, входящие в Союз государства (наприм., Гамбург) издали закон об обязательном разрешении властей (в Гамбурге—Сената) при отчуждении недвижимости. И центральное правительство издало 13 февраля 1920 года закон о регистрации ипотек в иностранной валюте: этот закон о регистрации ипотек в иностранной валюте) для земельных владений, находящихся в тяжелом положении, лишь с особого каждый раз разрешения местных властей; однако, принудительная продажа производится лишь в германской валюте, и лишь германские подданные допускаются к торгам.

Воззвание Союза германской земельной реформы летом 1921 г. жалуется на недостаток миллиона помещений в Германии: каждая девятая немецкая семья лишена квартиры: «С возрастающей горечью смотрит наш народ, как крупный капитал Парижа и Брюсселя, Лондона и Нью-Йорка захватывает все большие пространства немецкой земли. Благодаря нашей скверной валюте, могущественные иностранцы в состоянии приобретать наши земли за десятую часть их стоимости».

Г. „Экспорт“ прочей недвижимости (рудники, государственные леса).

Если частные лица в стране с обесцененной валютой продают свою недвижимость, из нужды-ли, или из жажды барыша, с большей или меньшей выгодой для себя, но с ущербом для народного хозяйства, то государство прибегает к этому в отношении собственного имущества лишь в случаях принуждения или крайней нужды в деньгах.

В таком положении находится Немецкая Австрия, где идея продажи или сдачи в аренду или извлечения иных денежных доходов от государственных железных дорог является тем более грозной, чем более растут их дефициты. Уже начиная с зимы 1920-21 г.г. в австрийских правительственных кругах серьезно обсуждались подобные планы, тем более, что одна могущественная английская финансовая группа лелеет намерение взять в свое ведение австрийские железные дороги. Та же группа смотрит с вожделием и на чехо-словацкие и на венгерские дороги, т.-е. при помощи валютной нужды хочет прибрать к своим рукам значительную часть всех путей сообщения срединной Европы. Это означает продолжение той английской экономической политики, которая выразилась в значительном участии британского капитала в Дунайском пароходстве, в приобретении большого числа акций Дунайского пароходного Общества, равно как в покупке почти всех акций Южно-Германского Дунайского Пароходного Общества. — Английское правительство всеми силами поддерживает этот план. В начале 1921 г. эта группа отправила в Вену комиссию для ознакомления с техническим, административным и финансовым состоянием австрийских государственных железных дорог.

Что будет с суверенитетом государства при подобной аренде австрийских государственных железных дорог — этот вопрос отступает на задний план, когда государственная нужда и необходимость в кредите хватают за горло. Как бы то ни было, но в Немецкой Австрии и в Венгрии железные дороги грозят ускользнуть из рук государства. В Вен-

грии сдача в аренду государственных железных дорог одному французскому консорциуму была уже решенным делом; в Геделло был уже заключен договор; но из этого ничего не вышло не по вине Венгрии, но вследствие некоторых перемен в направлении французской политики.

Далее, иностранный капитал, всемерно поддерживаемый соответственными правительствами, тянется к ценнейшим государственным лесам Австрии и Венгрии. Это означает либо первый шаг, либо просто иную форму перехода владения. И в этой области строятся широкие планы.

Еще более известны диктаторские желания Пуанкаре — сделать Францию обладательницей производственных «залогов» в Германии — конечно, не платя ни единого франка.

Д. Отчуждения капиталов.

Валютное напряжение дает возможность при помощи высокоценных иностранных денег купить несоответственно большое количество денег слабой валюты. Вследствие этого, то же самое должно быть возможно и на рынке ценных бумаг и капиталов.

Даже при здоровых валютных отношениях, малейшая разница в курсе на какой-нибудь иностранной бирже обычно вызывала отлив за границу некоторых иностранных ценных бумаг, имевших репутацию международных спекулятивных бумаг. Закупка их, по общему правилу, не преследовала цели длительного вложения капитала. Напротив, эти рочующие из одного государства в другое ценности, оставались объектами торговли, вложенные в них деньги могли во всякое время быть выручены обратно, и при более крепком положении рынка, эти бумаги реализовались. Этого было достаточно, чтобы вызвать разницу в курсе, и сбить немало таких, легко реализуемых ценных бумаг в страны, где не было такого стеснения в деньгах ¹⁾.

¹⁾ Это ясно выражено у Кемени на стр. 26 и сл.: „Эти ценные бумаги представляют поэтому важный предохранительный клапан в случаях критического стеснения денежного рынка. Их реализация часто

Если таким путем при нормальных обстоятельствах выравнивались валютные курсы, то резкое падение валюты одной страны должно иметь своим последствием то, что оттуда уходят иностранные ценные бумаги в более высокой валюте и что вместе с тем иностранцам облегчается возможность закупок ценных бумаг данной страны при помощи своей валюты.

Действительно, таким путем происходили в огромных размерах грабительские закупки местного капитала при помощи высоко-ценного иностранного капитала. Но отношения здесь являются исключительно сложными. Прежде всего, надо различать твердо-процентные и дивидендные бумаги, затем государственные и городские займы с одной стороны и акции и облигации коммерческих предприятий — с другой стороны. Большую роль при этом играет внутренне-политическое положение и налоговая политика; напр., боязнь революции и налоговые тяготы гонят капитал из страны. С другой стороны, на тенденцию биржевых курсов влияет обесценение валюты, и в результате, высоким курсом создается своего рода защита против слишком сильного отлива бумаг за границу. Впрочем, это имело значение лишь до того момента, уже наступившего в Германии в начале 1922 года, когда обеднение капиталами дошло до высшей точки; оно вызвало чувствительную «скудость денег» или «нужду в кредите», что ослабляет рынок ценных бумаг и вызывает у него болезненные судороги.

Трудно сказать, насколько значителен отлив государственных бумаг и городских займов страны с слабой валютой за-границу. К сожалению, до сих пор ни в одной стране нет статистики движения ценных бумаг: приходится довольствоваться приблизительными оценками. В первые годы после войны германские государственные бумаги

являлась желанным средством выравнивания платежей в случаях внезапного отлива иностранных денег; так было при напряженном состоянии германского денежного рынка во время мароккского кризиса в 1911 году' (Dr Georg Kemény: Die fremden Wechselkurse und die Umwälzung der internationalen Wirtschaftsbeziehungen. Essen. Baedeker, 1921, стр. 26 и сл.).

приобретались за-границей лишь в дружественных Германии нейтральных странах. Кроме того, немцы в Сев. Америке покупали на большие суммы германские бумаги, главным образом государственные и городские займы: значительная часть их и сейчас лежит в германских банках. Наконец, и враждебная за-граница (напр., Англия), вследствие явно преувеличенного обесценения германских денег, обнаружила интерес к германским государственным бумагам. Так создано удивительное положение, а именно 3%-ные германские государственные бумаги летом 1921 года стояли почти на таком же курсовом уровне как 5%-ные военные займы, которых англичане не покупали, предпочитая им 3%-ные займы мирного времени. Год спустя последние поднялись свыше, чем на 400%, в то время, как почти все другие германские займы не достигли и 100%. Осенью 1922 г. они перевалили через 1.400%.

Нет надобности рассматривать здесь, какие политические последствия может иметь отлив за границу значительной части государственных займов, ибо мирные договоры 1919 года создали столь бесчисленное множество средств политического и экономического давления на Германию и Немецкую Австрию, что одним средством больше или меньше—не имеет значения.

Более важное значение имеет вопрос о переходе в руки иностранцев частно-хозяйственных предприятий. Этот переход, по общему правилу, почти не затрагивает мелких или кустарных предприятий, но захватывает крупные предприятия, организованные почти исключительно в форме акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью. Их акции, облигации и паи свободно продаются и покупаются на германских и за-граничных биржах, так что в периоды валютных колебаний ими можно спекулировать по всем правилам искусства.

Поэтому, курсовые скачки этих ценных бумаг огромны. Чем глубже падает вексельный курс страны, тем большие прыжки делает курс ценных бумаг. Как тесно связан бывает биржевой курс с состоянием девиз, доказывает, напр., сравнение австрийских и швейцарских бирже-

рых курсов. Тут картина получится более ясная, чем при сравнении австрийских курсов с американскими, ибо последние всегда больше зависели от спекулятивных ухищрений, чем курсы большинства других стран.

Весною 1921 г. курс швейцарского франка был приблизительно 10,45 марок, а австрийской кроны—0,12 марок: разница огромная. С другой стороны курс австрийских промышленных бумаг стоял на бирже бесконечно выше, чем швейцарских. Я не говорю о государственных бумагах, которые, по понятным основаниям, имеют в Австрии лишь незначительную стоимость: почти ни одна австрийская государственная бумага не достигает и 100% своего курса, одна лишь австрийская золотая рента котировалась на бирже в 260%. Большинство других колебались около 80%.

Напротив того, курсы австрийских промышленных бумаг, акций банков и транспортных предприятий достигли сказочной высоты. Самой дешевой ценой австрийских банковских акций на венской бирже было 800—900% их номинальной цены. Но многие акции доходили до 3.000, 4.000 и 5.000%. Промышленные ценности давно уже превзошли эти цифры: курс, превышающий 10.000%,—самое обычное явление. Акции одной винтовой фабрики стояли на 13.000, крайних железодельных заводов на 11.000%. Поэтому скачки курсов на сотни процентов не вызывали никакого удивления. В среднем можно сказать, что акции австрийских промышленных предприятий котировались в 4.000—8.000 раз выше своей номинальной цены.

Спекуляция, направленная на скупку предприятий странами крепкой валюты, играла тут второстепенную роль; она имела, напр., место, с акциями Южных Железных Дорог, которые до войны упали на 12—18%, а теперь вскочили на 3.300%. Некоторые бумаги поднялись на такую высоту, что, глядя на цифры, думаешь, что видишь опечатку, но это не так. Нефтяные бумаги, напр., достигли курса в 27.000% и приближаются теперь к 30.000.

В Швейцарии мы наблюдаем обратную картину. Курсы местных ценных бумаг котируются на швейцарских биржах весьма невысоко. В среднем, акции стоят на уровне 60%,

А главное, существует тенденция к их дальнейшему падению, в то время, как в Австрии, по сравнению с курсами за один, два или три года тому назад, эта тенденция идет все вверх. Индекс швейцарских бирж, обычно публикуемый Союзом швейцарских банков, показывает, что курсовая стоимость 21 акции, с общей номинальной суммой в 592.900.000 франков, в декабре 1913 г. стояла на 183%, а в течение войны медленно понижалась, так что в декабре 1917 года средний курс составлял 160%, в декабре 1918 г. держался еще на 150%, а затем стал наблюдаться все более быстрый темп понижения: в сентябре 1919 г. средний курс был уже 123%, в декабре—107%, в июне 1920 г.—99%, а в дальнейшие четверти года 89 и 76%.

Здесь бросается в глаза непосредственная связь этого явления с высоким состоянием швейцарской валюты. Если изобразить диаграммой движение швейцарской валюты в виде кривой и таким же образом и средний курс акций, то по общему правилу под'ем одной кривой соответствует падению другой: в тот момент, как первая кривая меняет направление, вторая точно так же меняет его, но в противоположную сторону.

Ту же самую по существу картину обнаруживают и 45 облигаций, на которые простирается швейцарская биржевая статистика. Общая номинальная стоимость их составляет 1.243.030.000 франков. Средний курс их в декабре 1913 г. стоял на 90%, в декабре 1916 г. упал до 81%, в декабре 1917 г. — до 78%, в декабре 1918 г. — до 75%, в июне 1919 г. держался еще на той же высоте, но уже в декабре того же года снизился до 67%. Три месяца спустя он составлял всего 63%, а в декабре 1920 г.—59%.

Эта противоположность в стремлениях валютной кривой с одной стороны и биржевого курса с другой ярко обнаруживалась до ноября 1921 г. и в Германии. Это явление отчасти объясняется тем, что тут проявляется нечто вроде самозащиты капитала против перехода его за границу. С другой стороны, обесценение валюты вызывает необходимость соответственно выше расценивать вещественные блага, в частности, средства производ-

ства. Падение валюты вызывает под'ем курсов акций, ибо внутренняя стоимость производственного предприятия отнюдь не меняется в соответствии с валютой. Внешним образом она должна выразиться в более высокой сумме обесцененных денег. И в Германии повышение биржевых курсов вызывалось не только спекулятивными махинациями, хотя и они играли немаловажную роль ¹⁾).

Для капиталиста, который может опереться на крепкую валюту, приобретение ценных бумаг стран низкой валюты весьма привлекательно. Это особенно ясно видно на судьбе австрийского хозяйства, а во вторую очередь—и германского. В Австрии путем скупки большей части акций приобрели решающее влияние на акционерные общества швейцарские и итальянские, и в еще большей степени французские и английские капиталистические круги.

Так, к цюрихскому консорциуму перешли шапочные фабрики и Веслоуская прядильная фабрика. Из итальянских приобретений в Австрии наиболее известна скупка акций Альпийского Горно-промышленного Общества, которое ранее принадлежало к самым цветущим предприятиям Австро-Венгрии. Оно добывает уголь и руду и производит чугуны и прокатное железо. С 1916 г. производство сильно упало. В 1919 году было добыто всего 50% руды и менее десятой части чугуна. Иннербергский рудник дал в 1919 г. меньше 10% по сравнению с 1916 годом, а затем упал до цифры, какой не было после 1878 года. Таким образом, предприятие находилось отнюдь не в цветущем состоянии, когда вдруг председатель Всеобщего Депозитного Банка в Вене г. Кастиглиони предпринял в массовом размере закупки акций этого общества и фактически приобрел большинство их за счет фантастического повышения их курса. Большую часть их по еще более фантастическим ценам он уступил туринской группе Fiat: эта группа приобрела у него 190.000 акций, у Кастиглиони же с его группой осталось

¹⁾ О беспомощном состоянии германских фондовых бирж весной и летом 1922 г. см. мою „Zerrüttung der Weltwirtschaft“ 2-е изд. гл. 11 (Доллар, стерлинг, марка и рубль). Напротив, осенью 1922 г. они почти точно отразили венскую биржу и ее курсы год тому назад.

60.000 акций. Итальянцы не могли раньше и мечтать овладеть этим некогда блестящим австрийским предприятием, если бы на помощь к ним не пришло низкое состояние австрийской валюты. Но тем временем они увлеклись спекуляцией, которая не могла быть доходной. С самого начала казалось сомнительным чтобы при столь высоком курсе можно было извлечь хозяйственную выгоду из этого дела; поэтому скупку акций рассматривали, как признак того, что после плебисцита эта часть Штирии, быть может, перейдет к Италии. Этот расчет не оправдался. Не говоря уже о недостатке угля, с этим предприятием валютный чорт сыграл злую шутку. Пока крона стояла на своем золотом уровне, большая часть рабочих Альпийского Горнопромышленного Общества состояла из итальянцев. Но вследствие превосходства итальянской валюты, после войны итальянские рабочие не желали там работать, ибо их сбережения и денежные посылки на родину при соотношении австрийско-итальянской валюты как 1 : 25, превращались в ничто. А оплачивать итальянских рабочих в их собственной валюте было бы убыточно для общества. Таким образом, следствием вызванной превосходством итальянской валюты спекуляции с акциями Альпийского Горнопромышленного Общества было то, что зарвавшиеся итальянцы стали стремиться освободиться от своих акций. Вопрос был разрешен летом 1921 г. путем договора с Стиннесом.

Этот случай, где, вследствие расстройств валюты, иностранный капитал необдуманно устремился в страну,—можно считать исключением. Гораздо чаще планомерный и длительный переход акций в руки иностранцев является вывозной премией для отечественного производственного капитала, или (если смотреть с другой стороны) ввозной премией для иностранного денежного капитала.

Еще в большей степени, чем итальянский капитал, на австрийские акционерные общества бросился французский и английский капитал. Так, французская группа Шнейдер и К^о в Крезе стала твердой ногой в Австрийском Горнопромышленном и Металлургическом Обществе и в

Вейтшском Магнетитном Акционерном Обществе. Уже до того французские банки приобрели большинство акций различных других обществ. Англичане взяли в свое управление нефтяное общество «Галиция», и в качестве самых крупных акционеров приняли участие в «Британско-Венгерском Банке», в который был преобразован бывший Венгерский Банк, и в Торговом Акционерном Обществе.

То же, что происходит в Австрии благодаря ее жалкой валюте, в несколько меньшем масштабе (или с опозданием), имеет место и в Германии. Как Альпийское Горнопромышленное Общество не могло держаться в виду невозможности оплачивать итальянских рабочих австрийской валютой, так по тем же основаниям Германия была вынуждена уступить в чужие руки свое самое крупное иностранное предприятие: Германское Трансокеанское Электрическое Общество было продано в начале 1920 года одному испанскому консорциуму, при чем в правлении это предложение принято было единогласно. Главным основанием для продажи было то, что, вследствие низкого уровня германской валюты, Общество не в состоянии было надлежащим образом развивать предприятие.

Каковы бывают последствия, когда целая отрасль промышленности, вследствие продажи соответственной части основного капитала, подпадает управлению иностранцев, показывает пример германских заводов зеркального стекла. Более 90% их акционерного капитала находится в бельгийских, и особенно во французских руках, так что вряд ли еще можно говорить о германской зеркально-стекольной промышленности. Вся зеркально-стекольная промышленность европейского континента об'единена международным синдикатом с правлением в Брюсселе, и в него входят, кроме французских, бельгийских, испанских, итальянских и чешских фабрик, все без исключения германские зеркально-стекольные заводы. Вся германская торговля зеркальным стеклом, благодаря всемогуществу этого международного синдиката, может направляться по желаниям Антанты, главным образом, Франции. Начало уничтожения германской торговли зеркальным стеклом, как и предприятий для шли-

фовки и амальгамирования стекла, уже сделано: союз германских зеркальных фабрик (в качестве германской подгруппы международного зеркально-стекляного синдиката) предложил германским оптовикам и стеклопромышленникам подписать обязательство раз навсегда отказаться на будущее время от вывоза за границу зеркального стекла — в противном случае, они прекратят им отпуск зеркального стекла и для Германии. В качестве основания было указано, что благодаря германским экспортерам стекла, тормозится вывоз зеркально-стекляного синдиката, который поэтому ставится в тяжелое положение, между тем, как существование этого синдиката является необходимостью и для германской зеркально-стекляной промышленности ¹⁾.

Равным образом, вскоре после войны обнаружались многочисленные явления продажи за границу германских закладных листов. Так, в своем отчете за 1919 год, Ипотечный Банк в Гамбурге сообщил, что по сравнению с довоенным временем характер торговли закладными листами существенно изменился. Если прежде покупателями являлись преимущественно мелкие немецкие рантье, и правление имело возможность путем контролирования движения курсов предотвращать спекуляцию на рынке своими закладными листами, то в отчетном году в качестве крупных покупателей закладных листов выступили иностранцы. Таким образом, худо-ли, хорошо-ли, но германские закладные листы стали объектом международной спекуляции.

Е. Бегство капиталов.

Обесценение валюты указывает на болезнь денежного обращения, а вместе с ним и государственных финансов. Средством лечения этой болезни, или, по крайней мере, предупреждения скоротечной чахотки, обычно являются налоговые законы, в массовых размерах. Если при этом главное бремя ложится на собственность и доходы от нее, то следствием является тот факт, что огромные суммы местных денег, спа-

¹⁾ Другое объяснение дает Союз германских зеркально-стекляных фабрик с огр. отв. в Кельне в *Industrie- und Handelszeitung* от 23. VII. 21.

саясь от анемии, как результата налоговых операций, устремляются за границу; тут как бы прорывается плотина. Конечно, для правительства и парламента подобные последствия нежелательны, но они неизбежны, и нет средства их предотвратить. Отливу местных денег нельзя помешать ни строжайшим пограничным контролем, ни беспощаднейшим нарушением почтовой тайны, ни тщательными обысками переезжающих через границу лиц. С каждой почтой, с каждым поездом, с каждым пароходом, а то и на аэропланах, ценные бумаги, благородные металлы и прочие ценности устремляются за границу. А когда распространяется страшный слух о предстоящем штемпелевании билетов с удержанием известной суммы (напр., половины или хотя бы четверти) в виде принудительного займа, тогда кто только может, спешит превратить государственные деньги в иностранные. Так, бегство капитала за границу и превращение денег в иностранную валюту представляют собой две стороны одного и того же явления: бегства от обесценения местных денег.

Если бы даже удалось фактически воспрепятствовать вывозу денег через границу, то продувные дельцы нашли бы новые средства и пути, чтобы перевести свои деньги за пределы страны. Превосходным приемом для этого является действительный вывоз товаров или мнимый ввоз товаров. Экспорт товаров как при нормальных обстоятельствах, так и при большой валюте, служит улучшению платежного баланса, но это отнюдь не является общим правилом, когда боязнь высоких налогов или социальных катастроф обеспечивает произведенным в стране товарам более высокую цену за границей, чем внутри страны. Дело в том, что значительная часть товарного вывоза служит только бегству капиталов, ибо экспортеры оставляют за границей полученные ими там за свои товары деньги. В этом бегстве капиталов принимают участие как профессиональные экспортеры, так и люди, которые, вообще говоря, никакого отношения к этому делу не имеют. «Так, германские капиталисты покупали и экспортировали рояли и другие товары, чтобы в этой форме переправить свой капитал за границу. Равным образом, уходит

за границу большая часть доходов и запасных капиталов промышленности, главным образом, чтобы избежать прямого обложения, которое, как ожидают, дойдет в будущем до невозможной высоты, и даже в настоящее время представляется невыносимым ¹⁾.

Нет возможности помешать этому скрытому бегству капиталов. Перевод запасных капиталов промышленности за границу легко может быть замаскирован путем открытия зарубежных филиальных отделений для покупки и продажи товаров. Так же безрезультатны и средства против отлива ценных бумаг за границу. Так, запрещение вывоза из Германии иностранных ценных бумаг и запрещение отправки их помимо банков, оказались ударом по воде. Известные исключения неизбежны. Как утверждает фон-Беккерат, они облегчают бегство капиталов за границу при помощи услужливых иностранцев ²⁾.

Если вывоз товаров является удобным средством для бегства капиталов, то беззастенчивые дельцы придумали еще более совершенное средство для этого, симулируя ввоз товара, чтобы легальным образом переправить свой капитал через границу. Эти господа заказывают себе от какой-нибудь дружественной заграничной фирмы, или, еще лучше, от тамошнего адвоката, угрожающие письма: если-де в течение определенного срока не последует уплаты за доставленный некоторое время тому назад товар, то будет предъявлен иск. На основании такого письма, указанная сумма отправляется за границу — бегство капитала удалось.

1) Dr Herbert von Beckerath: Die Markvaluta. Iena. Gustav Fischer, 1920, стр. 16 и сл.

2) Как подчеркивает Беккерат на стр. 17, „все эти попытки разбиваются благодаря тому, что действительно строгий пограничный контроль осуществим лишь при посредстве совершенно безупречного в моральном отношении чиновничества, а затем, действительный контроль послужит тормазом для внешней торговли, которая представляет для нас жизненную необходимость. Кроме того, тут необходима была бы всемерная поддержка стран-победительниц“.

Ж. Способствует ли плохая валюта вывозу товаров?

Обесценение денежных знаков государства за границей, может, действительно, служить серьезным побуждением для вывоза товаров. Чем внезапнее происходит упадок валюты, тем острее это побуждение, и тем беззащитнее—на короткое время! — импортные страны.

Дешевый вывоз кажется таким загадочным явлением конкурентам на мировом рынке, что зачастую придумывают для него совершенно неверные объяснения. Например, английский министр колоний Черчилль в своей речи в Манчестере 8 июня 1921 г. заявил: Германия, с ее величайшей задолженностью, «с целью вывоза своих фабрикатов, заставляет работать сверхурочно своих истощенных недостаточным питанием рабочих, чтобы уплатить военные репарации, и чем дольше будет происходить этот процесс, тем значительнее будет промышленная гегемония Германии за счет условий жизни и труда промышленного населения Англии». Чем ниже стоит валюта страны, тем неприятнее ощущается за границей вызванное этим более дешевое предложение товаров.

Поэтому торговля Соединенных Штатов видит во всем мире всевозможных конкурентов. Например, согласно одного консульского отчета министерству торговли Соед. Штатов, в Сан-Доминго, в начале 1921 г. канадская мука ввозилась на целый цент на фунт дешевле, чем американская. Из Германии цемент присылался по 6 долларов за бочку, в то время, как американский цемент к моменту доставки расценивался в 10 и выше долларов. Европейские преискуранты последнего времени на проволоку и различные мелкие железные изделия гораздо ниже американских ¹⁾).

Подробный отчет американского консульства в Сант-Яго жалуется в феврале 1921 г., что германский ввоз в Чили непрерывно расцветает. Главными предметами, находящими удовлетворительный спрос, являются, между прочим, изделия из эмали и накладного серебра, глиняные товары и продукты электрической промышленности. Германские цены,

¹⁾ The Journal of Commerce, New-York, от 2 iv 21.

в среднем, на 40% дешевле американских, и это является главной приманкой для покупателей ¹⁾).

Северо-американская кинематографическая промышленность испытывает живейшее беспокойство, ибо она не может развиваться без сбыта за границу, каковой сбыт встречает конкуренцию со стороны Германии — так, по крайней мере, уверяет «New-York Times», газета, осведомляемая преимущественно «сто процентными американцами». Дело в том, что в Германии изготовление фильма обходится бесконечно дешевле: лента, поглощающая в Соед. Штатах 650.000 долларов, обходится в Германии всего в 25.000 долларов.

В Швейцарии «месячный отчет федерального бюро труда» за март 1921 г. утверждает, что положение перчаточной и чулочной промышленности стало тяжелым. Предприятия должны были уволить большую часть своих рабочих, ибо невозможно конкурировать с германскими продуктами, а для этих отраслей промышленности до тех пор не могли добиться мер защиты.

И Голландия жалуется на ввоз германских товаров благодаря более низкой валюте. До войны Голландия вывозила в Германию огромные количества сигар, в то время, как Германия продавала в Голландию лишь очень небольшие партии сигар (в 1913 г. немного меньше 8.000 кило стоимостью около 32.000 гульденов). Напротив того, в 1920 году Германия вывезла в Голландию 100.754 кило сигар, стоимостью в 429.129 гульденов, и уже в первые два месяца 1921 года не менее 46.373 кило, стоимостью около 200.000 гульденов ²⁾).

В Италии машиностроительная промышленность переживает тяжелый кризис. Во время войны металлургическая промышленность в Италии имела возможность получить значительное развитие. Благодаря одновременному улучшению методов труда, повысился вывоз также и таких типов машин, которые Италия прежде ввозила к себе из-за границы. Но в 1921 году итальянская промышленность потеряла значительные заказы благодаря низким ценам конкури-

1) Deutsche Bergwerkzeitung от 29 v 21.

2) Согласно экономическому отчету Прея и Гутмана в Амстердаме.

рующих фирм в Германии, Чехо-Словакии и Венгрии. В начале 1921 г. германские фирмы требовали за электрические машины на одну треть меньше, чем итальянские (1.260 против 1.810 лир). Полное оборудование одной бумажной фабрики было предложено одной германской фирмой за 2.000.000 марок, что соответствовало приблизительно 800.000 лир, в то время как самая дешевая цена за ту же поставку в Италии была названа в 1.250.000 лир. То же самое имело место при приобретении принадлежностей для воздушного транспорта, железнодорожного материала и т. д. ¹⁾

В Советской России декретом Совета Народных Комиссаров от 5 ноября 1920 г. была учреждена особая комиссия для единообразного регулирования заграничных заказов и поставок железнодорожного материала. Большинство заказов на паровозы получила Германия, ибо предложенные германскими фирмами цены были почти вдвое ниже шведских и чехо-словацких ²⁾.

В июле 1921 г. лондонские газеты сообщили, что шеффилдское городское управление постановило купить через посредство одного амстердамского общества изготовленные в Германии электрические машины мощностью в 1.000 киловатт. Цена составила 49.000 фунт. стерлингов, в то время, как английские фирмы требовали 90 — 100.000 фунтов.

В июне 1921 г. поступило сообщение из Южной Африки, что Общество Шерстяной Промышленности Ю. Африки с огр. отв. на свои запросы о стоимости оборудования предприятия в 100 ткацких станков получило предложение из Англии на сумму в 159.000 фунтов стерлингов, а из Германии на 65.000 фунтов стерл. и что Наблюдательный Совет намерен принять последнее предложение ³⁾.

Для поставок рельс и другого материала для египетского правительства, главным образом, для маслосоен на Синайском берегу, английские экспортеры заключили довольно значительные сделки с германскими фирмами.

1) „Il Sole“, Милан, от 4 iv 21.

2) „Nachrichtenblatt über Ostfragen“ от 22 iv 21.

3) „The Manchester Guardian Commercial“ от 16 vi 21.

Согласно «Cologne Post», существует опасность, что все дальнейшие заказы, особенно на железнодорожный материал и вагоны, будут отданы Германии, Австрии или Бельгии, хотя британские железоделательные фирмы были готовы пойти на существенные уступки. В Египет было доставлено большое количество германских динамо, которые, благодаря низким ценам, были быстро распроданы. Британские экспортеры, повидимому, в течение нескольких месяцев не обращали внимания на египетский рынок, или недостаточно обслуживали его. В большинстве предприятий можно найти германские ручные сверлильные машины, ключи для винтов и другие инструменты ¹⁾).

Как мы видели на примере с германским вывозом сигар, бедственное состояние валюты действует в качестве экспортной премии не только по отношению к товарам, вывоз которых был уже раньше сильно развит, но и по отношению к фабрикатам, которые прежде большею частью ввозились из-за границы. Этот процесс происходит теперь и в германской часовой промышленности. Если до сих пор Швейцария изготовляла самые лучшие часы, а также инструменты для их производства, то, благодаря высокому состоянию швейцарского франка, Германия была вынуждена так развить свою собственную часовую промышленность, что она в состоянии теперь производить и часы и часовые инструменты такого же качества. В Глазгютте, Рула и других местах германская промышленность начала производить часы и часовые инструменты, которые уже способны выдержать конкуренцию с швейцарскими. Часовые стекла раньше изготовлялись почти исключительно лотарингскими заводами, синдикат которых диктовал цены. Чтобы не платить во французских франках, германские часовщики объединились в общество и основали в Тейхерне «заводы часовых стекол германских часовщиков», которые путем технических усовершенствований и хозяйственной организации стремятся освободить эту отрасль промышленности от иностранной зависимости. В Глазгютте было основано общество с количеством более 1.100 участников для изготовле-

¹⁾ Цитируется по „Tägliche Rundschau“ от 11 VII 21.

ния часов и часовых корпусов. Многочисленные профессиональные школы (в Глазгюте, Фуртвашгене, Альтена, Швеннингене, Лейпциге, Саарской области), готовят кадры часовых специалистов. Нужда в деньгах и слабость покупательной способности внутреннего рынка вызывает производство простых, но доброкачественных изделий. И германская часовая промышленность, во главе с Шварцвальдской, имеющей в этом старый опыт, уже работает над завоеванием иностранных рынков, производя для экспорта часы всевозможных видов: от браслетных часов диаметром в один сантиметр до огромных настенных часов с звучным боем, от кухонных часов до автомобильных и хронометров, от простейших до самых изящных карманных часов — и кроме всего этого всевозможные часовые инструменты и измерительные приборы. Таким образом, Швейцария, которая до сих пор стояла во главе всемирной часовой промышленности, не имея возможности таможенными мероприятиями огородить иностранные рынки, как она это сделала с собственным, теперь стоит перед угрозой германской конкуренции, принявшей обширные размеры лишь благодаря бедственному состоянию валюты.

Весною 1922 года английские фабриканты калильных сеток жаловались, что они не могут конкурировать с германскими фирмами, которые предлагают Англии сетки по ценам ниже себестоимости в Англии. Многие английские фабрики были вынуждены поэтому закрыться или сократить число рабочих.

Однако, следует резко подчеркнуть, что было бы бессмысленно искать объяснения этим явлениям только в худшем, по сравнению с другими странами, положении валюты. Стимулом для экспорта служит не столько низкий уровень валюты сам по себе, сколько дальнейшее неуклонное падение.

Рядом с этим, имеется еще много других факторов, имеющих решающее значение для конкуренции. Одним из них и, пожалуй, самым важным, является превосходство в производительности труда. Другим, также очень существенным фактором, служит точность калькуляции. В странах с слабой валютой часто не считают нужным вести точный учет издержкам производства, надеясь на то, что низкий уровень

курса сам позаботится о заграничном сбыте. Эти ошибки в расчетах бывают иногда роковыми. Так, в начале 1922 года, большие заграничные заказы на рельсовом рынке, которых добивалась германская промышленность, были отданы английским, бельгийским, французским и американским заводам, ибо германские цены оказались выше заграничной конкуренции.

* * *

Что касается влияния безработицы на способность к конкуренции, то здесь невозможны точные выводы уже потому, что мировая безработица лишь с недавнего времени стала предметом более или менее точного учета. К тому же волна кризисов, которая в 1921 году залила страны крепкой валюты, не совпала точно по времени с соответственной волной в странах слабой валюты; я склонен допустить, что сильная безработица охватит Германию, а также Австрию в конце 1922 — начале 1923 годов. Все же приводимые ниже цифры безработных наемных рабочих в феврале 1922 года в важнейших странах по сравнению с состоянием валюты, имеют некоторое значение ¹⁾.

СТРАНА	Золотой паритет по отношению к Нью-Йорку в февр. 1922 г.	Состояние безработицы по последним имеющимся данным	Процентное отношение безработных членов проф. союзов
Швейцария . . .	101,43 ⁶	146000 безработных и работающих неполное время	
Соед. Шт. Сев. Ам.	100,00	от 3 до 4 миллиона безработных	
Швеция	97,55	158000 безработных	28,7
Нидерланды . . .	93,57	60000 „	
Англия	89,73	1,9 миллионов безработных, пользующихся поддержкой	16,5
Дания	77,06	100000 безработных	25,2
Норвегия	62,15	47000 „	17,3

¹⁾ Из меморандума Германского Департамента Труда о проблеме безработицы к Генуэзской конференции. Конечно, статистические данные для отдельных стран в смысле точности неравноценны.

СТРАНА	Золотой паритет по отношению к Нью-Йорку в февр. 1922 г.	Состояние безработицы по последним имеющимся данным	Процентное отношение безработных к числу проф. союзов
Франция	45,38	лишь частичные сведения, безработица незначительна ¹⁾	
Бельгия	43,28	105000 безработных	13,9
Италия	25,40	700000 безработных и работающих неполное время	
Чехословакия	9,16	28000 безработных, пользующихся поддержкой	
Германия	2,00	169000 безработн., пользующихся поддержкой	3,3
Австрия	0,14	17000 безработных, пользующихся поддержкой	

Если, согласно этой таблицы, в указанный период времени безработица была меньше в странах с слабой валютой, чем в странах крепкой валюты, то было бы, однако, злой насмешкой говорить здесь о благоприятной конъюнктуре. Ведь, в обедневших областях степень занятости людей должна быть выше уже по тому одному, что, вследствие падения покупательной способности, эти области должны теперь сами производить те товары, которые они раньше получали из-за границы.

Низкий уровень валюты действует в качестве вывозной премии также и там, где вывозятся не товары, в которых воплощен человеческий труд, но самые услуги.

Наиболее известным видом вывоза услуг является морское судоходство. Так, мореходные народы с крепкой валютой жалуются теперь, что они терпят значительные убытки благодаря более низкой заработной плате стран с слабой валютой. Например, в Англии смотрят с досадой на то, что теперь вывоз чая из Индии и Цейлона идет не через Лондон, но ящики с чаем грузятся прямо на германских торговых судах, вследствие низкой валюты, составляют лишь

¹⁾ О скудости французской статистики безработицы см. мою „Zerrüttung der Weltwirtschaft“ 2-е изд., глава 9.

третью часть таковых же на британских судах. Конечно, не следует придавать особенно большого значения этим охам и вздохам уже потому, что германский транс-океанский торговый флот вследствие Версальского договора не только сильно сократился, но вообще почти сошел на нет. Если бы Германия еще обладала заслуживающим упоминания торговым флотом, то подобные жалобы могли бы иметь некоторые основания. Но тогда и германская валюта стояла бы гораздо выше, ибо Германия была бы в состоянии доходами от судоходства улучшить свой платежный баланс. Кроме того, не надо упускать из виду, что расходы судоходства складываются не только из содержания команд, но сюда входит и оплата процентов и погашение судостроительного капитала, в который входит порядочная часть иностранного сырья, затем имеются расходы, одинаковые для всех судов мира: пошлины в гаванях чужих стран, закупка продовольствия и топлива и т. д.

Конечно, уменьшение покупательной способности денег страны может вести к тому, что и внутри страны и за ее пределами услуги предлагаются дешевле, чем это соответствует нормальным валютным отношениям. Так, возможен случай — и это довольно часто имеет место — что в периоды неблагоприятного вексельного курса товары продаются за границу по более низким ценам, чем это соответствует стоимости сырья для производителя. Последний может думать, что делает правильный расчет, ибо он в свое время купил сырье дешевле, чем оно обошлось бы ему теперь, после происшедшего обесценения денег. Но он не думает о том, что за вырученную от продажи по таким ценам сумму он не в состоянии будет обеспечить себя тем же количеством сырья. Если он хочет ликвидировать свое дело, тогда такое поведение еще можно понять. Но если он хочет его продолжать, то сам роет себе могилу.

Однако, многочисленные экспортеры не отдают себе в этом отчета, когда продают продукт, для изготовления которого требуется 200 рабочих часов, по цене в иностранной валюте, которая оплачивает 100 тамошних рабочих часов. Вряд ли возможно преувеличить опасности подобного экспорта: он вы-

зывает вражду по отношению к сбывающему цены торговцу; он лишает собственное народное хозяйство возможности дальнейшего производства по тем же ценам, а временами подобный экспорт, при колеблющемся вексельном курсе, переполняет заграничный рынок. Так разрушается взаимное доверие между купцами, нарушаются договоры, и из страны, где потребитель терпит нужду, выкачиваются товары ¹⁾).

Но этот стимулируемый валютными разнициами экспорт, принося случайную прибыль отдельным хозяйственным группам, поставленным в более благоприятное положение, наносит остальным тяжелый вред. Несмотря на усиление морского судоходства, деятельность комми-вояжеров за границей прекратилась. До 1914 года, при нормальных валютных отношениях, в странах с экспортной индустрией, был весьма развит институт комми-вояжеров, которые повсюду в Европе и заокеанских странах предлагали товары своих фирм и собирали заказы. Теперь даже для крупных фирм стран с бедственной валютой стало невозможно посылать своих агентов за поисками рынков; приходится ограничиваться другими методами для сбыта товаров. Поэтому происходит полное преобразование системы поисков рынков; вместо недоступных теперь вследствие дороговизны путешествий комми-вояжеров, ведется оживленная заграничная пропаганда путем печати, картин, кинематографа, и развивается ярмарочная торговля, которая поэтому всемерно поддерживается правительствами слабых валютных стран.

С другой стороны, странам с крепкой валютой очень легко вести торговую пропаганду за границей, ибо их расходы оплачиваются в низкой иностранной валюте. Если, несмотря на это, им не удастся собрать мало-мальски значительное число заказов, то причина лежит в падении покупательной способности стран со слабой валютой. И здесь перед нами встает проблема двуликого характера валюты.

С точки зрения частно-хозяйственной, падение валюты, может быть, и благоприятствует вывозу, но с

¹⁾ См. об этом, напр., Dr Rudolf Dalberg: Valuta-Dumping. Berlin. Carl Heymann. 1921.

народно-хозяйственной точки зрения об этом не может быть и речи.

Нельзя рассматривать отдельные явления, но необходимо уметь охватить всю совокупность экономических отношений данной страны ко всем другим странам. Если мы сравним цифры вывоза экспортных стран Европы, которые до войны больше всего к себе ввозили, то для 1920 г. (предшествующий год был слишком близок к войне и слишком затуманен германской революцией), получим следующие цифры:

СТОИМОСТЬ ВЫВОЗА		Соответств. цифры для всего 1913 г. в бум. марках
	в миллионах золотых марок	
Германия с янв. до июля 1920 . .	около 2.000	10,1 миллиарда
Франция с янв. до окт. 1920 . .	„ 5.400	15,6 „
Англия с янв. до окт. 1920 . .	„ 17.400	10,7 „
Америка с янв. до сент. 1920 . .	„ 25.500	10,4 „

Отсюда видно, как смешно говорить об «экспортной премии» благодаря бедственной валюте для всего народного хозяйства Германии.

Напротив, как показывают цифры 1920 года, вывоз Германии составляет лишь половину, иногда треть и даже меньше, вывоза 1913 года. Если же вывоз в какой-либо отрасли хозяйства сильно развивается, то это отнюдь нельзя объяснить слабостью валюты. Например, Германия ввезла с января до октября 1920 г. только 61.000 кило кинематографических фильм, а вывезла 3.099.000 кило, стоимостью в 20.394.000 марок. Но главными покупателями этих фильм были вовсе не страны с крепкой валютой, но Австрия. А материал для фильм в огромных количествах покупала у Германии Италия.

В сущности говоря, непрерывное ухудшение платежного баланса стран с падающей валютой само по себе доказывает, что для них не существует никакой экспортной премии. Для Германии можно допустить, что она — исчисляя ее внешнюю

торговлю в золотых марках — в среднем на одну треть дешевле продает и на одну пятую дороже покупает. Ежегодный убыток составляет предположительно 3 миллиарда золотых марок. Внешняя торговля стран с падающей валютой является убыточным делом, которое не компенсируется никакими случайными барышами отдельных фирм. Платежный баланс систематически заключается с большим дефицитом, и лишь временно бывает незначительный перевес стоимости вывоза над ввозом. Это бывает, когда внезапно вексельный курс падает с такой быстротой, что, благодаря распродаже самых необходимых потребительских благ и ужасающим закупкам за границы, стоимость экспорта поднимается вверх, а стоимость импорта остается ниже нормальной. Большею частью, уже на следующий месяц, вместо совершенно незначительного перевеса стоимости вывоза, наступает перевес (часто 10 — 20-кратный) стоимости ввоза. Торговый баланс Германии в осенние месяцы 1921 г. и весной 1922 г. ясно обнаруживает эту связь.

Для Австрии Герц оценивает перевес стоимости ввоза над вывозом на 1921 год в 300 миллионов золотых крон.

Вообще, лучшим доказательством неосновательности мнения, что плохая валюта способствует вывозу и делает валютного нищего более сильным конкурентом на мировых рынках, служит то наблюдение, что ни одна страна с бедственной валютой не гарантирована от поражения при конкуренции даже со странами самой высокой валюты. Как бы неизмеримо велика ни была разница между стоимостью денег обоих конкурентов, но ее превосходят существенные преимущества в условиях производства страны с более высокой валютой. В 1922 г. в Южной Америке японские и северо-американские паровозы предлагались дешевле германских. Даже бельгийские фабрики заявили более низкую цену. — Одна из главных гамбургских пароходных линий в тот же период времени оказалась вынужденной произвести некоторые исправления пароходов не на собственной верфи, а в Англии или Голландии, там значительно дешевле стоили материалы и заработная плата. Весною того же

года Чехословакия побилла Австрию на венгерском рынке внешней торговли. Венская осенняя ярмарка предшествующего года делала еще блестящие дела, ибо стояла под знаком австрийской распродажи. Непосредственно вслед за этим последовало новое падение кроны, которое лишило возможности многие австрийские фирмы выполнить принятые на осенней ярмарке обязательства поставок. Им пришлось потребовать от своих покупателей номинального повышения цен, или аннулировать заказы. Это произвело на клиентуру Австрии столь тяжелое впечатление, что на ближайшей весенней ярмарке многие покупатели были весьма и весьма сдержанны. Кроме того, австрийские фирмы, исходя из полной неопределенности стоимости кроны, не могли уже указать твердые цены, но принимали заказы без каких-либо гарантий. Кроме того, заработная плата и прочие издержки производства стали приближаться к нормам мирового рынка, а отчасти даже превзошли их. Вследствие всех этих обстоятельств, число сделок на венской весенней ярмарке 1922 г. было незначительно.

* * *

Итак, для вновь производимых благ теория: бедственное состояние валюты = экспортной премии — несостоятельна. Это мнение основано на поспешных обобщениях, которые, при ближайшем рассмотрении, не выдерживают критики. Несомненно, что эти явления не приносят пользы народному хозяйству. Это вытекает, главным образом, из следующих четырех оснований:

1. В настоящее время не существует почти ни одной отрасли производства, которая могла бы обходиться лишь местным сырьем. Почти всегда, хотя бы часть сырых или вспомогательных материалов ввозится из-за границы. Если эти материалы стоят за границей дороже, чем внутри страны, то предприятие может быть жизнеспособно лишь в том случае, если оно работает для вывоза. В противном случае, оно должно было бы установить внутренние цены в соответствии с ценами мирового рынка — радикальное лечение, которое обычно кончается смертью па-

цента, в данном случае, потребителя ¹⁾. Если же в обработку идет сырье, которое было закуплено за границей еще по дешевым ценам, то сбыт за границу готового продукта дает лишь преходящую конъюнктурную прибыль, которая в дальнейшем повториться не может. Однако, новые цены на сырье вызывают и значительно более высокие цены на готовые фабрикаты. Но весьма сомнительно, чтобы при этих ценах можно было бы овладеть заграничным рынком, который может в этих случаях и сам покрыть свою потребность.

2. Когда потребность в определенных товарах данной страны сильно выражена за границей, то низкие покушныя цены, вызванные обесценением валюты вывозящей страны, действуют стимулирующим образом на вывоз. Однако, следствием этого является оскудение товарами в стране с слабой валотой, так что ее внутренняя потребность не может быть покрыта. Германия и Австрия имеют в этом отношении богатый опыт. В течение почти полутра года после перемирия в Германии почти невозможно было достать важнейшие аптекарские товары, хотя они производились фабриками в больших количествах. Заграница так жадно поглощала их, что в огромной своей части эти товары уплывали из страны путем легальной и контрабандной торговли. С печатной бумагой создалось такое же печальное положение, так что было сделано предложение об издании закона, разрешающего вывоз за границу печатной бумаги лишь в переработанном (отпечатанном) виде, ибо недопустимо, чтобы заграница могла печатать на дешевой германской бумаге, в то время, как в самой Германии печать, а в еще большей степени издательства научных книг, терпят острую нужду в бумаге.

3. Если потребность в иностранном, дешевом, благодаря низкой валоте, товаре достаточно сильна, то возникает такое большое побуждение к его вывозу, что воспрепятствовать ему можно лишь отчасти, содержа огромный и чрезвычайно дорогой аппарат, при помощи весьма искусственных мер. Обычно спекулянты превосходят чиновников в ловкости и в энергии. Опыт эпохи

¹⁾ См. германские цены на ткацкий материал летом 1921 г.

континентальной блокады не оставляет сомнения в том, что подобные же явления имеют и теперь место на каждом шагу. Для примера назову случай с вагонами германской «кюлотетной бумаги», которые шли в Голландию. Почему-то эта бумага была нарезана огромными листами, формат которых, «случайно» подходил к голландским типографским машинам. В результате подобного контрабандного вывоза, в стране получается безвоздушное пространство, которое может быть устранено лишь тем, что цены внутреннего рынка поднимаются до уровня иностранного. Лишь тогда отпадает премия для спекулянтов, и покупатель может покрыть свои потребности, если, конечно, он в состоянии платить непомерные цены.

4. Когда же производство достаточно, чтобы покрыть потребность и заграницы и внутреннего рынка, а издержки производства не удорожаются иностранным сырьем, тогда бедственное состояние валюты, действительно, является стимулом для вывоза товаров за границу. Но там тотчас же возникает энергичнейшее сопротивление со стороны производителей. Они начинают кричать о продажах ниже себестоимости («Dumping») страны с низкой валютой. Предлагаются новые таможенные тарифы. Спустя несколько месяцев, граница для слишком дешевых товаров стран с экспортной премией закрывается¹⁾.

3. Бедственное состояние валюты, как премия для переселения.

Когда большие суммы денег одной страны можно купить за-границей за чечевичную похлебку, то таким образом приобретается и власть над значительной частью ее производства, ее услуг, а вместе с этим — и ее людей. Кто приезжает с более ценной валютой в страну слабой валюты, тот может за гроши получить здесь всякого рода услуги, начиная от простейшего физического труда и развлечений всякого рода и кончая уточненнейшими услугами науки и искусства. По

¹⁾ См. 5 главу: Двудликий характер валют и обособление национальных хозяйств.

той же причине он может дешево приобрести труд жителей этой страны и у себя за границей.

Последнее отчасти объясняется и представлением о ценах в обедневших странах. Там, где собственные деньги так отчаянно упали по сравнению с иностранными, там всякий исчисляет доход в странах более высокой валюты в валюте своей страны. Такие вычисления можно встретить даже в экономических исследованиях — хотя они явно ошибочны, ибо известная высота дохода за границей отнюдь не обеспечивает того уровня жизни, который может дать та же сумма в обесцененной валюте. Ведь, ясно, что всякий, который захотел бы за 1.000 долларов купить то, что можно за эту сумму приобрести в австрийской валюте при соотношении кроны и доллара 1 : 30.000, должен для этого отправиться в Австрию. Но если он располагает этой суммой в Америке, то его 1.000 долларов, конечно, не имеют там той же покупательной силы, что в Австрии.

Тем не менее, постоянно можно встретить подобные вычисления; даже в «*Korrespondenzblatt des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes*» от 11/VI, 21, мы находим следующую фразу: «Средняя заработная плата и жалованье в американском стальном тресте в 1920 году составили 2.173 доллара, т.-е. годовой доход занятых в тресте рабочих и служащих равнялся 130.000 марок на человека (60 марок = 1 доллару)».

Подобные расчеты, бессмысленные с народно-хозяйственной точки зрения, пробуждают жажду к эмиграции. Последняя всегда усиливается, когда народ беднеет, или когда ему кажется, что он беднеет. До войны слишком часто пускали в ход словечко «перенаселение», чтобы обосновать кажущуюся необходимость эмиграции из Италии или Японии. В настоящее время обедневшие страны средней Европы, действительно, не в состоянии прокормить свое население на собственной территории. До тех пор, пока эти страны будут находиться под невыносимым давлением мирных договоров 1919 года, все население обречено на нищету, неизбежно вызывающую стремление к эмиграции в страну с лучшими условиями жизни. Так, обнищание австрийского чинов-

ничества, даже после установления правительством пенсий в массовых размерах, достигло такой степени, что оно ищет в эмиграции последнего спасения. Говорят, что Голландия выразила готовность принять на железнодорожную службу в своих колониях 3.000 австрийских чиновников (преимущественно, железнодорожных служащих). Равным образом, Бразилия и Аргентина сообщили австрийскому правительству, что они охотно примут к себе около 30.000 уволенных австрийских чиновников в целях колонизации и поставят их для этого в надлежащие условия.

Такая же опасность лишиться ценного человеческого материала угрожает каждой населенной стране с падающей валютой. Если бы не существовало сильного препятствия в колоссальном увеличении путевых расходов вследствие тех же валютных расстройств и повышения издержек эксплуатации, то после войны из Германии эмигрировало бы не 15—20 тысяч человек, но несколько миллионов. Тем самым Клемансе достиг бы своей цели убрать «vingt millions de plus» немцев, по крайней мере, с европейского континента, конечно, при условии, что за океаном нашлось бы место для внезапной иммиграции столь значительной массы людей.

Разницы в валютах играют значительную роль в тех случаях, когда выселение желаемых элементов происходит через посредников. Летом 1921 г. особая комиссия, состоящая из мужчин и женщин, хорошо знакомых с проблемами проституции, представила Гамбургскому Сенату докладную записку, где указывалось, что необходимо во что бы то ни стало закрыть публичные дома, терпимые властями, ибо лишь благодаря этим домам существует торговля девушками. «Если и раньше заграничные торговцы живым товаром, особенно из Южной Америки, охотно ловили немецких девушек в свои сети, то теперь это дело представляет для агентов особенный интерес, ибо их комиссия при состоянии нашей валюты дает им исключительно высокие барыши»¹⁾.

На всех вокзалах германско-голландской границы можно видеть массы молодых немок, сидящих группами на своих

¹⁾ Цитир. по „Frankfurter Zeitung“ от 31 VIII 21.

корзинах и сундуках. Это дочери рабочих и мелких буржуа, которые едут в Голландию в качестве домашней прислуги. Им улыбается там заработная плата для начала в 20—25 гульденов ежемесячно, которая при хорошей службе повышается до 40 и 50 гульденов. При нынешнем курсе марки они зарабатывают таким образом 3—5 тысяч марок в месяц. Одеждой они, большей частью, запаслись на родине. Они могут отсылать домой свои сбережения или накопить в Голландии для себя приданное, и вдобавок они там лучше питаются, чем у себя дома. В деревнях у голландской границы растет скопление горно-рабочих, которые ищут работы в близлежащих голландских рудниках и часто ее находят. Они вызывают против себя озлобление голландцев, особенно те эмигранты, которые приходят из Рурской области и отнимают заработок у местных рабочих ¹⁾.

По сообщению нидерландского бюро по надзору за иностранцами, в конце 1921 г. в Голландии находилось 74.256 немцев. С тех пор немецкая эмиграция сильно поднялась, в особенности увеличилось число немецких служанок. В одном только Гаарлеме их 1.000, в маленьком местечке Бусум их 300.

* * *

Германия уже перешла первое и второе действие своего обнищания, в результате упавшей валюты: сперва потерю большей части германских имуществ за границей и массы акционерного капитала, затем распродажу ценного германского состояния, как движимого, так и значительной части недвижимого. Следует за этим третье действие: отлив за границу необходимого человеческого материала. Так всегда бывает с гибнущей страной: сначала оттуда устремляются капиталы, затем вещи, и, наконец, люди.

Нейтральные страны отняли у германской промышленности много ценных сил, ибо они имели возможность

¹⁾ „Deutsche Allgemeine Zeitung“ от 25. v. 22. „Deutsche Bergwerkzeitung“ от 4 viii 22.

предложить такие жалованья и заработную плату, каких не могут уплатить в Германии и самым способным работникам. Наша промышленность стала терять техников и инженеров, формовщиков и литейщиков, шлифовщиков стекла, механиков и граверов.

Так, плохое состояние валюты действует в качестве экспортной премии для лучших и высоко квалифицированных промышленных работников и способствует пересадке промышленности за границу. В экономической истории многих народов мы наблюдали, как искусные и трудолюбивые эмигранты создавали в других странах новые отрасли хозяйства и доводили их до такого цветущего состояния, что прежней их родине приходилось терпеть весьма чувствительную конкуренцию. Такова была судьба немцев в XIX столетии, когда, не обладая за океаном собственными территориями, они являлись высокополезными пионерами для других народов.

Нация, которая в хозяйственном отношении низведена до положения рабов, не в состоянии более удержать у себя свои самые способные и необходимые силы. В конечном счете это вызовет последствие, менее всего желательное Антанте: основание промышленных предприятий с немецкой квалифицированной рабочей силой, с немецким капиталом, или без него, в нейтральных странах, где не будет притеснений и произвола Антанты. Пусть обратят внимание на это предостережение в Париже и Лондоне. Например, чилийское правительство сделало предложение одной крупной германской фирме основать в Чили отделение и предоставило ей право приобрести там недвижимость и построить фабрики. Подобные же известия сообщают из Нидерландской Индии.

* * *

Насколько крах валют вместе с мировым хозяйственным кризисом вызывают положительно переселения народов, показывает миграционная статистика Соединенных Штатов:

	1920/21			1921/22	
	прибыло	отбыло		прибыло	отбыло
1 класс	78.635	68.712	1 класс	67.095	72.984
2 „	157.857	94.869	2 „	127.730	104.959
3 „	602.765	308.223	3 „	191.856	258.713
Прибыло в 1920/21 —	832.175		Прибыло в 1921/22 —	386.682	
Отбыло в 1920/21 —	471.804		Отбыло в 1921/22 —	436.656	
Прибыло больше на	360.371		Выехало больше на	49.974	

В 1920—1921 г. число прибывших в страну людей превысило число выехавших на 360.371 человек, в следующем же году выехало на 49.974 человека более, чем прибыло. Достижение долларом высшей точки вызвало у многих местных уроженцев, а также прежних переселенцев из Европы желание израсходовать свои сбережения в стране с плохой валютой; многих же прогнала из страны долларов растущая безработица.

И. Премия для переселения на тот свет.

Там, где валюта глубоко упала, население нищает, хиреет и падает жертвой каждой незначительной болезни, которой легко могут противостоять неистощенные люди.

Так, по данным Центральной Статистической Комиссии, количество венского населения с 1910 г. до 31 января 1921 г. упало не менее, чем на 190.095 человек, т.е. почти на 10%. Сильнее всего сокращается число детей: уменьшение составляет не менее 100.000 человек, т.е. $\frac{2}{3}$ общей цифры. В сущности говоря, доколе финансовые державы терпят, чтобы австрийская крона составляла одну сотую, одну тысячную, одну десятитысячную своей стоимости, австрийским немцам, в частности венцам, вообще запрещается продолжать жить; поэтому, многие при первой возможности удаляются в лучший мир.

Немцы идут в том же направлении, но с некоторым опозданием. Погибшие от голодной блокады пали жертвой бесчеловечных способов ведения войны. По данным Статистического Управления, число жертв блокады во время войны составило 762.796 человек. Продолжение блокады после войны в союзе с резким падением валюты присоединило к этой цифре дальнейшие сотни тысяч. Болезни и эпидемии распространились в ужасающей мере, ощущался недостаток в самом необходимом продовольствии. Вместо необходимых ежедневно взрослому 3.300 калорий, предоставлялось немногим более 1.300—1.600 калорий, которыми должен был обходиться в последние годы войны средний немец. Уменьшение числа рождений составило между 1914 и 1919 годами для одной только Пруссии 2.555.000 человек, для всей Германии около 4.000.000, из которых, по меньшей мере, четвертая часть объясняется блокадой. В отдельных областях положение вещей особенно печально. В больших городах Германии живет теперь 3.383.900 детей. Об их положении имеются довольно точные данные. На международном конгрессе помощи детям в Женеве секретарь союза помощи детям в Берлине Адель Шрейбер прочла доклад, из которого видно, что из этих 3.383.900 детей имеется 200.633 туберкулезных и 835.972 страдающих упадком питания или другими болезнями, иначе говоря, в наших крупных городах 1.036.606 детей, т.е. 30% всего количества, должны считаться больными. А так как население средних и маленьких городов большею частью находится не в лучшем положении, так как, даже и во многих сельских местностях, равным образом, установлено тяжкое ухудшение здоровья детей, то можно допустить, что в ближайшие годы 2½ миллиона немецких детей осуждены на гибель, если не будут приняты меры к существенному улучшению их питания.

Когда весной 1920 года комиссия иностранных журналистов посетила Рудные горы, чтобы своими глазами увидеть последствия голода в Германии в одной из лучших местностей, то оказалось, что дети от 2 до 4 лет получают ежедневно лишь четверть литра молока, а дети от 4 до 6 лет— ту же мизерную порцию на два дня. Из взрослых молоко

получают лишь больные и беременные женщины, последние по поллитра молока ежедневно. Еженедельный паек для населения составляет 4 фунта хлеба, 125 граммов мяса, 90 граммов маргарина, $\frac{1}{4}$ фунта сушеных овощей, $\frac{1}{2}$ фунта мармелада и около 5 фунтов картофеля. Белковые и бобовые продукты не выдавались вовсе.

Смертность грудных детей в округе Аннаберг достигла 19,2%. Официальный отчет заведующего общинной школой в Цюрлау установил, что около 60% обучающихся в школе детей страдают малокровием и золотухой. По статистическим данным окружного врача в Шварценбергском медицинском округе, средний вес детей, окончивающих школу (т.е. 14-летних), который нормально должен быть без одежды 40 кило, составил в 1917—1918 г. с одеждой только 34,8 кило, а в 1919—1920 г. даже только 33,5 кило. В то время, как нормальный рост детей должен быть 150 сантиметров, он был в среднем лишь 141,6 см.

Как действует подобное питание на взрослых, показывает, напр., тот факт, что в Шварценбергском медицинском округе средний вес мужского рабочего населения в 1919 г. уменьшился на 15—20%.

Многие сотни тысяч людей в Германии исхудали до невероятных размеров. В таких случаях почти невозможно вернуться к нормальному состоянию; при уменьшении веса ниже известной нормы, человек чахнет, становится жертвой какой-нибудь болезни и умирает: врачебная помощь тут бессильна. Один из выдающихся специалистов по народному питанию тайный медицинский советник д-р Рубнер в докладной записке государственного департамента здравоохранения, составленной им для мирной конференции 1919 г., доказал, что в Германии 50 миллионов человек нуждаются в усиленном питании, т.е. в восстановлении потерянных сил, что не может быть достигнуто только путем нормального, соответствующего прежнему времени питания. В частности, для восстановления белковых веществ, их должно быть введено в организм гораздо больше, чем было утрачено. Но даже и тогда восстановление происходит медленно и постепенно. По вычислениям Рубнера, при средней потере веса

в 20%, для восстановления нормального веса требуется более трех лет, или точнее: 1097 дней, если питание будет усилено хлебными и тому подобными веществами с слабым содержанием белков, и около 294 дней при возврате к прежнему национальному потреблению в виде мясных и растительных продуктов.

Потрясающие размеры приняла смертность стариков; на старых людей действует не только ухудшение питания, но и потеря всякой жизненной бодрости. Многие из них погибают под бременем забот. В большинстве германских городов превышение рождаемости над смертностью ничтожно, а иногда цифры смертности так велики, что почти сравниваются с цифрами рождаемости. Смерть косит всю!

Насколько непохоже на это положение вещей в странах Антанты! Возьмем, к примеру, выбранную наудачу неделю 14—20 марта 1920 г. За неделю было:

	Рождений	Смертей
в Берлине	702	661
Фраркфурте на М.	165	160
Ганновере	174	166
в Лондоне	2771	1456
Бирмингеме	581	265
Манчестере	711	377

Таким образом, в английских городах число рождений превышает вдвое число смертных случаев, в то время, как соответственные цифры в Германии стоят почти на одном уровне.

Начало этой усиленной смертности положила голодная блокада во время войны, а продолжение этой блокады после перемирия довершило начатое дело.

Государства-победители довольно равнодушно смотрят на ужасающее влияние падения валюты в побежденных стра-

вах на здоровье населения. Только частичные организации сделали, с своей стороны, все возможное, чтобы смягчить ужасную нужду. Если бы не американские и английские квакеры и многочисленные филантропы Скандинавии, Голландии, Швейцарии и Южной Америки, если бы не Гувер, мисс Гобсон и другие друзья человечества, если бы не английский «Fight the Famine Council» и Красный Крест,—если бы все эти организации и лица не вели энергичной борьбы с вымиранием от голода обессиленных народов Средней Европы,—то валютная нужда отправила бы на тот свет много лишних тысяч людей.

4. Бедственное состояние валюты, как ввозная премия.

Валютные расстройтва создают ненормальные отношения не только в том направлении, что низкий уровень валюты стимулирует вывоз продуктов нового производства и всякого рода имуществ и считается обычно экспортной премией низко-стоящей валюты. Рука об руку с этим, ослабление валюты вызывает и противоположную тенденцию: оно создает также импортные премии.

Происходит импорт людей и капитала, но, по общему правилу, не ввозятся предметы потребления. А когда в страну с слабой валютой проникают орудия производства, то они либо оплачиваются слишком высокими суммами местных денег, чтобы можно было говорить об импортной премии, либо тут происходит побочный процесс, и подобный ввоз является лишь звеном в цепи мероприятий, направленных к хозяйственной экспроприации страны иностранцами.

Это явление перехода предприятий в руки иностранцев привлекло к себе такое внимание, что наряду с вторжением иностранных капиталов — мы оставим пока в стороне вопрос, приносит ли это пользу народному хозяйству, или, напротив, способствует обеднению нации благодаря увеличению задолженности иностранцам — не отмечен был импорт людей.

А. „Импорт“ людей.

Низкий уровень валюты привлекает в страну людей, которые при других обстоятельствах не подумали бы туда приехать. Две различные категории людей притягиваются в такую страну: иностранцы, и эмигрировавшие ранее местные уроженцы.

1. Прилив иностранцев.

В государствах с бедственной валютой общеизвестное явление представляет валютное чванство иностранцев. Вызывая зависть и ненависть, они выполняют довольно сомнительную функцию по отношению к народному хозяйству посещаемой ими страны. Иностранцы тратят много денег и как будто этим помогают стране, но на деле высасывают соки из обнищавшей нации, борющейся за свое существование. Многие народы накопили уже богатый опыт этих мучений.

Бессмысленное положение мирового хозяйства, вызванное расстройством валют, ни в чем так ярко не проявляется, как в наплыве иностранцев, жаждущих покупок или развлечений, в страну с бедственной валютой. Это особенно испытала на себе несчастная Вена. В то время, как ее коренные жители, страдая от голода и холода, не могли достать денег для удовлетворения самых необходимых потребностей, туда стекались из всех частей света люди, которые желали использовать дешевую распродажу старого венского достояния, и покупали все, что хотели, или развлекались, тратя на это бесконечно меньше денег, чем в любом другом городе. Когда австрийская крона упала ниже 20 швейцарских сантимов, а особенно, когда она дошла до 10, 5, и даже до 0,5 и 0,05 сантима, так что за 100 швейцарских франков можно было приобрести целое состояние в австрийских кронах, тогда создавалась небывалая возможность закупить в Вене все, что угодно, для себя или для обмена со значительной прибылью в любой стране высокой валюты. Поэтому, Вена была буквально наводнена купцами и праздношатающимися из всех стран света с мало-мальски крепкой валютой.

Но иностранцы не довольствовались закупкой вещей. Они хотели также удовольствий, и получали их по ценам—слишком высоким для постоянных жителей страны—но смехотворно дешевым в переводе на иностранную валюту. В скором времени международный сброд кутящих бездельников устремился в Вену, а отчасти и в Берлин, чтобы использовать плачевное состояние валюты. Нас здесь не интересует, что покупали эти валютные мародеры. Но на них лежит значительная часть вины за то, что потре-

бление алкоголя в Австрии и в Германии достигло чрезвычайной высоты, стоящей в разительном противоречии с обнищанием этих стран. Несомненно, тут есть и другие причины, а именно: обогащение людей, которые не знают других наслаждений, кроме физических, а также налоговая политика. Но, конечно, низкий уровень валюты много подействовал этому, в частности сильно повысил потребление шампанских вин в обедневших странах. Виноторговцы делают менее блестящие дела, чем владельцы погребов с шампанским. Местных жителей, имеющих возможность покупать исключительно дорогие шипучие вина, очень немного. Гораздо значительнее число пребывающих в Германии и Австрии иностранцев, которые пьют «валютный сект». Было бы весьма поучительно подсчитать в цифрах, сколько алкоголя потребляют в Германии одни только бесчисленные комиссии и оккупационные войска стран Антанты. Нет надобности объяснять запрещением продажи алкоголя в Соед. Штатах то обстоятельство, что у американского солдата не удерживается в кармане его доллар, переваливший за 1.000 марок. Что удивительного, что шампанское «льется рекою». Это часто ведет к тем преступлениям против нравственности, которые имеют место среди французских оккупационных войск в Германии ¹⁾.

В июле 1921 г. французский главнокомандующий в Майнце Генерал Дегут был вынужден запретить трактирщикам продажу вина. Приказ гласит дословно: «В

¹⁾ Один из многих примеров. 27 мая 1921 г. в Майнце, в зале суда присяжных, французский военный суд судил двух марокканских солдат Мохамеда бен-Ахмеда и Махмеда бен Мохамела, убивших в день Вознесения на улице Höchst-Ried служащего красильных фабрик Бергмана. Обвиняемые сознались в преступлении, но объяснили, что были так пьяны, что ничего не помнят. Защитник указал, как на смягчающее обстоятельство, неизменяемое от опьянения состояние Мохамеда бен-Ахмеда; для второго же требовал оправдания в виду недостаточности улики. Первый обвиняемый был приговорен к разжалованию и смертной казни; второй к разжалованию и пожизненным принудительным работам. Затем разбиралось дело 44-летнего лавочника Иосифа Мейера за продажу солдатам бутылки коньяку. Он был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и 5000 мар. штрафу (Vorwärt от 28. v. 21).

виду частых случаев пьянства, замечаемых среди туземных войск, запрещается продажа вина всем солдатам африканского происхождения во всей французской оккупационной зоне».

В Венеции, где часто останавливаются американские военные суда, дело обстоит почти так же. Для американских матросов, сошедших с военных судов, где, как и на родине, потребление алкоголя запрещено, чрезвычайно заманчивы кабаки в городе лагун. На два доллара ежедневного жалования, при низкой итальянской валюте, можно выпить бесчисленное множество рюмок.

Что падение валюты увеличивает наплыв дельцов и туристов из стран более высокой валюты, доказывают также цифры находящихся в Берлине иностранцев. В больших городах движение иностранцев носит более регулярный характер, чем в менее крупных городах, где случайные обстоятельства, вроде какого-нибудь конгресса, театральной недели, или ярмарки дают внезапные повышения цифр. В Берлине подобные случайные колебания не играют роли. Я выбираю месяц апрель за два следующих один за другим года. Январь, февраль и март — мало показательны. 1919-ый год, ввиду сильного брожения, мы оставим в стороне. В апреле 1921 года (для сравнения рядом цифры 1920 г.) находилось в Берлине иностранцев, прописавшихся в гостиницах и пансионатах:

Русских	1153	Итальянцев	272 (127)
Австрийцев	1474 (1293)	Испанцев	111 (85)
Поляков	720	Португальцев	28 (15)
Венгерцев	290 (259)	Американцев	757 (412)
Французов	425 (235)	Шведов	2036 (871)
Англичан	482 (349)	Норвежцев	642 (333)
Датчан	1800 (711)	Швейцарцев	523 (328)
Бельгийцев	203 (155)	Азиатов	149 (77)
Голландцев	1102 (910)	Африканцев	15 (37)
Из Балкан. госуд.	176 (909)	Австралийцев	7 (0)

Увеличение в 1921 г. по сравнению с 1920-м бросается в глаза: в 1920 году германская марка стояла значительно выше, чем в 1921 году. На прилив иностранцев влияют валютные отношения, между тем, как, политические симпатии или антипатии не имеют почти никакого значения. В то время, как наблюдается весьма значительное увеличение притока иностранцев из государств с высокой валютой, гораздо меньший рост показывают цифры прибывающих из стран слабой валюты. Число русских и поляков определяется особыми обстоятельствами.

С тех пор, как несколько облегчены были паспортные затруднения, и иностранцы высоко-валютных стран узнали об удивительно дешевой жизни в Германии, туда ринулись спекулянты и любители развлечений. Так, голландцы устремились такими массами в германские паспортные бюро в Гааге, Амстердаме, Роттердаме и т. д. (в Амстердаме через бюро проходило ежедневно свыше 1.000 человек, в Гааге регулярно 300—400 и больше) для визирования паспортов в Германию, что почти не было возможности справиться с этим потоком. Голландцы стоят в хвостах за паспортами. В Амстердаме, где наплыв больше всего, потребовался полицейский наряд из четырех человек для наблюдения за порядком. Особенно сильный наплыв стремящихся в Германию обнаружился после 1 июля 1921 г., когда паспортные сборы были уменьшены на половину. А в Шевенингене огромные гостиницы почти пусты, многие другие голландские курорты также малолюдны. Чего ради оставаться в стране, когда в Висбадене можно на 40 гульденов жить по-княжески, и во всех других, еще более дорогих курортах, ежедневная стоимость жизни равняется цене одного легкого завтрака в Голландии? ¹⁾

А в 1922 году в Германию, благодаря ее нищенской валюте, устремился бурный поток иностранцев. Один американский политик, полный изумления, сказал мне: «Меня бы очень удивило, если бы мой народ так благодушно отнесся к такому положению вещей, когда у него отнимают лучшие

¹⁾ „Kölnische Zeitung“ от 21 VII 21.

места в отелях и на железных дорогах и перекупают самые необходимые для него товары».

Как смотрят с другой стороны на легкость для иностранцев при помощи их высокой валюты приобретать старые вещи и получать удовольствия, показывает высказанное итальянским министром иностранных дел графом Сфорца, человеком вообще неуравновешенным, мнение по поводу валютных махинаций высших итальянских офицеров. Можно понять, поэтому, ту едкую иронию, с какой писала об этом «Neue Freie Presse» в номере от 1 июля 1921 г.:

«Итальянский министр иностранных дел в своей защите генерала Сегрэ говорил о «веселой Вене», где «итальянские офицеры нашли все продажным». Сначала могло показаться, что здесь произошла ошибка в переводе, ибо совершенно невероятно, чтобы серьезный государственный человек, да и вообще серьезный человек мог позволить себе сказать подобную гадость. Граф Сфорца изображает в своей речи Вену, как какой-то Венерин грот, в котором итальянский Тангейзер тяжело пострадал телом и духом, так что принужден был совершить паломничество в Рим, чтобы испытать там всю горечь следственной тюрьмы. Таким образом, закупщики и перекупщики вовсе не использовали своей твердой валюты, чтобы перетянуть к себе людей и вещи, но они просто были слишком слабы, чтоб устоять против чарующих соблазнов венской сирены».

II. Возвращение на родину эмигрантов.

Импорт людей вследствие низкого уровня валюты вызывает далее увеличение реэмиграции. К возвращению на родину стремятся как те, которые оставили ее на время, так и те, что думали найти на чужбине новую родину. Для первых упадок валюты является принуждением к возвращению, для вторых — искушением. В результате происходит маленькое переселение народов, поскольку разница валют достаточно велика, чтобы преодолеть все препятствия, а главным образом, высокие расходы по переезду.

В швейцарских газетах попадаются душераздирающие

призывы о ссуде бога ради нескольких франков. В 1919 и 1920 годах пребывание в течение одного дня в не очень дорогом отеле в санатории обходилось около 30 франков. В германской валюте это означало на рубеже этих двух лет 450 марок, в австрийской—более 2.000 крон, а в скором времени и свыше 3.000 крон. Письмо в Германию стоило 4 марки. Понятно, что австрийцы и немцы один за другим покидали Швейцарию. Санатории для легочных больных в Давосе и Ароза опустели. В Швейцарии могли оставаться лишь те немцы, которые успели вывезти свои капиталы или нажиться на войне, и богатые кушцы, а также немцы, получающие содержание в франках, как немецкие железнодорожники в Базеле. Так, понемногу Швейцарию покинули сначала австрийцы и венгерцы, потом немцы, затем итальянцы, и, наконец, французы. Только тем элементам, которые известны под собирательным именем «галичан» нет надобности сокращать свое пребывание в Швейцарии.

Там, где валюта так высоко поднялась над другими валютами, как в Северной Америке, многих иностранцев охватывает желание вернуться на родину. В Соединенных Штатах, в противоположность Швейцарии, почти не было иностранцев, которые ради своего здоровья приезжали туда на короткое время. Но там было огромное число эмигрантов, которые переселились до войны в поисках лучшего заработка. Даже те из них, на которых война не наложила клейма подданных враждебной державы, но которые были обласканы в качестве союзников, напр., поляки и итальянцы, и те устремились на родину. Их привлекала возможность—вследствие огромного расхождения между долларом и польской маркой или лирой,—использовать свои сбережения на родине, где по сравнению с стоимостью жизни в Сев. Америке они могли на свои деньги жить в полное свое удовольствие. Так, весной 1919 г., более 50.000 человек, переселившихся ранее в Америку, ожидали первой возможности, чтобы вернуться на родину. Несмотря на то, что правительство Штатов чинило уезжавшим всякого рода препятствия, требовало особых разрешений на выезд и т. д., и т. д., все это преодолелось реэмигрантами. Все отходившие пароходы были пе-

реполнены. Терпеливо или нетерпеливо, но все упорно ждали своей очереди. Их не страшила ни высокая стоимость переезда, ни недостаток продовольствия, ни расстроенная экономическая жизнь во всех почти странах Европы.

Первоначально в Европу рвались, большей частью, итальянцы. Затем это желание охватило также австрийцев, венгерцев, чехов, поляков, латышей, греков и других. На одном из больших сталелитейных заводов Пенсильвании 60% рабочих заявили о своем желании выехать из Америки, из них 91%—с намерением остаться на старой родине. Из одного города в штате Коннектикут сообщали в начале 1919 г., что из 6.000 находящихся там поляков 2.000 готовы к отъезду в Европу.

И в 1920 году тяга на родину из Соединенных Штатов была не меньше. Иностранные рабочие покидали страну еженедельно тысячами, так что во многих предприятиях стал ощущаться чувствительный недостаток в рабочих. С другой стороны, высокое состояние валюты привлекло тысячи иностранцев, которые рассчитывали вернуться позднее к себе с большим количеством долларов в кармане. Но Соединенные Штаты ставят сильную преграду иммиграции специальными законами, беспощадно проводящимися в жизнь.

Вследствие отлива эмигрантов и новых ограничений для иммиграции, американская промышленность начинает теперь (летом 1922 г.) чувствовать недостаток рабочих, так что даже стальной трест, никогда раньше не отличавшийся щедростью, согласился на всеобщее повышение ставок заработной платы, без всяких стачек.

Со стороны американцев (до мирового экономического кризиса) было высказано много возражений против реэмиграции иностранных рабочих. Прежде всего, указывалось на угрожающую американскому народному хозяйству потерю капиталов. «Американская Ассоциация Банкиров» оценивала общую сумму, которую реэмигранты предположительно могли вывезти в 1920 г. из Соединенных Штатов, в 4 миллиарда долларов; при этом исходят из того, что каждый из них берет с собой несколько тысяч долларов. Но это сильно преувеличено. Так, «Неаполитанский Банк» сообщил, что

денежные переводы итальянских эмигрантов на родину в 1919 году составили 159 миллионов лир (против 48 мил. в предшествующем году).

Если американцы вычитывают суммы, которые реэмигранты увозят с собой из страны, то им следовало бы подумать и о тех значительных суммах, которые они же в свое время привезли в страну. Если бы подсчитать, что дали Соединенным Штатам только наличными деньгами те 26 миллионов людей, которые переселились туда за последние 100 лет и, кроме своей рабочей силы, вложили в народное хозяйство и прежние свои сбережения,—то это составило бы поразительную по своей громадности сумму. Но как раз в данный момент, американцам, которые задыхаются от избытка денег, ибо за последние шесть лет превышение их вывоза над ввозом составило 15.750 миллионов долларов, менее всего следовало бы вычитывать, сколько денег берут с собой в Европу реэмигранты.

Весною 1920 г., по оценке немецко-американских специалистов банковского дела, из Нью-Йорка в Германию ежедневно переводилось около 1 миллиона марок, а из всей Сев. Америки, пожалуй, вдвое большая сумма. Значительная часть этих денег предназначалась для подарков родным, ибо покупательная сила марки в Германии гораздо выше, чем такая же сумма в долларах в Америке. Так, пара порядочных ботинок в Германии стоила 120—150 марок, а в Сев. Америке 10 долларов, что при курсе в 60 марок, составляет около 5 пар ботинок. Кроме того, при пересылке денег экономилась значительные расходы по пересылке и страхованию пакета с обувью или продовольствием.—Другая часть посылаемых американскими немцами в Германию денег притекает в германские сберегательные кассы на книжку отправителя или кого-либо из местных уроженцев.—Наконец, весьма значительные суммы уплачиваются в Германии за покупку германских государственных и городских займов или промышленных бумаг. Все они, в переводе на американский курс, стоят крайне дешево. В общем, предпочтение отдается городским займам, в частности, займу родного города американского немца, который надеется сейчас или позднее вер-

нуться на родину.—Наконец, Сев. Америка приобретает германскую недвижимую, весьма дешевую вследствие положения валюты, нередко на имя подставного лица, в ожидании повышения цены или в надежде когда-нибудь там осесть.

Б. Перевод предприятий.

Угасание валюты является причиной того, что предприятия, работающие за пределами страны, возвращаются в государство с большой денежной системой.

Такая необходимость создалась, например, для легочных немецких санаторий в Давосе и Агра. С марта 1920 года в Давосе-Вольфганге и Агра пришлось принимать и иностранцев за повышенную плату, в виду дефицитности санаторий. Немцы—больные должны были платить в 1920 году за комнату с 4 кроватями—8 франков, с 2 кроватями—9 фр., а за отдельную комнату—10 франков. При среднем курсе в 10,30 марки за франк первому приходилось выкладывать из своего кармана 82,42 марки ежедневно, а последнему—103,40 марок. Количество бесплатных мест чрезвычайно незначительно и сообразуется с размером наличных средств. Немецкие санатории в Давосе и Агра рассчитаны были в первую очередь на малоимущих легочных больных из среды духовенства, учителей, служащих, купцов, чиновников и членов их семейств.

По мере того, как прилив немцев становился все слабее, пришлось открыть эти немецкие санатории для иностранцев, чтобы, по крайней мере, спасти эти учреждения для немцев на позднейшее время. Но на ближайшее время низкий уровень германской валюты настоятельно требует отстройки или новой постройки санаторий на германской территории—в надежде, что, быть может, на ряду с иностранцами туда попадет и пара немцев. Врачи утверждают, что и в Германии на высоте 800—1.200 метров можно добиться в смысле лечения точно таких же результатов, как в Швейцарии. Во всяком случае, бедственное состояние нашей валюты вынуждает немецких больных большею частью отказываться от лечения в Швейцарии, устрояваясь вместо этого где-нибудь в Герма-

нии. А пока что в немецких санаториях Давоса и Арозы половина всех кроватей пустует, в то время, как в Германии невозможно разместить всех легочных больных в переполненных санаториях.

Расстройство валюты может вызвать также и перенесение в данную страну иностранных предприятий. Низкий уровень валюты, применительно к ценам мирового рынка или (правильнее) к издержкам производства в стране с более высокой валютой, может означать экономию на заработной плате, а иногда также и на орудиях производства и сырье. По этой причине уже давно северо-американские тресты: стальной и табачный обратили внимание на страны более дешевого труда, и основали ряд предприятий в Китае. Конечно, основание промышленных предприятий возможно лишь там, где имеются подходящие кадры обученных рабочих. До 1914 года в бедных странах обычно не имелось высоко-квалифицированных рабочих. Валютный крах все изменил: теперь есть страны (напр., Германия и Немецкая Австрия) с хорошо обученными рабочими, часть которых во всяком случае может поступить в распоряжение иностранных промышленных предприятий по таким ставкам, которые являются для данной страны очень высокими, но для иностранного предприятия, в виду разности валют, крайне ничтожными.

Особенно сильный стимул к переводу предприятий создается там, где вследствие распада государства возникли новые государственные образования с различными денежными системами. Таково, напр., положение Чехо-Словакии по сравнению с Немецкой Австрией. До развала Австро-Венгрии «Первый Брюннский Машиностроительный Завод» обычно снабжал всю Австрию турбинами. Когда же валютные расстройства сделали затруднительным ввоз чешских машин, «Паукеровские Заводы» в Вене, которые до того занимались, главным образом, производством машин и прочего оборудования для пивоваренных, сахарных и др. заводов, и которые давно уже принадлежали Обществу «Первого Брюнского Машиностроительного Завода», принялись теперь за изготовление паровых турбин по патенту

Парсона, для чего даже сооружается новое здание. В подобном же положении находятся многие другие фирмы, которые, подобно «Паукеровским Заводам», имеющим общие интересы с Брюннской фирмой, тесно связаны с чешскими или венгерскими фирмами; таковы: Общество машино- и вагоно-строительных заводов в Зиммеринге и Леоберсдорфский машино-строительный завод. Прежде отделения этих фирм получали заказы со всей Австрии или Венгрии. А теперь, вследствие вновь созданных пограничных барьеров, через которые перепрыгнуть можно лишь при значительной разнице валют, каждая фирма принуждена ограничиться производством машин лишь для того государства, в которое она попала после раздробления Австро-Венгрии—если она не в состоянии поставлять свои товары в страны с крепкой валютой.

В. Прилив капиталов.

Дальнейшим следствием ослабления валюты является прилив денежных капиталов. Обесценение валюты, правда, отпугивает в общем иностранный капитал от внедрения в страну. Но если политическое положение становится прочным, и нет более оснований опасаться социальных катастроф, если, далее, в стране имеется квалифицированная рабочая сила и тем самым основа для использования или новой организации более сложных производств, то иностранный капитал ищет выгодных объектов, которые может приобрести за гроши.

Мне представляется, во всяком случае, спорным вопрос о том, можно ли в данном случае говорить о ввозе капиталов. Ведь тут на иностранный капитал покупается наличный производственный и денежный капитал, и притом на чрезвычайно выгодных условиях, причиной которых является обесценение одной валюты по сравнению с другой. Таким путем капиталисты стран с более крепкой валютой получают возможность беспримерного использования денежной нужды обнищавшей страны. Этот процесс имеет всегда две стороны: расточение собственного достояния, на что валюта действует в качестве экспортной премии, противостоит привлечению

иностранный капитал, который немного поддерживает падающее народное хозяйство и способствует его производственным задачам.

Лишь в каждом отдельном случае можно решить, является ли переход в руки иностранцев капиталов и предприятий обедневшей страны, принявший ныне большие размеры, в большей степени опасностью или лекарством, или даже, может быть, соборованием умирающего; при этом необходимо строго различать, выгодно ли это отдельному предприятию или народному хозяйству в целом. Было бы весьма желательно приступить к изучению этого вопроса. Лучшим объектом для наблюдения является народное хозяйство Немецкой Австрии, которая «ошвейцаривается» и всячески «обиностранивается» изо дня в день.

Низкий уровень валюты действует в качестве импортной премии с особенной остротой там, где сумма обращающихся за границей банкнот данной страны достигла необычайной высоты. Решающим в данном случае обстоятельством является не столько размер инфляции и общая сумма выпущенных бумажных денег, сколько количество выброшенных за пределы страны денег. Чем больше это количество, тем сильнее их давление на границы страны. Все обращающиеся за границей бумажные деньги данной страны стремятся вернуться обратно туда, где они имеют законную платежную силу. Не будь этого, они потеряли бы всякую силу, ибо они принимаются к платежу за границей лишь в исключительных случаях. Поэтому, слабость валюты является особенно сильной премией для импорта капиталов там, где отлив бумажных денег за границу достигает многих миллиардов.

Кроме этого, не следует упускать из виду один важный факт, на который обычно не обращают достаточного внимания: иностранец, пребывающий в стране с слабой валютой, пользуется там наравне с местными жителями всемирным интересом в общих интересах. Важнейшим интересом в общих интересах. Важнейшими из этих льгот является удешевление предметов первой необходимости и стоимости передвижений. Каждый фунт хлеба, потребляемый в стране с слабой валютой, обычно удеше-

вляется благодаря правительственным субсидиям. Этот подарок потребителю выпадает в такой же мере на долю иностранца с толстой кошелькой, как и на долю нищего обывателя. Железные дороги Германии и Австрии работают с миллиардными дефицитами. Поэтому, на каждую пассажиро-версту правительству приходится порядочно докладывать. В конечном счете эти государственные субсидии ложатся тяжестью на весь народ путем налогов или резким повышением тарифов. Поэтому поощрение в'езда иностранцев, рекомендуемого странам с слабой валютой в качестве целебного средства, имеет свою обратную сторону. Исцеления надо ждать не от прилива тысяч иностранцев и не от уравнивания внутренних цен с ценами мирового рынка, но только от оздоровления и укрепления собственных хозяйственных сил.

5. Двудликий характер валют и обособление национальных хозяйств ¹⁾.

Если бы кто-нибудь в июле 1914 года предпринял путешествие на луну и сейчас вернулся бы оттуда, то он не мог бы понять характера внешней торговли на нашей планете; но если бы он в то время совершил путешествие только к нашим антиподам, то он давно уже почувствовал бы на себе происшедший переворот. Нет ни одного блаженного местечка на земном шаре, которое не было бы залито бурными волнами валютных колебаний. Валютный крах проявил свое действие, разрушительное для всей мировой торговли, а вместе с тем и на все производственные отношения, вплоть до самых отдаленных уголков земли.

Но чтобы довести до абсурда существующее положение вещей, эта эпидемия лихорадки, то взвинчивающей кривую движения торговли вверх, то бросающей ее вниз, встречается с другой силой, которая не ослабляет или успокаивает этой лихорадки, но действует толчками с той же внезапностью и с тем же отсутствием расчета, а именно — с настойчивым желанием всеми средствами повысить собственный вывоз и, напротив, сократить ввоз из чужих стран.

В основе этого стремления лежат две причины, которые гонят все народы мира в этом нездоровом направлении и тем самым к бешеной конкуренции друг с другом: хозяйственный развал, который находит выражение в ухудшении торговых балансов и других несомненных признаках обеднения — и

¹⁾ Я употребляю термин „национальное хозяйство“ главным образом для выражения хозяйственных отношений во-вне, а „народное хозяйство“ преимущественно в смысле хозяйственных процессов, отношений и сил внутри страны.

бедственное состояние государственных финансов, которое вызывает усиленное давление налогового прессы и естественное желание извлечь возможно большую прибыль из экспортной торговли. Если бы все народы одновременно действовали таким образом, то мировая торговля прекратилась бы.

Некоторые народы стали валютными нищими и оказались предоставлены произволу других народов, с более крепкой валютой, обладающих теперь неограниченной возможностью распоряжения мировым кредитом. Но последние, равным образом, не испытывают от этого большой радости. Роковая ошибка думать, что богатство дает только удовольствия.

Мы попытаемся разобраться в чрезвычайно запутанном клубке этих явлений, установив сперва их причины, а затем—следствия.

А. Причины.

1. Расстройство мировой торговли вследствие разницы в валютах.

До войны, вопреки борьбе за мировые рынки, существовало нечто вроде международной экономической солидарности. Теперь внешняя торговля поневоле носит характер не хозяйства, а какой-то игры.

Главная причина такого явления — крах валют. Все торговые сношения, переросшие стадию меновой торговли, построены на системе кредита, для которого народы постепенно придумывали все более тонкие и усовершенствованные методы. Начиная с металлических денег, которые со времени их изобретения в VII веке до Р. Х. казались народам древности даром богов, денежное обращение, а затем и кредитное обращение, создавали все более усовершенствованные средства для развития денежных меновых сделок между отдельными хозяйствами различных государств. Для возможности менового оборота необходима была известная устойчивость платежных средств. Желание придать возможно больше прочности деньгам внутри страны еще больше усилилось с развитием внешней торговли. Каждая война и каждая революция колебали устойчивость денег, но именно поэтому принимались

все меры к их скорейшему восстановлению. Глубокие потрясения, которые испытала внутренняя стоимость денег и соотношения валют при французской революции и наполеоновских войнах, пробудили у руководящих торговых народов, особенно у Англии, их старые желания: британская валютная политика с тех пор постоянно руководилась стремлением создать самую устойчивую валюту в мире. Поэтому, кто желает стать во главе мировой торговли или принять в ней деятельное участие, должен позаботиться, чтобы колебания стоимости его денег как внутри страны, так и за границей, были заключены в самые тесные пределы.

Такого положения достигло большинство народов до мировой войны. Магнитная стрелка их валюты двигалась лишь между двумя близко лежащими одна от другой золотыми точками. Но благодаря войне, девизные курсы разошлись между собой, а после перемирия это зло приняло огромные размеры. Не только стоимость денежных знаков побежденных государств упала и обнаружила невероятное расхождение с более крепкими валютами, но и валюты государств-победителей сильно разошлись между собой. Через год после перемирия на швейцарских биржах обнаружилось дизажио для всех валют стран-победительниц, кроме северо-американского доллара. При обмене на швейцарскую валюту английского фунта надбавка сверх паритета составляла 11%, французского франка — 70%, а чешской кроны даже 870%. Швейцарский курс составлял для:

	Стоимость мирного времени	12 ноябр. 1919	Обесценение в процентах	Дизажио в про- центах
Чешской кроны	105,—	10,80	— 81	+ 870
Итальянской лиры	100,—	43,50	— 56,50	+ 130
Французского франка	100,—	58,50	— 41,50	+ 70
Бельгийского „	100,—	64,—	— 36,—	+ 56
Английского фунта	25,22	22,75	— 9,8	+ 11
Северо-Американск. доллара .	5,18	5,5	+ 6,4	— 6

Это расстройство валют должно было оказать глубочайшее влияние на весь хозяйственный оборот между народами. Ни одна валюта не стояла более на прежней высоте. Так как значительные расхождения обнаружили и равнозначные валюты (как французский, швейцарский и бельгийский франк, а также итальянская лира), то не только товарный оборот между этими странами, но и все вообще хозяйственные отношения (передвижение людей, денег, капиталов, почтовая связь), подверглись чрезвычайному расстройству.

В качестве примера можно привести некоторые катастрофы с капиталами, происшедшие благодаря валютному расстройству. В пограничных с Швейцарией общинах Форарльберга большая часть недвижимости, вследствие оживленных сношений с Швейцарией, обременена долгами в франках. В виду падения курса кроны, все швейцарские кредиторы, в том числе многие банки, потребовали у форарльбергских должников погашения их ипотечных долгов. Благодаря разнице в курсах, целые общины стоят поэтому перед угрозой разорения. С другой стороны, вследствие падения иностранных валют, многие кредитные учреждения Швейцарии выявили столь пассивный баланс, что Союзный Совет был вынужден издать распоряжение, разрешающее банкам показывать в балансах их заграничные активы не в обесцененной валюте, но по их номиналу, с обязательством погасить происшедшую фактически потерю в 20-летний период времени. Конечно, фирмы, желающие воспользоваться этой льготой, должны пойти на известное сокращение своих дивидендов.

Таким путем надеются избежать чувствительного потрясения кредитного дела и доверия или, по крайней мере, помешать дальнейшему распространению финансовой катастрофы. Все же часть банковских учреждений в Швейцарии уже потерпела крах вследствие подобных валютных гримас (напр., ссудная касса Энге в Цюрихе, а также в Дисенгофене, Эрматингене, Эшенце и Штейне на Рейне). Это все пограничные финансовые учреждения, которые вкладывали значительную часть своих денежных средств в Германию и в соседние области Австрии. Пример: все имущество общины Штейн на Рейне, которая, согласно учредительного устава тамошней

ссудной кассы, отвечает за ее обязательства всем своим достоянием, составляет всего лишь 1—1½ миллиона франков. Но благодаря падению иностранной валюты, эта ссудная касса потеряла не только свой основной капитал и весь запасный фонд, но еще показывает дефицит в 7 милл. франков. Тут будет, вероятно, оказана помощь со стороны государства.

Расстройство и колебания валют вызвали подобные же бедствия во всем мире. Так, Бельгия терпит убытки благодаря низкому уровню итальянской валюты. Целый ряд городских железных дорог в итальянских городах (Болонья, Катания, Флоренция, Ливорно, Милан, Бергамо, Палермо, Турин, Верона и т. д.), сооруженных бельгийскими предприятиями, находится в тяжелом положении, главным образом, вследствие разницы в валютах, а также вздорожанию угля и заработной платы. Многие из этих предприятий не в состоянии оплачивать проценты по своим твердо-процентным долгам (облигациям), размещенным, большей частью, в Бельгии. Поэтому, бельгийские предприятия в Италии об'единились в консорциум «Groupement des sociétés belges de Tramways et de Chemins de fer en Italie», и пред'явили итальянскому министру иностранных дел через посредство бельгийского посланника ноту, в которой предлагается правительству или общинам взять в свои руки означенные предприятия.

II. Подрыв мировой торговли вследствие валютных колебаний.

Некоторые оптимисты ухитрились найти благоприятную сторону в бедственном состоянии валюты: оно-де действует в качестве «экспортной премии». Мы уже показали, насколько неправильно это положение. Здесь мы рассмотрим, какие торгово-политические последствия вызывает каждое новое судорожное движение валюты.

Когда местная валюта падает, т.-е. уменьшается ее покупательная способность по ту сторону границы, то, казалось бы, должна возрасть за границей жажда к покупкам. Однако, этого отнюдь не бывает в такой общей форме. Подобное допущение неправильно, главным образом, по двум причинам. Прежде всего, падение цен, которое обнаруживается на за-

граничных рынках по отношению к экспортным товарам страны с слабой валютой, вызывает у покупателя мысль: через два-три месяца он купит тот же товар, быть может, еще дешевле. Во-вторых, вывоз товаров по общему правилу совершается не путем непосредственной передачи товара от местного производителя к заграничному потребителю, но через посредство по меньшей мере одной торговой фирмы, а обычно нескольких фирм. Но если импортная фирма закупила товары по определенному вексельному курсу, а этот курс продолжает падать, то ей остается лишь закупить новые товары, ибо падение курса сейчас же становится известно всему миру, и обесценение валюты удешевляет товары, так что прежний товар ей приходится продавать в убыток или задержать на своих складах. Так, во второй половине 1920 г. состояние валюты в Британской Индии было главной причиной всеобщего затора в деловом мире. Товары, которые были куплены при курсе рупии в 2,3 шиллинга, при дальнейшем падении рупии до 1,8 шилл., можно было продать лишь с большим убытком. Во многих случаях это повело к аннулированию договоров, ибо купцы стали по мере возможности задерживать свои товары в ожидании улучшения валюты ¹⁾).

Недавно Фридрих фон-Сименс дал поучительный пример, насколько затруднительна калькуляция при колеблющейся валюте. В конце января 1920 года, его завод купил в Америке медь по цене около 47 милл. марок за 1.000 тонн. Когда медь была погружена и прибыла в Германию (это отняло около 8 недель), стоимость ее упала почти до 27 милл., а когда через несколько месяцев изготовленные из этой меди аппараты и инструменты поступили в продажу, стоимость ее составила всего 17 милл., осенью цена поднялась до 20 милл.

Для уменьшения риска, который грозит благодаря подобным колебаниям цен, многие предприятия перешли к тому, что перестали вести расчеты с заграницей таким опасным способом, но часть вырученных за экспортированные товары сумм оставляли в иностранном банке или в своей же

1) Wirtschaftsdienst, 17 XII 20.

стране в иностранных девидах. В случае дальнейшего обесценения германских денег, можно при помощи иностранных денег, обладающих гораздо большею покупательной силой, купить значительно больше сырья или полуфабрикатов. Но эта система явно ведет к спекуляции.

Но когда, действительно, возникает экспортная премия для отдельных частных хозяйств или даже для целой отрасли промышленности, то последствия легко вызывают положение вещей, имеющее подозрительное сходство с хозяйственной деморализацией. Не остается и следа от всех коммерческих добродетелей. В твердой надежде на грядущие барыши от расхождения между собственной и иностранной валютами, невозможные на внутреннем рынке, производитель отвыкает от калькуляции.

Поэтому, частно-хозяйственная экспортная премия грозит деморализацией производственных отношений внутри страны. Рядом с этой опасностью стоит боязнь «dumping»'а, который заграничные промышленники видят в низких ценах своих конкурентов. Это ведет к ожесточенной борьбе, к торговой вражде, к замыканию рынков, к таможенным барьерам. Вместо экспортной премии получается валютная блокада.

III. Плохие финансы и принудительный вывоз.

Невероятное увеличение задолженности всех участвовавших в войне стран, составляющей в совокупности около 800 миллиардов золотых марок, вызвало расстройство финансов, с которым не в состоянии справиться большинство этих государств. Печатный станок работает во- всю, как будто перепроизводством платежных средств можно помочь нужде в деньгах. Вместе с тем, налоговый пресс нажимают с такой силой, что у налогоплательщика захватывает дух. Самое худшее то, что правительства и парламенты, в поисках новых источников налогов, по общему правилу прибегают к чисто механическим приемам и тем убивают производительные силы, а с ними и стремление к бережливости, что наносит двойной ущерб народному хозяйству.

Понимая, что таким путем дальше идти нельзя, государства ищут на ряду с этим и других ресурсов. В Германии проектируется участие государства в крупных промышленных и торговых предприятиях, примерно в таком виде, что все акционерные предприятия увеличивают свой капитал и безвозмездно передают государству новые акции; это означает разжижение капитала, которое уменьшит дивиденды прежних акционеров (что может отразиться и на цене акций) и вместе с тем окажет инфляционное действие на валюту и на цены.

За последние годы, время от времени раздаются голоса о необходимости участия государства во внешней торговле как путем финансирования ее, так даже и управления ею. Так, государство в Бельгии, а также во Франции, выразило готовность частично финансировать экспорт за границу.

Тем самым торговая политика переходит в новую стадию, или, вернее, возвращается к эпохе меркантилизма. Вывоз за границу, поощряется всеми средствами. Чем большие затруднения он встречает, тем сильнее должно быть вмешательство государства. В виду того, что производительные возможности французской текстильной индустрии (после аннексии Эльзас-Лотарингии) превышают нормальные возможности страны, государство желает облегчить ей сбыт ее продукции за границу и вместе с тем обеспечить ее от непостоянства валюты. В циркуляре французского министра торговли говорится ¹⁾:

«Для смягчения промышленного кризиса и для облегчения сбыта французских фабрикатов за границу, в моем департаменте выработан проект, который дает право государству при известных обстоятельствах гарантировать выполнение французскими промышленниками, заключенных ими с определенными странами сделок а в особенности обеспечить их от риска, связанного с неустойчивостью валюты. Этот проект предусматривает образование крупных промышленных и коммерческих группировок, которые должны находиться в тесном сотрудничестве с банковской организацией, каковая от имени

¹⁾ „Frankfurter Zeitung“ от 5 VIII 21.

государства должна будет давать гарантию добросовестности исполнения».

В результате этого, «Union Française des Filateurs de laine peignée» предполагает основать общество с капиталом в 5 миллионов франков для экспорта всех видов товаров из камвольной пряжи на предусмотренных министерством условиях.

Это непосредственное вмешательство государства в экспортную торговлю можно поставить рядом с попытками отдельных бразильских штатов поддержать производство кофе путем валоризации. Но валоризация происходит в собственной стране и имеет отношение к будущему сбыту на мировых рынках лишь постольку, поскольку она стремится помешать слишком резкому падению мировых цен на кофе, — между тем как новые тенденции бельгийского и французского государств направлены на непосредственное поощрение вывоза (сначала в определенных отраслях промышленности). Это хозяйственный империализм в чистом виде. Само собой разумеется, что в результате и за границей возникнуть такие же тенденции. Если этот пример найдет подражателей, то начнется такая борьба за завоевание иностранных рынков, что она оставит далеко за собой торговую конкуренцию довоенного времени.

IV. Поощрение конкуренции благодаря торговым балансам.

Торговые балансы почти всех стран обнаруживают в годы военной конъюнктуры, а еще в большей степени позднее, лихорадочное состояние, свидетельствующее о болезни современной мировой торговли.

Пока кривая торгового баланса шла в направлении повышения его активности, как это имело место в 1915—19 годах для большинства не участвовавших непосредственно в войне государств, ничего нельзя было против этого возразить. Тогда не думали, что по непреложным законам хозяйственной жизни должна будет произойти реакция. Еще менее ожидали того, что, если она когда-нибудь наступит, то проявится в такой ужасающей форме. Разницы в ценах на продовольствие, сырье и готовые фабрикаты, привели торговые балансы всех

стран к сильнейшим колебаниям, ибо вместе с падением цен началось постепенное обнищание Европы. Часто активность баланса катастрофически превращалась в пассивность.

В заботах о более благоприятном торговом, а, следовательно, и платежном балансе, большинство государств принимают энергичные меры к ограничению ввоза и увеличению вывоза. Совершенно ясно, что подобная система может быть осуществлена, пожалуй, небольшим количеством государств, но никак не всеми странами мира одновременно, без того, чтобы не обострить зло до невозможной степени. Не приведет ли этот эксперимент к тому, что мировое хозяйство пойдет назад и каждое государство превратится в замкнутую, себе довлеющую хозяйственную единицу? Это невозможно — или мыслимо лишь при болезнейшей шнуровке хозяйственной структуры отдельных государственных организмов, которая всегда сопровождается самой ожесточенной социальной борьбой или даже приводит к хозяйственной гибели многих стран.

Несмотря на это, почти все государства стараются подхлестывать собственный вывоз, и, напротив, возможно основательнее ограничить иностранный ввоз. Заграничный импорт рассматривается, как излишний, если не вредный; он должен быть сокращен для приведения торгового баланса в более благоприятное положение. Дефициты государственного бюджета и платежного баланса стараются покрыть сокращением до минимума иностранного ввоза, а активность баланса создать поощрением вывоза.

Раньше, если нельзя было добиться этого другим путем, применяли положение: «Неволей или волей, а будешь ты мой!». Стоим ли мы сейчас в начале подобного перехода? Но сейчас нет надобности прибегать к тому, что проделывалось при ввозе опиума. В эпоху «мирных» документов 1919 года, которые вылили в железные формы планомерное хозяйственное порабощение безоружных народов, не трудно найти средства, чтобы заставить государство против его воли закупать иностранные товары.

Поэтому, вынужденный экспорт, от которого в настоящее время едва ли думает отказаться хотя бы одно

государство, должен привести к ожесточеннейшей конкурентной борьбе на мировом рынке. Все страны жадно стремятся к быстрому и прочному завоеванию иностранных рынков сбыта. В противоположность этому, надо подчеркнуть, что, хотя за 15—20 лет до войны важнейшие государства и достигли увеличения своего вывоза, однако, это увеличение шло замедляющимся темпом. А именно, средняя годовая стоимость вывоза росла в процентном отношении ¹⁾.

	1914—1908 гг. по сравнению с 1899—1903 гг.	1909—1913 гг. по сравнению с 1904—1908 гг.	1914—1918 гг. по сравнению с 1909—1913 гг.
Великобритания	27,9	22,6	5,8
Германия	37,8	29,0	—
Соед. Штаты	25,2	21,3	127,1
Франция	21,9	19,2	22,1
Италия	24,4	23,3	12,6
Австро-Венгрия	16,5	12,1	—

Б. Следствия.

1. Экспортные затруднения стран с крепкой валютой.

Когда голландские девизы стояли высоко, в Голландии этому радовались. В стране, валюта которой высока, сначала всегда царит тщеславное самолюбование. Но эта радость непродолжительна. Чем глубже падали германские девизы, тем труднее становилась для Голландии и всех других государств с «благородной валютой» возможность сбыта их товаров в Германию. Вексельный курс является решающим обстоятельством для покупательной способности нации по отношению к загранице. Если он слишком сильно обесценен, то происходит закупорка товарного оборота с странами более высокой валюты.

¹⁾ Hübners Geogr. — Statist. Tabellen. 66 Ausg. 1921, стр. 144.

В этом убеждаются теперь все страны — одна за другой. На одной стороне — обнищание, на другой — сперва повышенная покупательная способность и рост благосостояния, а затем — падающая возможность продажи товаров, кризисы сбыта, банкротства, безработица. Характерно, что в Соединенных Штатах (и в Японии) уже в середине 1919 года стал намечаться кризис. В августе 1919 г. американский фермер получал за своих свиней по 23,10 доллара за центнер, а в конце октября — только 13,25. Фермеры послали депутацию в Вашингтон, чтобы разъяснить правительству, что им грозит разорение, если не будут приняты меры к поощрению внешней торговли, и этой торговле не будет оказана необходимая финансовая поддержка. Некоторые кредиты были даны, но они были слишком незначительны, чтобы помочь злу. Следствием было то, что некоторые отрасли хозяйства в Соединенных Штатах (напр., работающие на вывоз бойни в Чикаго) в 1920 г. временно приостановили вывоз — в надежде, что курс девиз, как будто чрезвычайно благоприятный для Америки, несколько упадет. Падение цен в Северной Америке находилось в тесной связи с этим прекращением вывоза. Сотни тысяч тонн товаров, главным образом продовольственных, вместо иностранных рынков, были брошены на внутренний рынок. При нормальном положении мирового рынка, северо-американские экспортные товары не были бы насильственно оторваны от своих обычных путей и не скопились бы в таких огромных количествах, которые привели в конце года к неудержимому падению цен.

Печать принесла три известия из Голландии, освещающие, подобно молнии, положение вещей. Первое сообщение из Веесп: «Вследствие низкого уровня иностранной валюты, известная фабрика какао Ван-Гутена временно приостановила производство». Второе — из Флаардингена: «В виду скверного положения дел и еще худших видов на будущее, объединение торговцев сельдями было вынуждено ликвидировать свое дело. Служащие и рабочие получили предупреждение за две недели вперед». Третье сообщение (из Фрисланда) — в марте 1920 г., гласит: «в настоящее время многие крестьяне откармливают

своих свиней сыром, который они покупают у фабрик по очень низким ценам, в виду слабого вывоза. Это для них вдобавок выгодное дело, ибо свинина дорога».

II. Боязь импорта в странах с крепкой валютой.

Все страны с сильной валютой жалуются теперь на слишком дорогой ввоз из одних стран, на слишком дешевый ввоз из других. Голландская государственная комиссия по борьбе с дороговизной указала в сентябре 1920 г. на высокий лаж, созданный для американского доллара и аргентинского пезо (около 25% для доллара, а для пезо еще больше). Комиссия делала вывод, что, если обесценение голландских денег будет таким же образом продолжаться, то оно безусловно окажет серьезное влияние на повышение цен в Голландии. — Равным образом, и в Норвегии осенью 1920 г. возникло сильное движение в пользу уменьшения потребления и противодействия таким путем пассивности баланса. Был организован союз для уменьшения потребления, который обязал своих членов в течение ближайшего года жить возможно скромнее и экономить на потреблении ввозимых товаров.

Так создалось удивительное положение для всех стран с дуэльной валютой (так я называю страны с валютой, которая по отношению к одной группе государств является более высокой, а по отношению к другой — более низкой): бояться ввоза как из стран с более высокой, так из стран с более низкой валютой. В первом случае возникает опасность, что, вследствие дороговизны ввозимых товаров, слишком много денег утечет за границу, а во втором случае, что дешевые иностранные товары явятся угрозой отечественной промышленности как на внутреннем рынке, так, еще в большей степени, на иностранных рынках. Тотчас же поднимается отчаянный крик по поводу заграничного «dumping'a», как бы неоснователен ни был подобный упрек. А недолго спустя, для иностранных товаров по возможности закрываются границы.

Это часто происходит теперь с германским вывозом. Уже в середине 1919 года в Швейцарии жалова-

лись на германский «ввоз за бесценнок» (в особенности, по отношению к мебельной и пивоваренной промышленности). Год спустя, союз шведской кирпичной промышленности сообщил, например, что последняя, вследствие увеличения германской конкуренции, находится в очень тяжелом положении: германские цены ниже себестоимости шведского кирпича. Также и германские бумажные фабрики так дешево поставляли свой товар за границу, что во многих государствах (напр., в Швеции, Соедин. Штатах, Швейцарии), был воспрещен дальнейший ввоз германской бумаги.

В Соединенных Штатах протекционисты рвут и мечут по поводу германского ввоза «за бесценнок». Но как так? Разве Германия, несмотря на свою бедственную валюту, не покупает у Соединенных Штатов значительно больше, чем сбывает туда? В тот самый период времени, когда Соед. Штаты стонали от мирового кризиса и уменьшили (в 1920—1921 г.) свой вывоз: в Великобританию и Ю. Америку на половину, в Бельгию — более, чем на половину, во Францию, Голландию и Канаду — на треть, в Азию — даже на 40%, — в этот самый период Германия увеличила свои покупки в Штатах с 253 до 351 миллиона долларов. А продала она Соединенным Штатам в 1920 году лишь на 83, а в 1921 г. даже всего на 73 миллиона долларов. Это составляет для первого года всего одну треть продаж по сравнению с покупками, а для второго года даже одну пятую. Но обычно, крикуны против dumping'a не очень интересуются цифрами. Там, где это течение побеждает, там торжествует коммерческая вражда. Так, если я не ошибаюсь, Соединенные Штаты отказались от двадцати с лишним торговых договоров.

В сущности, само собой понятно, что германский ввоз в некоторые страны должен повыситься. Это не может быть иначе, раз Германия во время войны и еще долгое время после перемирия, благодаря мероприятиям экономической блокады, была отрезана от многих стран. Когда же ворота начинают нерешительно вновь раскрываться, то все те импортеры — а их число весьма значительно — которые желают покупать германские товары, вновь завязывают прежние отношения. С этой точки зрения надо подходить к возрожде-

нию германского ввоза в Индию, который так огорчает Коммерческого Уполномоченного для Индии и Цейлона. В 1921 г. германский вывоз в Индию достиг $4\frac{1}{4}$ миллионов фунтов стерлингов, при чем первое место занимали красильные вещества (1,2 мил.). Несомненно, что британская красильная промышленность, напр., анилиновая и ализариновая, теряет на этом 40—50%. Но причина тут не столько в германском вексельном курсе, сколько во внутренней слабости английской красильной промышленности, в чем во время войны она сама никогда не сомневалась. В настоящее время предполагается соглашение с германской красильной промышленностью.

III. Боязнь перед „dumping'om“.

Во многих странах законодательные учреждения заняты разработкой законопроектов, направленных против иностранного дешевого ввоза. Но ни самые высокие таможенные барьеры, ни драконовские запрещения ввоза не в состоянии бороться с тем злом, из которого вырастает вся проблема: с нарушением нормальных торговых отношений между народами вследствие расстройств и почти небывалых колебаний вексельных курсов.

До 1914 года в борьбе наций за мировые рынки не было, пожалуй, более тяжелого упрека, чем обвинение в dumping'e. Ввоз за бесценок вызывал ненависть, ибо он представлял недопустимую форму конкуренции. В свое оправдание экспортная индустрия приводила то обстоятельство, что в периоды застоя в делах она вынуждена продавать за границу свои товары даже ниже себестоимости, если не желает приостановить производство. До войны ничто, кажется, так не отравляло хозяйственной атмосферы, как факт или только подозрение «dumping'a». И теперь во всем мире кричат и жалуются на иностранный dumping. А между тем, дело обстоит совершенно иначе: тут нет того, что собственно означает понятие dumping'a, т.-е. дешевой продажи ниже себестоимости вывозящей страны,

но происходит сбыт по более дешевым ценам, чем продажные цены импортирующей страны.

Ясно: подобный ввоз возможен лишь благодаря расхождению валют. Эти же товары в месте их производства бывают иногда так невыносимы дороги, что не находят у себя в стране покупателей: несмотря на это, они могут быть слишком дешевы в стране с более высокой валютой. Если печатная бумага производится в Германии при помощи дорогого американского угля, то ее продажная цена становится столь высокой, что в самой Германии эта бумага не может найти достаточный сбыт. Но та же самая германская бумага может быть продана на американском рынке, несмотря на прибавку транспортных расходов, так дешево, что ни одна американская фабрика не может с нею конкурировать.

Понятно, что промышленники стран с сильной валютой требуют закрытия границ перед таким ввозом, который они считают слишком дешевым, ибо сами не в состоянии равняться по этим ценам. Не с меньшей ненавистью они относятся к «dumping'у» обедневших стран на иностранных рынках, закрытие границ которых не в их власти, ибо дешевая конкуренция ограничивает для них возможность сбыта своих товаров. Так, северо-американская газета «The Iron Age» жаловалась, что при высоком уровне доллара вывоз машин для обработки металлов из Соединенных Штатов чрезвычайно затруднен, и именно вследствие дешевых германских поставок прежним европейским клиентам Америки, и что подобное же распространение германской конкуренции наблюдается в Голландии и Италии, в Швейцарии и во Франции.

IV. Действительный „dumping“.

А все же есть и действительный «dumping». Но он исходит, большей частью, из стран более высокой валюты. Ибо только они заинтересованы в том, чтобы продавать и же издержек производства, так как в противном случае они потеряли бы возможность сбыта в страны более низкой валюты. Им пришлось бы тогда на собственный капитал

основать в этих странах фабрики. Но к этому методу прибегают редко в виду слишком больших расходов, а также и по другим причинам (для основания новых фабрик требуется большой капитал, который вкладывается на долгое время). Больше всего этим методом пользовалась Швейцария. Ее экспортеры избегают вывоза ниже себестоимости.

Но последний применяется в широких размерах Англией и Францией. Великобритания систематически применяет dumping для поощрения вывоза своего угля, а также для укрепления своей экспортной промышленности.

Франция еще более ретиво применяет dumping при помощи государства. Так, весной 1922 г., лотарингский чугун массами вывозился в Германию. Заводские склады были так переполнены, что отправка происходила без всяких задержек. Заграничная цена, в зависимости от сорта, была определена в 395—410 франков, в то время, как цены внутреннего рынка составляли 450—475 фр. Разница объясняется экспортной премией, которую получают французские заводы от своего правительства.

Наконец, Германия применяет настоящий dumping, но лишь в отношении вещей и услуг, которые выжимаются из нее на основании Версальского договора. Она вынуждена предоставлять эти товары и услуги далеко ниже себестоимости, а именно совершенно бесплатно. Это давит на мировые рынки в направлении понижения цен, а вместе с тем ухудшает курс марки, ибо германское правительство должно в этих случаях оказывать соответственным элементам финансовую поддержку. Марка, поэтому, катится все глубже в пропасть и тем самым вызывает неслыханную и зловещую распродажу во всемирно-хозяйственном масштабе.

В. Меры и замыканию национальных хозяйств.

1. Препятствия к вывозу.

В то время, как страны с высокой валютой забавляются тем, что воздвигают высочайшие таможенные барьеры против ввоза, валютные нищие хватаются за отчаянное средство

запрещения вывоза. Когда иностранные девизы внезапно поднимаются на несколько десятков или даже на 100%, то распродаваемый оптом и в розницу стране ничего не остается, как установить строгий запрет вывоза определенных товаров. В противном случае, в какие-нибудь две недели вся страна, особенно пограничные области, будет совершенно опустошена, как после налета саранчи. Это много раз случилось с Германией, Австрией и Венгрией. Их нельзя осуждать за распоряжения о запрещении вывоза продовольствия, тканей, одежды, мебели и предметов домашнего обихода.

Иначе следует оценивать запрещения вывоза, диктуемые политической или торгово-политической враждой. Особенно тяжело страдала от этого почти два года Австрия. Не будучи в состоянии сама производить необходимые средства питания, отрезанная от важнейших своих областей, составлявших ее аграрные резервы, Австрия принуждена была закупать продовольствие у новых государств, которые дали ей почувствовать свое враждебное настроение. Если бы не помощь Америки, Австрия буквально умерла бы с голоду.

II. Препятствия к ввозу.

Страны с слабой валютой склонны делать попытки предупредить дальнейшее обесценение денег путем запрещения ввоза «предметов роскоши», или установления на товары этого рода устранивающие высокие таможенных пошлин. Но что является предметом роскоши? Относятся ли к ним, например, какао, бритвенные ножи, товары хорошего качества для личного потребления? Все это мучительно спорно.

С точки зрения мирового хозяйства большее значение имеют запрещения ввоза в страны с крепкой валютой.

В 1919 г. Швейцария была вынуждена принять меры против германского ввоза, ибо исключительная депривизна германских товаров (на швейцарские деньги!) явилась серьезной угрозой местной промышленности. Чем глубже

падали германские вексельные курсы, чем более обесценивалась также и французская валюта, тем большая опасность возникала для швейцарской промышленности. Те отрасли ее, которые работали на экспорт, возлагали большие надежды на окончание войны и связанное с этим снятие блокады. Но благодаря расстройству валют и все более резкому расхождению вексельных курсов, эти надежды потерпели горькое разочарование. Если раньше национальному самолюбию льстила мысль, что благодаря превосходству своей валюты нация богатеет из года в год, если швейцарец, выступая в качестве покупателя в стране с более слабой валютой, чувствовал себя прямо Крезом, то лишь теперь поняли, что переплетение хозяйственных отношений народов до 1914 года было неразрывно связано с солидарностью денежных рынков и что разрушение последних является чувствительной угрозой также и благосостоянию наций с высокой валютой.

Так, многие государства пришли к мысли о необходимости защитить себя от ввоза из стран с слабой валютой путем ограничительных мер. Они заключались либо в повышении таможенных пошлин, либо в таможенных надбавках на товары, ввозимые из стран с более слабой валютой, либо в сооружении искусственной системы запрещения ввоза.

Например, были установлены валютные надбавки в Югославии, где министру финансов было предоставлено королевским указом 16 июля 1921 г. право «в случае стеснения местной промышленности благодаря ввозу из стран с обесцененной валютой, устанавливать прибавки к таможенным пошлинам, соответствующие разнице между собственной валютой и иностранными».

Швейцарский Союзный Совет в феврале 1922 г. внес в Национальное Собрание проект о продлении действия федерального закона от 18 февр. 1921 г. Обоснованием для упрочения протекционистской экономической политики послужило, главным образом, единодушное заявление охраняемой до того времени швейцарской промышленности, что отмена импортных ограничений повлечет за собой самые роковые последствия.

Подобные устремления, с точки зрения народно-хозяй-

ственной, могут быть необходимы или вредны. Мы должны признать их необходимыми в тех случаях, где, как в Швейцарии, целые индустрии лишились бы сбыта, если бы потребности страны покрывались товарами, ввозимыми из-за границы по ценам дешевле себестоимости в данной стране. Напротив того, их следует считать вредными, если за ними скрываются своекорыстные виды.

Последнее бывает в двух случаях. Иногда промышленные и торговые круги, заинтересованные в реализации своих товаров по ценам, соответствующим их жажде преувеличенной прибыли, противодействуют необходимому с народно-хозяйственной точки зрения снижению цен, которое неминуемо должно последовать благодаря ввозу более дешевых товаров. В парламенте и в печати эти круги будут, конечно, прикрываться интересами народного хозяйства и отрицать возможность снижения цен. Часто бывает, что упреки и крики против *dumping'a* поднимаются лишь для того, чтобы удержать на чрезмерной высоте цены внутреннего рынка; примером является введенный весной 1920 года новый японский таможенный тариф или требования красильной и химической промышленности многих стран, которая была насаждена во время войны вследствие насильственного устранения германского ввоза, большею частью, при помощи правительства. Теперь, в свободной атмосфере международной конкуренции, эта промышленность чувствует себя весьма неважно. В Японии, в Англии, в Северной Америке, красильная промышленность громче всех кричит о немецком «*dumping'e*». — В начале 1920 года председатель национального союза английских промышленников заявил на банкете игрушечных фабрикантов, что предполагается устроить выставку, с целью обнаружить вред для английской промышленности, вытекающий из низкого состояния германской валюты. Эта выставка была «секретной», и доступ туда был разрешен лишь членам парламента. Другой участник банкета заявил, что в 1921 г. английская игрушечная промышленность должна будет окончательно погибнуть, если не удастся поднять германскую валюту. В настоящее время, вследствие германской конку-

ренции, из 30.000 рабочих игрушечных фабрик — 22.500 безработных ¹⁾).

А как хорошо можно заработать на таможенно-политических мероприятиях! В Соединенных Штатах существовал форменный анилиновый американизм. Он требует, чтобы американская красильная промышленность при всех обстоятельствах была бы ограждена от иностранной конкуренции и чтобы меры, принятые во время войны, не были отменены. Удивительные вещи разыгрались в недрах созданной тогда «Chemical Foundation». Управляющий иностранными имуществами (Alien Property Custodian), уступил этому обществу огромное большинство (около 4.500) германских патентов, на которые был наложен во время войны арест, за сумму всего на всего в 250.000 долларов. Скандал, вызванный этим, слишком известен, чтобы надо было на нем останавливаться. Несмотря на это, Chemical Foundation имеет наглость требовать, чтобы все осталось по старому и чтобы и в дальнейшем иностранная конкуренция была устранена невероятными таможенными пошлинами.

Из массы подобных, если и не столь бросающихся в глаза фактов, назовем еще один. На происходивших в апреле 1921 г. в Сицилии автомобильных состязаниях, на которых имели большой успех австрийские фирмы Austro-Daimler и Steyr с своими машинами, не было ни одного автомобиля с австрийскими пневматическими шинами. И вот, пневматическая промышленность, желая заставить австрийских автомобилистов употреблять австрийские шины, требует защитительной пошлины в 30 — 50 тысяч крон за каждую шину.

Новое падение германской валюты летом 1921 г. еще более усилило во всех странах с более высокой валютой стремление задушить ввоз. Там, где мало-помалу приспособились к определенному уровню германской марки и сообразно с этим вели свою калькуляцию при дальнейших торговых сношениях, все полетело кувырком. А так как за это время уже накопился порядочный опыт в отношении последствий слишком дешевого ввоза, то страх перед

¹⁾ „Deutsche Allgemeine Zeitung“ от 3 ш 21,

dumping'ом стал так велик, что падение германских девиз, вызывавшее в Англии восторг еще в 1919 году, произвело настоящую панику. Лишь те страны считают себя в безопасности от этого нового бедствия, которые (как, напр., Канада), уже провели анти-дмпинговые законы, и к тому же такие законы, которые рассчитаны на борьбу со всяким новым обесценением иностранной валюты.

Согласно канадского анти-дмпингового закона, размер пошлин на ввозимые товары должен быть сообразован с нормальной стоимостью, издержками производства, с прибавлением достаточной прибыли. Но что такое «нормальная стоимость»? Что означают «издержки производства»? Что такое «достаточная прибыль»? Все это загадки для экономиста; а парламентарий мало беспокоится об этом. Он думает, что имеет перед собой твердые величины или, по крайней мере, величины, которые можно точно установить, в то время, как употребляет понятия, означающие исключительные изменчивые категории, большей частью совершенно неустойчивые.

Далее, Канада, в качестве дополнения к своему таможенному закону, установила валютную оговорку, согласно которой все страны, валюта которых обесценена более, чем на половину, должны переводить в канадскую валюту фактуры на ввозимые в Канаду товары лишь в половинной сумме. В 1921 г., под это постановление, кроме Австрии и Германии, попала еще и Италия. Но спустя год — кто может знать? — в эту волчью яму попадет еще много стран. Фактически, это постановление означает не только ограничение, но совершенное прекращение ввоза из стран слабой валюты. Летом 1921 года канадский доллар стоял почти в 10 раз выше германской марки. Канадский импортер, который, естественно, старается покупать в германской валюте, должен, таким образом, при ввозе уплатить пошлину, превышающую нормальную в 20 раз. Интересно также рассмотреть, как обстоит дело с валютой, упавшей как раз на половину по сравнению с канадской. Бельгийские и английские, а также французские курсы колебались именно около этой средней точки. В тот день, когда иностранная валюта пре-

высит 50% стоимости канадской, стоимость фактуры будет исчисляться в полной сумме. На следующий день, когда она составит всего 49% паритета, согласно новой валютной оговорке, на канадскую валюту будет переведена лишь половинная сумма. *Difficile est, satiram non scribere.*

Этот закон оказался ударом по воде. Огромные массы дешевых германских товаров продолжали все же поступать в Канаду, только не непосредственно, но обходным путем через Голландию или Англию. Посылают-ли германские фабрики свои изделия в полуготовом виде в Великобританию, где им придают окончательную форму, так что их ввоз в Канаду происходит по льготному британскому тарифу, или товары продаются сперва какой-нибудь голландской фирме — во всяком случае, германские товары поступают в Канаду без валютных надбавок. Тот факт, что на многих товарах имеется надпись «made in Germany», не устрашает покупателей, за исключением немногих мест, где еще пылает ненависть к Германии; в этих случаях торговцы настаивают на уничтожении надписи до поступления товаров на склады. Но многие покупатели даже склонны рассматривать обозначение «made in Germany», как ручательство хорошего качества товара ¹⁾.

Г. Замыкание.

1. Обращение товаров²⁾.

В подобной удушливой атмосфере протекционизм распускается пышным цветом. Во всех странах стараются ограничить ввоз. С тех пор, как канадская валюта упала по сравнению с валютой Соед. Штатов, наступили серьезные затруднения и в сильно развитом хозяйственном обороте этих двух, тесно связанных между собой соседних стран. С весны 1920 г. в Канаде посыпались запреты и увещевания

1) „Weltwirtschaftliche Nachrichten“, Kiel, от 4 vi 22.

2) См. исследование профессора Joseph Bergfried Esslen: *Die Valutazölle der Gegenwart. Ein Beitrag zur Theorie des Aussenhandelspolitik.* Jena, Fischer, 1922.

не покупать никаких ценных бумаг Соединенных Штатов и не ввозить оттуда товаров без крайней надобности. Тем временем стала проявляться довольно сильная тенденция, без участия в этом государства, заключающаяся в том, что канадцам выгоднее удовлетворять свою потребность в промышленных товарах на европейских рынках, чем у своего южного соседа. Чего ради им платить в Нью-Йорке дизажио на свои деньги в размере 17%, когда в Европе они на свою валюту получают лаж в 20, 50, 300 и больше процентов? Поэтому, Канада сделала много заказов в Европе, что вызвало большое беспокойство со стороны экспортных фирм в Соединенных Штатах, лишившихся еще одного крупного клиента в лице Канады. Тогда в Соед. Штатах повели энергичную пропаганду за удержание канадской торговли, и экспортные фирмы выразили готовность принимать канадскую валюту по паритету или с менее значительной скидкой, чем это соответствует разнице валют. Выручаемые суммы эти фирмы соглашались держать по возможности в канадских банках, получая на руки лишь соответствующие свидетельства, которые должны брать банки Соед. Штатов в качестве обеспечения предоставляемого им в известном размере кредита. Но, конечно, подобные сделки не могут продолжаться бесконечное время.

Сильнее всего желание хозяйственно-политически замкнуться в себе — в странах с самой высокой валютой. Но оно проявляется также и в прочих государствах. Даже в Италии тяжелая индустрия требует мероприятий против все более ощутительной конкуренции Германии. По существу, предложения промышленников сводятся в конечном счете к требованию монополии на внутренних рынках. Конечно, это неудобное слово по понятным причинам никогда не произносится.

В качестве примера тенденций к замыканию в себе стран с сильной валютой, я приведу Швецию, Испанию, Австралию, Британскую Индию и Соединенные Штаты.

В Швеции, в мае 1921 г. правительство предложило парламенту проект закона, предусматривающий повышение таможенных пошлин на 100 с лишним предметов прежнего

тарифа в общем в два раза. Повышение проектировалось, главным образом, по отношению к мебели, обоям, текстильным изделиям, стеклянным и керамическим товарам, металлам. Для тех предметов, которые облагаются по их стоимости, предусмотрено повышение в 30% (здесь имеются в виду, главным образом, моторы, автомобили, трамвайные вагоны и пр.). Планомерное повышение таможенных пошлин было направлено в первую очередь против роста ввоза из Германии. В объяснительной записке к проекту было указано, что не исключена возможность запрещения ввоза в связи с восстановлением системы лицензий. Это будет зависеть от того, какое влияние окажут санкции Антанты на германский экспорт на Север ¹⁾. Доход от нового повышения таможенных ставок правительство оценило приблизительно в 3 миллиона крон в год. Это немного, по сравнению с общим оборотом внешней торговли. Впрочем, при сильных колебаниях стоимости ввозимых товаров, нельзя предвидеть, как велики будут фактические доходы. Упал же в мае 1921 г. шведский ввоз до 95 милл. крон против 314 милл. крон за тот же месяц предшествовавшего года, а вывоз — до 82 милл. вместо 227.

Но парламент отклонил это предложение, так что по сравнению с довоенным временем никакого повышения пошлин не произошло, если не считать семян и некоторых предметов роскоши. — Правительство осталось, конечно, недовольно, и министр торговли внес 9 мая 1922 г. новый проект закона о мерах против валютного *dumping'a*. Проект основан на том, что разница между издержками производства в странах с плохим вексельным курсом и в Швеции часто настолько велика, что никакое уменьшение себестоимости товаров в Швеции даже приблизительно не может ее устранить; для этого потребовалось бы ограничение заработной платы до уровня значительно ниже необходимого для существования минимума. Трудно, правда, доказать валютный *dumping*, но уже повышение специальных вывозных пошлин в странах слабой валюты доказывает, что *dumping*

¹⁾ „Deutsche Allgemeine Zeitung“ от 27 v 21.

имеет место. Дальнейшим доказательством служит повышение шведского ввоза из подобных стран.

В Финляндии Центральный Союз импортных обществ в Гельсингфорсе бомбардирует правительство записками о необходимости принятия самых строгих мер против иностранного dumping'a. В § 5 закона о введении в действие финляндского таможенного тарифа 26 мая 1919 г. имеется постановление о dumping'e, но оно оказалось недостаточным. Там говорится, что особая пошлина на dumping может быть установлена лишь тогда, когда продажная цена для Финляндии на товары, которые производятся также и в Финляндии, ниже рыночной цены в экспортирующей стране; но нынешние валютные соотношения не могут дать правильного масштаба для рыночных цен в странах слабой валюты, ибо в этих странах, вследствие незначительной стоимости труда изготовление продуктов обходится значительно дешевле, чем в странах с более высокой валютой. Еще неизвестно, как решило правительство. На основании закона от 30 декабря 1921 г. о таможенном тарифе на 1922 г., оно может в любой момент запретить ввоз тех или иных товаров, чтобы оградить отечественную промышленность от иностранного dumping'a.

Испания, торговый баланс, которой в 1919 г. показывал актив в 405 милл. пезет, уже в 1920 г. заключила свой баланс с гораздо большим пассивом и вынуждена была стать на путь протекционизма, когда Франция в конце 1920 г. запретила ввоз испанских вин. В декабре 1920 года был поднят вопрос о таможенных пошлинах, и для начала последовало повышение ставок для 209 предметов. 19 мая 1921 г. издан был королевский указ, возвещавший новый временный таможенный тариф, действие которого начиналось 21 мая. Этот указ заключал в себе 718 названий предметов ввоза, при чем для каждого даны две цифры ставок. Низшая применяется к товарам тех стран, в которых предметы испанского вывоза обложены минимальными ставками, а высшая — ко всем остальным странам. Кроме того, правительство может делать надбавки к высшим ставкам на товары, прибывающие из стран, которые устанавливают у себя

особенно неблагоприятные условия для испанских пароходов и товаров. Далее, могут делаться надбавки на товары, пользующиеся в стране экспортными премиями. Тарифные ставки взимаются в золоте. В среднем, они повышены почти на 100% по сравнению с прежними. К этому еще присоединяется надбавка на золото, которая в июне 1920 г. составляла 40%. Но всего этого мало: согласно королевского указа от 3 июня, для товаров из стран с более низкими курсами исчисляется еще особая валютная надбавка.

Как мы видим, эта новая система чрезвычайно искусственна. Каждому импортеру приходится исчислять столько коэффициентов и надбавок, что он очень легко может разойтись в своих вычислениях с таможенными властями. Коэффициент для вычисления валютной надбавки получается путем вычитания средней котировки иностранных девиз из 100, как паритета. Эта средняя котировка была, напр., в июне 1921 г. для французского франка 63,77, для лиры 40, для марки 12,33.

В Австралии новый таможенный тариф вступил в силу уже с 1 марта 1920 г. Он повысил большинство таможенных ставок особенно для продуктов промышленности. На ткани и одежду повышение по сравнению с прежними тарифами составило 15—55%, на металлические товары 10—40%. Следствием такого значительного повышения было увеличение ввоза машин, ибо протекционный тариф делает выгодным устройство фабрик ¹⁾.

С 1 августа 1922 г. вновь допускается ввоз из бывших враждебных стран. Но извещение об этом последовало лишь 12 января 1922 г., месяц спустя после опубликования австралийского закона против dumping'a. Полный титул последнего гласит: Customs Tariff (Industries Preservation) Act 1921. Он примыкает к аналогичным постановлениям в Англии, Соединенных Штатах, Канаде и Южной Африке, но расчленяет случаи dumping'a на 8 различных групп. Первые четыре касаются dumping'a при продаже товаров за гра-

1) „The Guaranty Survey“, New-York, 31 v 21.

ницу по чрезмерно дешевым ценам, как это уже практиковалось до войны; последние 4 группы относятся исключительно к так называемому валютному dumping'у.

Правительство Британской Индии в начале 1922 г. предложило законодательному собранию в Дели законопроект о повышении ввозных пошлин от 11 до 15%. Это повышение вызвано чисто-финансовыми соображениями. Но рядом с этим остались в силе многие постановления из эпохи хозяйственной войны. Так, немцам воспрещен въезд в Индию в течение 5 лет. Это сильно затрудняет ввоз германских машин. Как можно, напр., поставлять машины для размола риса, если нельзя при этом отправить специалиста-монтера?

В Соединенных Штатах 26 мая 1921 г. вступил в силу «чрезвычайный таможенный тариф» для ввозной торговли. Он был введен сперва на 6 месяцев, но потом был продлен. По сравнению с прежними таможенными ставками, он содержит существенные изменения лишь для шерстяных продуктов, для которых ввозная пошлина повышена в среднем, на 45 центов на фунт, для хлопчатобумажных товаров повышение составляет 7 центов. Ограничение ввоза красок, направленных так же против Германии, как и против Англии, продлено чрезвычайным тарифом. Далее, он заключает в себе действительную оговорку о dumping'e, а именно: цены на ввозимые товары не должны быть ниже продажных цен тех стран, где они производятся.

Уже в начале 1921 г. в Конгресс был внесен так называемый фюрднеевский тариф, который требовал самых высоких таможенных ставок, какие только знала эта страна усиленного протекционизма за последние 20 лет. Правда, удалось исключить из списка облагаемых или запрещенных к ввозу предметов 5 существенных статей, а также отменить запрещение ввоза красок, чтобы оказать противодействие монопольным устремлениям американской химической промышленности. Все же тариф заключает в себе исключительно суровые постановления по отношению к странам с слабой валютой, которые, благодаря этому, лишены возможности использовать разницу между ценами внутрен-

него и внешнего рынка. Стоимость ввоза исчисляется на основе американских рыночных цен, но не по покупным ценам стран производства товаров. Иностранные товары должны иметь клейма или другие знаки своего происхождения на английском языке.

Постановления нового протекционистского таможенного тарифа идут гораздо дальше оборонительного билля Англии против dumping'a. Америка сознательно стремится повредить европейскому вывозу. Ей хотелось бы удержать вывоз на прежней высоте, но по возможности уменьшить ввоз. Правда, умные люди в Северной Америке хорошо знают, что это не может долго длиться, что уже теперь нечего об этом думать, после того, как Европа обнищала благодаря сказочному превышению вывоза Америки над ввозом с 1915 года, все это известно даже многим депутатам. Но избиратели еще не созрели для того, чтобы понять необходимость такой экономической политики, которая повысит покупательную способность Европы путем поднятия ее производства.—Форднеевский тариф имеет также целью исправить плохие государственные финансы. От него ожидают ежегодного дохода в 700 миллионов долларов против тех 300 милл., которые приносил введенный до войны тариф Пэн-Альдриха.

21 июля 1921 г. Форднеевский билль был принят Конгрессом 288 голосами против 127. Однако, его слабая сторона обнаружилась так скоро, что различные группы начали борьбу против него. Многие промышленные круги вновь начали взывать о более сильной защите против иностранной, главным образом, германской, конкуренции. В течение нескольких месяцев финансовая комиссия Сената обсуждала новый таможенный проект, который носит название по имени докладчика финансовой комиссии—«Мак Кумбер-билля». Этот проект был доложен Сенату 11 апреля 1922 г. Важнейшие его постановления следующие:

Вместо «американской расценки» для определения стоимости тех товаров, для которых ставки установлены в соответствии с их ценою, была принята в принципе «ино-

странная расценка», т.е. была сохранена основа исчисления стоимости чрезвычайного тарифного закона 27 мая 1921 г.

Президент Соединенных Штатов имеет право, в зависимости от обстоятельств, повышать или понижать таможенные ставки. Далее, ему предоставлено право иначе классифицировать те или иные предметы, вычеркивать отдельные статьи из листа освобождаемого от пошлин товаров и включать их в лист подлежащих пошлине, наконец, даже применять «американскую расценку» в качестве основы для исчисления пошлин, если иным путем невозможно защитить американскую промышленность против иностранной конкуренции.

После долгого обсуждения, был принят принцип «иностранной расценки». Согласно этого принципа, при исчислении пошлины принимается во внимание цена, которая уплачивается иностранным продавцам за ввозимые товары. А для удовлетворения всякого рода протекционистских вожделений достаточен тот новый параграф, согласно коего президенту Соединенных Штатов предоставлено право уменьшать или повышать таможенные ставки и вводить в случае надобности «американскую расценку». Что здесь дело идет о высоко-протекционном тарифе, явствует уже из расчета ожидаемых таможенных доходов, которые определяются, в случае вступления в силу Форднеевского билля в 700 милл. долларов в год, в то время, как обычная сумма ежегодных таможенных поступлений составляет всего 350 милл. долл. Таможенные доходы при ныне действующем тарифе Ундервуда в связи с чрезвычайным биллем (Emergency-Bill) составили в 1908 году 308 милл. долларов.

В Англии агитация в пользу закона против dumping'a велась под лозунгом: необходимо воспрепятствовать удручению главных отраслей английской промышленности иностранными товарами.

— Это удручение, — говорил Ллойд-Джордж, — нельзя выводить только из свободы торговли; лучшим средством против dumping'a явилось бы установление таможенных пошлин. — В этой манере речи проглядывает страх пе-

ред брошенным правительству упреком в нарушении принципов. Свобода торговли имеет в Англии еще столько приверженцев, что с ними приходится считаться. Поэтому, правительство, для поддержки своего законопроекта о защите промышленности, внесенного им в мае 1921 г. и дважды отложенного, прибегло к следующим внушительным словам: «Защита строго определенных отраслей промышленности, борьба с недобросовестной конкуренцией, недопущение ввоза из страны с обесцененной валютой». Когда Асквит в Палате Общин возражал против правительственного предложения, заявив, что надо отвергнуть покровительственный тариф, ограничив защиту английской промышленности предоставлением государственной помощи, Ллойд-Джордж ответил: «законопроект является естественным последствием принятых в Париже решений. Тысячи жизней погибли во время войны благодаря тому, что главные индустрии страны остались без защиты. Напр., если бы в Германии не было химических фабрик, то война кончилась бы на два года раньше. Надо иметь короткую память, чтобы забыть, что, напр., в начале войны у Англии не было магнето для ее автомобилей. Нельзя подвергать себя еще раз подобной опасности.

В дебатах Асквит указал на то, что закон гораздо более вреда принесет Бельгии и Франции, чем Германии. И общественное мнение было не единодушно по отношению к новому предложению. Так лорд Инчкэп, председатель «National Provincial and Union Bank» и «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company» обратился с открытым письмом в «Times», где он указывает на тяжелые последствия нынешнего паралича промышленности. Там говорится: «Старая ошибка протекционистов думать, что мы можем, подобно медведю зимой, жить собственным жиром, что мы можем продавать и потреблять продукты нашей промышленности в собственной стране; это было бы, пожалуй, возможно в недостаточно развитой стране и с недостаточным населением, но, конечно, не в настоящее время. Каковы следствия? Население Англии не может существовать не производя; а производить оно не может без ввоза сырья; платить же за сырье

возможно лишь путем вывоза угля и фабрикатов: не вывозя того и другого, Англия не в состоянии давать работу своему судоходству и тем покрывать часть своего пассивного торгового баланса. Вместо большого дохода от вложенных за границу капиталов, Англия имеет иностранный долг в сумме свыше 1 миллиарда фунтов стерлингов, при чем проценты за него она может платить лишь в форме вывоза товаров и услуг; пока она не восстановит своего экспорта и своего судоходства, она должна будет впасть в еще большую задолженность — или умереть с голоду. Если Англия преодолееет тяжелые потрясения победоносной войны, она должна будет усиленно добывать уголь и изготавливать товары, продавая их за границу; но она не может продавать, когда нет покупателей, или когда ее цены не в состоянии выдержать конкуренции с другими странами. Англия должна повысить и удешевить свое производство. Она должна больше вывозить, чем ввозить, чтобы покрыть свой внешний долг». Вся надежда нации, которая до войны стояла во главе мировой торговли, заключается в восстановлении этой торговли.

1 октября 1921 г. вступил в силу английский закон против dumping'a. Этот закон установил пошлину на огромное число ввозимых товаров в размере $33\frac{1}{3}\%$. В списке значится более 6.000 наименований разных товаров, в том числе и таких, которые вообще не производятся в Англии. — Начальник таможни в Дувре заявил перед тамошним полицейским судом, что со времени вступления в силу этого закона наблюдается форменная контрабандная эпидемия. Применение закона вызвало ожесточенные нарекания купцов и потребителей.

«Была задержана одна партия кукол на том основании, что кукольные глаза сделаны из «дутого стекла». Во время обсуждения закона было ясно указано и обещано, что это выражение относится лишь к стеклам, применяемым для научных целей. Электрические лампочки, которые, вообще говоря, свободны от обложения, обременены, однако, $33\frac{1}{3}\%$ -ной пошлиной из-за незначительных количеств вольфрама, которые в них заключаются. Абсурдность всего этого

будет особенно ясна, если мы вспомним, что сотня пар глаз для маленьких кукол стоит всего 1 шиллинг; таким образом, партия в 200 кукол заключает в себе подлежащего обложению предмета всего на 2 шиллинга, т.-е. в сумме 8 пенсов. Каждый день приносит с собой новые разоблачения поведения ошалелых чиновников. Известно, напр., что стоимость документов и пр. в случае, когда приходится уплатить 1 пенни пошлины, составляет 5 шиллингов. Публике это смешно, а купцы воют¹⁾»

Даже в Голландии, которая в течение десятилетий решительно придерживалась фритредерской экономической политики, все громче раздаются голоса в пользу запрещения ввоза и покровительственных пошлин. Пока, однако, ни правительство, ни крупные промышленники и торговцы не дают отклонить себя от прежнего пути²⁾.

Франция начала в 1921 г. таможенную войну против Испании. Но в своей таможенной политике даже против дружественной Бельгии она зашла так далеко, что вызвала там величайшее неудовольствие. Бельгийский вывоз во Францию в первые 9 месяцев 1921 г. упал до 293.412 тонн против соответственной цифры 573.412 в предшествующем году, в то время, как французский вывоз в Бельгию вырос с 257.428 т. до 291.955 т. Еще яснее обнаруживается действие французского таможенного тарифа в 45% стоимости ввозимого товара плюс 10% надбавки на предметы роскоши, по сравнению с бельгийскими ввозными пошлинами в 20%, на ввозе и вывозе автомобилей. В первые 9 месяцев 1921 г. Бельгия могла сбыть во Франции всего лишь 82 автомобиля стоимостью в 1.875.000 франков, в то время, как вывоз французских автомобилей в Бельгию за тот же период времени составил 1.653 машины стоимостью 27 милл. фр.

¹⁾ Из статьи либерального депутата J. D. Kiley в „The Free Trader“ 1921, кн. 10.

²⁾ О „протекционистской болезни“ см. также статью „Economist“ от 3 XII 21, стр. 968 и сл.

II. Передвижения людей.

Стремления к хозяйственной замкнутости не ограничиваются созданием препятствий для импорта иностранных товаров, но направлены и к недопущению в страну иностранцев или удалению уже проживающих там иностранцев.

В Соединенных Штатах весной 1921 г. был издан закон, ограничивающий число ежегодной иммиграции тремя процентами общего числа пребывающих в стране представителей каждой данной нации. Таким образом, за основу принята чисто-механическая точка зрения, безотносительно к размерам территории и экономическому развитию отдельных народов. В результате, Англия, владеющая почти четвертой частью всей земной поверхности, имеет право посылать ежегодно в Соединенные Штаты 77.026 новых эмигрантов, в то время, как Германия—только 68.039, Италия—42.039, Россия—34.247, Польша—25.860, Чехо-Словакия—14.209, Норвегия и Швеция—ок. 12.000, Румыния—ок. 7.000, Юго-Славия—6.000, Франция—5.692, Дания—285, Австрия—7.244. Это ограничение является наиболее тяжелым для Германии и Италии. Переселенцы этих стран, число которых и так уже доведено до минимума вздорожанием путевых расходов, принуждены направляться в другие страны света.

На основании этого закона, уже к началу 1922 г., т.е. к середине административного года Соединенных Штатов (с 1 июля по 30 июня), был прегражден доступ в течение целых шести месяцев 14 нациям, происходящим из следующих стран: Африка, острова Атлантического Океана, Греция, Венгрия, Юго-Славия, «остальная Азия», «остальная Европа», Палестина, Польша, Новая Зеландия, Испания, Сирия, Турция и Смирна. Среди них, таким образом, есть многие союзники в мировой войне.—После этого, к 14 нациям прибавились и дальнейшие. 17-ой по порядку была Италия, эмиграция которой к началу февраля 1922 г. достигла высшей точки, так что до конца июня доступ итальянским переселенцам в Соед. Штаты воспрещен. Из средне-европейских стран допускаются в более значительных коли-

чествах только австрийцы и немцы. Для последних иммиграционный закон установил ежегодную цифру в 68.039 человек, между тем как за первые 7 месяцев административного года их переселилось всего ок. 12.000 человек, так что остается еще 56.000. Но, вероятно, этой цифры не достигнет число немецких эмигрантов (благодаря валюте). Напротив, Польша принадлежит к числу стран, уже перешедших через максимум допустимой иммиграции. Более 26.000 переселенцев оставили эту страну, чтобы найти лучшую родину в Соед. Штатах.—Также и эмиграция из Чехословакии почти достигла предельной цифры.—Югославия уже перешагнула через эту точку.—Как видно, в новообразовавшихся славянских государствах не очень сладко живется.

Даже в Голландии, вследствие сильного наплыва мужской и женской рабочей силы, предполагают установить с 1 июля 1922 г. ежегодный налог в 150 гульденов за каждого не голландского рабочего, занятого в стране.

Как пример тех устремлений, которые направлены к удалению уже проживающих в стране иностранцев, укажем на Швейцарию, в которой, по переписи 1910 г., из 3.753.293 жителей было 552.000 иностранца, а на 1 декабря 1920 г. из 3.857.840 жителей числилось иностранцев всего 410.983 человека. Таким образом, процент иностранцев с 14,7 упал до 10,6. Теперь поэтому уже нельзя говорить о переполнении Швейцарии иностранцами, на что сильно жаловались до войны. Все же правительство стремится возможно больше сократить число иностранцев. Уже покинуло страну ок. 150.000 иностранцев. В последние годы было выслано из страны много лиц, совершенно законно проживавших в Швейцарии. Участились «лишения права жительства». В качестве причины приводилась квартирная нужда. Но сейчас таковой почти нет в Швейцарии, есть лишь подозрительная спекуляция с квартирами, подымавшая годовую плату за комнату без мебели до 1.000 франков и выше. Во многих городах, напр., в Берне и Сен-Галлене, замечается избыток свободных квартир; в Цюрихе, население которого быстро уменьшается, много квартир пустует. Несмотря на это, власти продолжают вы-

сылать иностранцев, хотя это более не оправдывается политическими соображениями.

III. Движение капиталов.

Имеется также тенденция к устранению, по возможности, иностранных капиталов. Так, число котировавшихся на важнейших швейцарских биржах швейцарских и иностранных ценных бумаг составляло в декабре 1913 и в июле 1921 г. ¹⁾:

Котирующиеся ценности	БАЗЕЛЬ		ЦЮРИХ		ЖЕНЕВА		ЛОЗАННА	
	Дек. 1913	Июль 1921	Дек. 1913	Июль 1921	Дек. 1913	Июль 1921	Дек. 1913	Июль 1921
Швейц. ценности	372	456	352	414	256	318	203	244
Иностр. ценности	147	142	117	111	267	230	18	18
ВСЕГО	519	598	469	525	523	548	221	262

За исключением Лозанны, где уже в 1913 г. котировалось незначительное количество иностранных ценных бумаг, число иностранных ценных бумаг упало, а швейцарских — значительно поднялось.

Как в Швейцарии, так и в других странах с сильной валютой ставятся бесчисленные препятствия заключению иностранных займов и иностранной торговле. Так, капиталы в Соедин. Штатах, большей частью, отклоняют предложения о займах или требуют таких высоких процентов, что нуждающиеся в кредите страны и города, промышленные и торговые предприятия Европы, Ю. Америки и прочего мира, принуждены отказываться от займов (раньше Соед. Штаты редко выступали в качестве заимодавцев). Но кризис выбросил на рынок столько капиталов, ищущих помещения, что эта позиция с 1921 г. сильно изменилась ²⁾.

¹⁾ Schweizerischer Bankverein Bericht 1921, № 7, стр. 130.

²⁾ См. главу „Кризис капиталов“ во 2-м изд. моей „Zerrüttung der Weltwirtschaft“, стр. 387 — 429.

Между тем, не только страны с сильной валютой закрывают по возможности свой рынок капиталов перед слабо-валютными и тем самым особенно нуждающимися в деньгах странами, если только находят какую-либо другую возможность вложения своих капиталов, но то же самое обособление имеет место и со стороны слабо-валютных стран по отношению к сильно-валютным. Здесь действует противоположная причина. В этих странах нужда в деньгах для себя столь настоятельна, что вряд ли есть какая-нибудь возможность вложить капитал в иностранное предприятие. Так, даже канадский министр финансов сэр Генри Драйтон в начале апреля 1920 г. воспретил торговлю облигациями, акциями и другими ценными бумагами всех иностранных государств, в особенности Соединенных Штатов, хотя расхождение курса канадского доллара по сравнению с долларом Соед. Штатов не достигало и 12%.

Прежде Соединенные Штаты были весьма емким рынком для канадских ценных бумаг. Из всех иностранных бумаг янки предпочитали канадские. С 1915 до 1919 г. было куплено в Соед. Штатах канадских акций на общую сумму в 771 милл. долларов. Проценты, которые приходится Канаде платить за эти бумаги, весьма содействуют повышению пассивности канадского баланса по отношению к Соед. Штатам. Последние предлагают Канаде продолжать платить Соед. Штатам свои долги в этих ценных бумагах, чтобы поддержать на прежнем уровне торговые отношения обеих стран. Для Соединенных Штатов, которые во время войны выросли в самое крепкое капиталами государство, ставшее всеобщим кредитором, это было бы очень выгодно, ибо укрепило бы их финансовое превосходство также и в отношении Канады. Но канадцы имеют глупость не следовать этим соблазнительным призывам. Напротив того, «Canadian Bank of Commerce» настойчиво предостерегает от этого предложения. В одном из своих месячных отчетов, вызвавшем большое внимание в Канаде, этот банк подчеркивает, что дальнейшая продажа канадских ценных бумаг Соединенным Штатам лишь в том случае может улучшить экономическое положение Канады,

если вырученные от этой продажи суммы будут употреблены на изготовление товаров, которые будут проданы Соединенным Штатам. Но это представляет для янки значительно меньший интерес, чем укрепление своего финансового господства.

Д. Стремительная индустриализация.

Благодаря стремлению всех стран к сокращению ввоза, — там, где снабжение промышленными товарами шло из-за границы, неминуемо возникает желание создать собственную промышленность. Частные хозяйства надеются таким путем извлечь высокие прибыли, каковые, по их сведениям, получают многие промышленные предприятия хозяйственно-руководящих стран (о неблагоприятных случаях и убыточных предприятиях обычно умалчивают по вполне понятным причинам). С точки зрения народно-хозяйственной, надеются насаждением промышленности на собственной территории добиться преимуществ большей плановости и обеспеченности снабжения. Легко убедиться в том, что такие надежды могут оказаться ошибочными, что часто и случается на деле, — особенно когда национальное воодушевление надувает паруса до начала путешествия. Большею частью, выходит так, что собственная промышленность вырабатывает продукт дороже, чем иностранная, опирающаяся на больший опыт, и что продукты эти худшего качества, ибо квалифицированная рабочая сила создается лишь с большим трудом, и для нее требуется время. Таким образом, вместо радости, индустриализация приносит с собой расстройство и заботы для народного хозяйства.

И все же — стремление к индустриализации возникло почти во всех вне-европейских странах. Война создала нездоровую атмосферу, ускорившую это движение. Во всех странах, поставивших военное снаряжение — а была ли хоть одна страна, не занимавшаяся этим? — были созданы новые промышленные предприятия, и часто это происходило по желанию и при помощи той державы, которая раньше обычно смотрела косо на успехи промышленности в других

странах, а именно Англии. Англия боялась проиграть войну, которая доказала поразительную промышленную мощь Германии и тем самым могла создать благоприятную почву для германской конкуренции за океаном, если, кроме Антанты и Соединенных Штатов, и другие страны не посвятят себя изготовлению военного снаряжения. И так как Антанта в союзе с Америкой не считала миллиардов, лишь бы добиться конечной цели, то в дальние страны всех частей света потекли такие суммы денег, что вскоре за пределами Европы просто не знали, куда девать излишки денег. Указанный путь основания новых промышленных предприятий показался наиболее подходящим. Так выросли вдруг новые отрасли промышленности в государствах южного полушария, в Восточной Азии, в Британской Индии и в других странах.

Этот процесс продолжался и в переходную эпоху. С своей стороны, он укрепляет протекционизм. Юные отрасли промышленности чувствуют неуверенность перед конкуренцией более опытных стран. Поэтому, они настойчиво требуют покровительственных пошлин. Так, индустриализация в Австралии и многих других государствах не мало способствовала сооружению покровительственных таможенных барьеров.

Здесь можно лишь мельком упомянуть о том, как далеко пошла эта индустриализация. По приблизительной оценке, в военные годы она развивалась быстрее всего в Соед. Штатах, Канаде и Японии, а затем в Индии и некоторых государствах Южной Америки. Но и в Южной Африке она довольно значительна.—Особенно гигантские успехи за океаном показала текстильная и пищевая промышленность. Весьма характерно, что английские заводы текстильных машин завалены заказами из-за границы, в то время, как вся прочая экспортная индустрия испытывает сильные затруднения.

В южно-африканский союз было ввезено в 1920 г. машин на 1.167.000 долларов. Эта сумма почти на 400% выше соответственной суммы того довоенного года, в который было ввезено больше всего машин. Большинство ввозимых теперь машин предназначено для выработки табаку, папирос, мыла, бетона, шерстяных товаров и т. д., а также для кирпичных заводов, рафинадных, для переработки побочных продуктов

угля, затем для металлопромышленности, для газовых установок, для топливной промышленности, для перегонных аппаратов, для консервирования плодов.

Почти все без исключения страны, производящие хлопок, желают создать собственную хлопчатобумажную промышленность. Избыток каучука часто вызывает желание (напр., в Бразилии) создать собственную резиновую промышленность.—В начале 1922 г. к бразильскому министру финансов была обращена просьба об освобождении от ввозных пошлин разных купленных в Германии машин, предназначенных для оборудования фабрики различных видов кожных экстрактов; этой отрасли промышленности раньше не существовало.

Все это очень знаменательно. Эти факты показывают, что те страны, которые раньше только поставляли сырье, теперь стремятся по возможности сами обрабатывать это сырье, не прибегая к помощи заграницы.

Быстрее всего идет развитие текстильной промышленности во всех странах света. В течение последнего столетия (между 1834 и 1921 г.) число хлопчатобумажных веретен на земном шаре увеличилось с 21 до 152 миллионов. В 1834 году Европа настолько превосходила все другие части света своим машино-ткацким производством, что Соединенные Штаты, с своими 1,4 милл. веретен из 20,98 милл. общего количества, составлял едва одну пятнадцатую часть. Другие части света, вообще, в счет не идут. Напротив того, в 1883 году, из общего количества в 80,6 милл. веретен Америке принадлежали 12,66 милл. В это время уже и Индия имела 1,75 милл. веретен. С тех пор индусская текстильная промышленность сделала огромные успехи. Но ее значительно перегнали Япония и Китай. Текстильные фабрики в этих двух странах были основаны позже, но уже теперь их продукция превышает хлопчато-бумажное производство всех европейских стран вместе взятых.

Так, индустриализация охватывает все части света и растет почти во всех государствах, между тем как старые промышленные страны стоят перед угрозой сокращения своих рынков сбыта—если не считать машиностроительной

промышленности, которая изготовляет для вновь возникающих промышленных предприятий необходимые орудия производства. Я не иду так далеко, чтобы утверждать, что вывоз машин является с точки зрения народного хозяйства самоубийством, но склоняюсь к мнению Дицеля ¹⁾, хоть и считаю его оптимизм преувеличенным. Тем не менее, мне кажется, что при нынешнем экономическом положении Европы, слишком стремительный темп индустриализации заокеанских стран является для нее тяжелой опасностью.

Е. Распад мирового хозяйства.

Итак, если многие силы стремятся превратить каждое отдельное государство в самодовлеющий хозяйственный организм, то возникает вопрос: какие последствия—и какие границы имеет этот распад мирового хозяйства?

Опыт мировой войны и прежних, а именно наполеоновских войн, дают определенный и недвусмысленный ответ на этот вопрос. В обе эти эпохи военные руководители пытались превратить свое национальное хозяйство в замкнутое торговое государство. Мировые рынки распались, производство и потребление должны были ограничиться собственным народом внутри собственных границ.

Следствием были невероятные колебания цен и роковая дороговизна. Если желают обособить национальное хозяйство, то надо быть готовым уплатить эту цену. Еще классическая политическая экономия определенно указывала на выгоды международного разделения труда. Таким путем соблюдается экономический принцип, повышается количество продукции, облегчается удовлетворение потребностей. Государственные мероприятия, направленные к ограничению ввоза—учил Адам Смит ²⁾—или бесполезны, если продукты отечественного трудолюбия могут изготовляться не дороже, чем ино-

¹⁾ Prof. D-r Heinrich Dietzel: Bedeutet Export von Produktionsmitteln volkswirtschaftlichen Selbstmord? („Volkswirtschaftliche Zeitfragen“ Heft 227 (228). Berlin: Leouhard Simion Nf. 1908.

²⁾ 4 книга, 2 глава.

странные, или же они вредны, если этого нет. После этого, Рикардо создал теорию «сравнительных издержек» и дал этим дальнейшее теоретическое основание преимуществ международного разделения труда. Ту же мысль ясно сформулировал Brentano ¹⁾, заявив, что систематическая концентрация производительных сил в тех отраслях производства, которые дают наибольший избыток сверх издержек производства, повышает богатство страны.

Все народы мира свернули теперь с этого пути, который ведет к расширению мирового хозяйства, т.е. к хозяйственному (а не только к торговому) обмену между народами. Повсюду господствуют стремления к хозяйственно-политическому обособлению, к замыканию национальных хозяйств, к исключению иностранной конкуренции, к систематическому насаждению возможно большего количества собственных отраслей промышленности.

Это создает тяжелую угрозу для роста общей хозяйственной продукции, и еще тяжелее отражается на благополучии тех отраслей хозяйства или отдельных предприятий, которые прежде работали исключительно или преимущественно на вывоз за границу. Систематическая связь между рынками отдельных народных хозяйств основательно нарушена. Вместе с тем исчезают и тенденции к выравниванию цен, каковые тенденции растут в зависимости от размеров и покупательной способности рынка. Кто недоволен лихорадочными движениями вверх и вниз кривых цен, тот логически не может выступать в пользу обособления национальных хозяйств, но должен защищать всемирно-хозяйственную связь рынков и народов.

Современное печальное положение вызвано сплетением целого ряда отрицательных явлений. Из них одним из самых важных представляется нам двуликий характер валют. С тех пор, как вексельные курсы всех государств разлетелись в разные стороны, как от разрушительного взрыва, существует целая лестница валютных стоимостей с тысячами ступеней. По этой лестнице скачет валюта ежедневно вверх и

1) Brentano. — Das Freihandelsargument.

вниз. Нет почти ни одной валюты, которая долго стояла бы на одной ступени. Поэтому каждая валюта, подобно Янусу, является двуликой: один лик с завистью смотрит на более высокие валюты, а другой — с злорадством, смешанным с озабоченностью, смотрит на более низкие валюты.

Этот двуликий характер валют вынуждает народное хозяйство всех стран по возможности ограничивать торговлю и вообще экономические отношения, как с государствами более высокой, так и с государствами более низкой валюты, и даже прекращать прежние отношения. У первых нельзя ничего покупать, ибо это слишком дорого, а у вторых — потому что опасаются снижения цен на те же продукты, производимые в своей стране. Так повсюду мировое хозяйство распадается на обособленные национальные хозяйства.

Правильнее будет сказать, что существует тенденция к этому. Ибо при современном распределении людей по поверхности земного шара, замкнутое торговое государство мыслимо лишь там, где территория страны достаточна для снабжения населения продовольствием. Но это имеет место лишь в некоторых заокеанских странах, в то время как народы Европы, за исключением России и некоторых балканских государств, не находятся в столь благоприятном положении. Вследствие роста своего населения за последние десятилетия, эти страны, не опасаясь враждебных тенденций внутри мирового хозяйства, слишком сузили свой продовольственный базис, чтобы обходиться без иностранного ввоза, т.е. без хозяйственных сношений с иностранными государствами.

Таким образом, слабая сторона мировой хозяйственной системы нашего времени обнаруживается повсеместно в торговых отношениях, которые, благодаря двуликому характеру валют, вступили в новую эру протекционизма, и даже обособления национальных хозяйств. Как и все, что оставила нам война, это взаимное обособление друг от друга расколовшегося на части человечества не может не вызывать склонности к паллиативным ме-

рам разрешения вопроса, мерам, явно беспомощным. Многие факты напоминают о том, что современные отношения между народами покоятся на зыбком песке, но достаточно одной только, почти повсеместной, безумной политики в отношении внешней торговли, чтобы ясно показать миру, что под временной крышей долго жить нельзя.

Ж. Противоположные течения.

Все громче раздаются голоса, что враждебное таможенно-политическое обособление государств не принесет исцеления. К старым защитникам свободной торговли присоединяются люди, которые ранее склонялись к протекционизму, но теперь не настолько слепы, чтобы не видеть его вредных последствий.

Так, канадское правительство летом 1922 г. внесло в парламент новый проект закона, который предусматривает отмену валютной оговорки (параграф против dumping'a, принятый в 1921 г.), а также предписаний об особых отметках для ввозимых товаров и о засвидетельствовании фактур.

Испания уже в феврале 1922 г. отменила введенные 3 июня 1921 г. надбавки на ввозные таможенные пошлины для стран с обесцененной валютой. Даже во Франции некоторые круги высказываются против преувеличенного протекционизма, ибо чувствуют на себе последствия той китайской стены, которую окружила себя Франция в таможенно-политическом отношении. Иных взглядов держатся круги, заинтересованные в вывозе (напр., «Exportateur Français»).

Самая сильная борьба против новой таможенной политики происходит в Англии и Голландии. В последней, те индустрии, которые особенно страдают от валютной конкуренции (типографии, гончарные фабрики и др.), вызвали довольно сильное движение в пользу покровительственных пошлин по примеру Швейцарии, Испании и др. Целый ряд организаций основал комитет для борьбы с валютной конкуренцией. Но вместе с тем, общее собрание

Nederlandsche Maatschappij voor Nyverheid en Handel (Голландского Государственного Союза Промышленности и торговли), обнимающего всю крупную промышленность и крупную торговлю, высказалось 31 января 1922 г., как против валютных надбавок при ввозе, так и против запретов ввоза.

Еще сильнее сопротивление в Англии. Осенью 1921 г. Асквит указал на три фактора, необходимых для восстановления Европы:

1. Пересмотр Версальского договора.
2. Взаимное аннулирование междусоюзных долгов.
3. Уничтожение существующих покровительственных пошлин.

Он пошел даже дальше. С дальновидностью истинного государственного человека, он заявил на банкете в Кобденском клубе: «Сломать таможенные барьеры является безусловной и настоятельной необходимостью. Все вновь созданные государства должны объединиться в одно хозяйственное целое».

Весьма знаменательна докладная записка о восстановлении Европы в финансовом, торговом и политическом отношениях, представленная английскими экспертами Генуэзской конференции. В торгово-политическом отношении самым важным здесь является признание необходимости свободы торговли. Уже конференция в Порторозе высказалась принципиально за свободу торговли. А теперь Англия заняла в Генуе позицию против запретительной системы, практикуемой в особенности средне-европейскими государствами ко всеобщему ущербу для торговли. Этим вынесен приговор, как против торгово-политических постановлений мирного договора, которые открыто отрицают принцип свободы торговли, так и против экономической политики созданных Антантою новых государств. Резолюция первой подкомиссии экономической комиссии в Генуе гласит:

«Как бы серьезны ни были приведенные некоторыми государствами экономические и финансовые соображения, связанные с их исключительными обстоятельствами, в пользу сохранения или введения новых запретов или ограничений вывоза и ввоза, подкомиссия признает, что эти мероприятия

являются одним из самых тяжелых препятствий для международной торговли. Поэтому необходимо безбоязненно и с возможной быстротой свести это препятствие к абсолютному минимуму».

Представитель Германии подчеркнул в этой подкомиссии, что в настоящее время господствует состояние всеобщего таможенного кризиса, смягчаемое по отношению к некоторым странам принципом наибольшего благоприятствования. Но этот принцип применяется к другим государствам лишь самыми слабыми странами. Разрушительное действие подобного положения вещей слишком ясно, ибо именно самые слабые государства имеют самые тяжелые финансовые обязательства по отношению к загранице, каковые они могут выполнить лишь своим трудом, т.-е. путем вывоза товаров. Но тут они встречают на своем пути непреодолимые таможенные барьеры. Поэтому необходимо, чтобы все европейские государства признали по отношению друг к другу право наибольшего благоприятствования и уничтожили господствующую ныне систему запретительных пошлин. Неравноправие Германии в этом отношении имеет для нее прямо катастрофические последствия. При наличии тех условий, в которые поставлена Германия, ни одна страна не могла бы восстановить свое нормальное производство, и невозможно уменьшить свой внешний долг. Поэтому, Германия требует восстановления принципа всеобщего наибольшего благоприятствования, чтобы получить, наконец, возможность выполнить свои международные обязательства.

В результате обсуждения было принято следующее компромиссное предложение:

«Конференция подтверждает принцип справедливого регулирования торговли, как он изложен в § 23 договора о Лиге Наций. Она настоятельно рекомендует возобновление торговых сношений на основе торговых договоров. Эти договоры должны, с одной стороны, покоиться на системе взаимности, приспособляемой каждый раз к особым обстоятельствам, а, с другой стороны, — заключать в себе в возможно более широком объеме принцип

наибольшего благоприятствования». Это компромиссное предложение было принято лишь с поправкой, внесенной английским делегатом, которая гласит:

«1. Большинство представленных в экономической комиссии государств заявляет, что, хотя оно и сознает временные затруднения для всеобщего проведения наибольшего благоприятствования, но считает это целью, к которой следует стремиться.

2. Равным образом, большинство представленных государств констатирует желательность того, чтобы государства, заключающие между собой торговые договоры, не связывали себя каким-либо соглашением, направленным к воспрепятствованию применения к другим государствам тех таможенных облегчений и льгот, какие могут быть взаимно установлены в таком договоре».

Таким образом, проведение принципа наибольшего благоприятствования было признано целью подавляющего большинства представленных в Генуе стран. Остается выжидать, как далеко пойдет осуществление этого принципа на практике.

Весь мир как бы раскололся на два новых лагеря, каждый из которых имеет своих сторонников во всех странах: фритредеров и протекционистов. Эта борьба, имеющая уже столетнюю давность, представляется сейчас гораздо более серьезной, чем в довоенное время, как ни завидовали раньше торговые государства каждому успеху противной стороны. Теперь дело идет о чем-то гораздо более важном, чем о вопросе большей или меньшей прибыли — вопросе, который сейчас кажется почти смешным.

Когда государство окружено непроходимой цепью гор, оно обычно облегчает себе необходимое сообщение с соседними странами тем, что прорывает через горы туннели, каких бы неимоверных расходов это ни стоило. Самые колоссальные издержки не устрашают стран, расположенных по обеим сторонам подобной природной преграды, от преодоления препятствий к их сношениям путем искусственных сооружений. А между тем, политика хозяйственного обособления есть не что иное, как создание препятствий к взаимным сношениям даже

там, где граница лежит открыто на равнине, и эти препятствия действуют точно так же, как географическая обособленность вследствие непроходимых гор.

3. Борьба за мировой хозяйственный разум.

Так, народы деморализуются духом недоверия, ненависти, вражды и зависти. Мысль об универсальной экономике, занимавшая в течение столетий умы самых передовых политических и экономических деятелей своего времени, кажется отодвинутой куда-то далеко, далеко ¹⁾.

В своем классическом опыте о торговом соперничестве Давид Юм утверждает: «Чем больше благосостояние и умственное развитие жителей страны, тем более растут их потребности; чем больше они производят сами, чем больше количество способных к обмену вещей, которые они изготовляют, тем больше они могут покупать и будут покупать у жителей других стран... Национальная промышленность народа никак не может пострадать даже при величайшем благосостоянии соседних народов... Если между ними существует свободное общение, национальная индустрия каждого отдельного народа развивается благодаря росту культуры всех других народов».

Политические и экономические отношения государств друг к другу в наше время не знают этой мудрости. Во всем мире бушует ожесточенная борьба за старые и новые рынки сбыта. Великая война предоставила многим народам превосходную возможность вытеснить неудобную конкуренцию. Конечно, окончательный результат был совсем не тот, на который надеялись. Но вместо того, чтобы убедиться в совершенных ошибках, предпочитают устранять их печальные последствия путем политики насилия или экономической вражды к другим народам.

Иногда кажется, что началась новая эра мировой истории: государства обособляются друг от друга, народы ненавидят один другой или не хотят ничего знать друг о друге. Почти

¹⁾ Ср. раздел „Экономическая солидарность народов“ во 2 изд. „Zerrüttung der Weltwirtschaft“, стр. 769—778.

повсеместно господствует тенденция замкнуться от других в торгово-политическом и хозяйственно-политическом отношениях. В особенности это применимо к самым богатым нациям и по отношению к самым бедным.

Мысль о том, что мир сорвался с своих петель, уже более не ослепляет, напротив, все с ужасом смотрят, как мрачная тень гибели спускается над Европой. Было нетрудно разорвать железным кулаком тонкую сеть мирового хозяйства. Для ее восстановления, ибо это сейчас неизбежно, потребуются более умелые руки.

Мировое хозяйство и народные хозяйства подверглись такому изнурению, что их мучения должны были бы исполнить глубочайшим состраданием самые безжалостные души. Однако, до сих пор еще ни один из нынешних сильных мира сего не пошел решительно по пути, который мог бы вывести мир из этого хаоса. С этим согласны все, кто имеет дело с хозяйственными вопросами — и все же до сих пор почти ничего не сделано, чтобы убрать бесполезный мусор с мировых полей.

Пока что, здесь и там (главным образом, в Соединенных Штатах), считают возможным обеспечить собственное богатство, замкнувшись от прочего мира. Но это невозможно технически, а с хозяйственной точки зрения должно привести лишь ко всеобщей катастрофе. С другой стороны, наличие рядом величайшего богатства и крайней нужды действует развращающим образом на обе стороны. Что выносимо при незначительных различиях, становится проклятием там, где одна сторона, благодаря обладанию капиталом, может распоряжаться экономической, а, следовательно, и культурной судьбой другой стороны.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
1. Крах валют	5
А. Государство и девизная политика во время мировой войны	5
Б. Как образуется курс девиз?	8
В. Валюта и потребность в ввозе	18
Г. Отношение внутренних цен к стоимости валюты	20
Д. Международный характер валютных колебаний	31
Е. Головокружительный танец валют в годы войны. Спрос на второстепенные девизы	33
Ж. После перемирия	35
2. Спекуляция валютой	40
А. Умышленная спекуляция валютой	41
I. Торговля деньгами	41
II. Торговля деньгами путем почтовых переводов и почтовых марок	58
III. Спекуляция валютой и торговля товарами	60
Б. Неумышленная спекуляция валютой	62
В. К вопросу о составлении счетов	65
3. Слабость валюты, как вывозная премия	69
А. Торговля нищеты	72
Б. Распродажа произведений искусства	77
В. „Экспорт“ недвижимости	82
Г. „Экспорт“ прочей недвижимости (рудники, государственные леса)	87
Д. Отчуждения капиталов	88
Е. Бегство капиталов	96
Ж. Способствует ли плохая валюта вывозу товаров?	99
З. Бедственное состояние валюты, как премия для переселения	112
И. Премия для переселения на тот свет	117
4. Бедственное состояние валюты, как ввозная премия	122
А. „Импорт“ людей	122

	Стр.
I. Прилив иностранцев	123
II. Возвращение на родину эмигрантов	127
B. Перевод предприятий	131
B. Прилив капиталов	183
5. Двухликий характер валют и обособление национальных хозяйств	136
A. Причины	137
I. Расстройство мировой торговли вследствие разницы в валютах	137
II. Подрыв мировой торговли вследствие валютных колебаний	140
III. Плохие финансы и принудительный вывоз	142
IV. Поощрение конкуренции благодаря торговым балансам	144
B. Следствия	146
I. Экспортные затруднения стран с крепкой валютой	146
II. Боязнь импорта в странах с крепкой валютой	148
III. Боязнь перед „dumping’ом“	150
IV. Действительный „dumping“	151
B. Меры к замыканию национальных хозяйств	152
I. Препятствия к вывозу	152
II. Препятствия к ввозу	153
Г. Замыкание	158
I. Обращение товаров	158
II. Передвижения людей	169
III. Движение капиталов	171
Д. Стремительная индустриализация	173
E. Распад мирового хозяйства	176
Ж. Противоположные течения	179
З. Борьба за мировой хозяйственный разум	183

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

—*—
ВЫШЛИ В СВЕТ:

- О. Э. Вольценбург. Библиография Библиоковедения (*распродано*).
- Артур де Гобино. Кандагарские Любовники. Из книги „Азиатские Новеллы“.
- Клод Фаррер. Рассказы.
- А. Шницлер. Возвращение Казановы. Новелла.
- О. Э. Вольценбург. Библ. Изобразительного Искусства.
Выпуск I. Теория Искусства.
Выпуск II. Общая История Искусства.
- Анатоль Франс. Преступление Сильвестра Боннара. Роман.
- С. Фарфоровский. Первичная организация труда и общества (К истории первобытной культуры).
- Рабиндранат Тагор. Счастливая ночь.
- Сарра Бернар. Маленький идол. Роман (*распродано*).
- Джэк Лондон. Маленькая хозяйка большого дома. Роман (*распродано*).
- О. де Бальзак. Гобсек. Повесть.
- Десятичная Классификация. Составил по руководству Института Международной Библиографии в Брюсселе Е. Н. Добржинский.
- Л. Л. Толстой. Правда о моем отце.
- Эрнст Шульце. Распад современных валют.
- Джэк Лондон. Маленькая хозяйка большого дома. Роман. 2-е изд.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- П. Столпянский. Жемчужины старого Петербурга.
- Гастон Леру. Человек который возвратился издалека. Роман.
- Гуштин. Обзор главнейших систем классификации наук.
- Г. Д'Аннунцио. Леда без лебедя. Роман.
- Якоб Вассерман. Христиан Ваншаффе. Роман.
- О. Э. Вольценбург. Библиография Изобразит. Искусства.
Выпуск III. Архитектура.
Выпуск IV. Скульптура и живопись.
Выпуск V. Прикладное искусство.
Выпуск VI. Художественные музеи. Выставки. Школы. Экскурсии.
Выпуск VII. Справочные издания. Сборники и журналы.

„Книжный Угол“ № 9. Критико-библиографический сборник под редакцией Виктора Ховина.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Петровские Линии, уг. Петровки, 1/20;

В Ленинграде склад изданий: Пр. Володарского, 64,
„Сотрудник Просвещения“.

2020247116